

*Журнал основан в 1918 г.*

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ**  
**КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО**  
**УНИВЕРСИТЕТА**  
**имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.**  
**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Научный журнал

**Том 6 (72). № 4**

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского  
Симферополь, 2020

**Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»  
 Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»,  
 протокол № 5 от 28 декабря 2020 г.**

**Редакционная коллегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени  
 В. И. Вернадского. Филологические науки»:**

**Орехов В. В.** – д. филол. н., проф.

**(главный редактор)**

Александрова И. В. – д. филол. н., проф.

Боргоякова Т. Г. – д. филол. н., проф.

Борисова Л. М. – д. филол. н., проф.

Гуменюк О. Н. – д. филол. н., доц.

Джумайло О. А. – д. филол. н., доц.

Дзыга Я. О. – д. филол. н., доц.

Дзюба Е. В. – д. филол. н., доц.

Жамсаранова Р. Г. – д. филол. н., доц.

Злобина Н. Ф. – д. филол. н., проф.

Зябрева Г. А. – к. филол. н., доц.

Керимов И. А. – д. филол. н., проф.

Короченский А. П. – д. филол. н., проф.

Курьянов С. О. – д. филол. н., проф.

Левицкий А. Э. – д. филол. н., проф.

Маркова Е. М. – д. филол. н., проф.

Маслова В. А. – д. филол. н., проф.

Меметов А. М. – д. филол. н., проф.

Нахимова Е. А. – д. филол. н., проф.

Ненарокова М. Р. – д. филол. н.

Орехова Л. А. – д. филол. н., проф.

Осьминина Е. А. – д. филол. н., проф.

Петренко А. Д. – д. филол. н., проф.

Петров А. В. – д. филол. н., проф.

Пономаренко И. Н. – д. филол. н., доц.

Потапова С. Ю. – д. филол. н., проф.

Савченко Л. В. – д. филол. н., проф.

Селендили Л. С. – д. филол. н., проф.

Смеюха В. В. – д. филол. н., доц.

Солопова О. А. – д. филол. н., проф.

Супрун В. И. – д. филол. н., проф.

Титаренко Е. Я. – д. филол. н., проф.

Усеинов Т. Б. – д. филол. н., проф.

Федотов О. И. – д. филол. н., проф.

Хазанкович Ю. Г. – д. филол. н., проф.

Шилина А. Г. – д. филол. н., проф.

Яблоновская Н. В. – д. филол. н., проф.

Ященко Т. А. – д. филол. н., проф.

**Егорова Л. Г.** – к. филол. н., доц.

**(ответственный секретарь)**

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 (№ 2168) по группам специальностей: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы или группы литератур) (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки), 10.01.09 – Фольклористика (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки), 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание (филологические науки), 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика (филологические науки)

Подписано в печать 24.09.2020. Формат 70x100 1/16.

Заказ № НП/191. Тираж 50. Усл. печ. л. 12,9. Бесплатно.

Дата выхода в свет 28 декабря 2020 г.

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского» 295051, г. Симферополь,

бул. Ленина, 5/7 <http://sn-philol.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2020 г.

## 1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.161.2-31-027.14

### ГЕРОЙ И ЕГО ПРОТОТИПЫ: ПРОБЛЕМА ПОКОЛЕНЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНЕ М. ГОРЬКОГО «ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА»

*Борисова Л. М., Шульженко Ю. А.*

Таврическая академия (структурное подразделение)  
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,  
Симферополь, Россия  
E-mail: borlm-sf@mail.ru, juliashul22@gmail.com

Сквозь призму проблемы «герой и его прототипы» в статье рассматриваются портрет того поколения, на которое Горький в «Жизни Клима Самгина» возлагает ответственность за исход революции в России. Проводятся параллели между конкретными фактами в биографиях Поссе, Бунина, Маклакова, Мельгунова и других реальных лиц с соответствующими эпизодами в жизни Клима Самгина. В романе четко выделены признаки, по которым исследователи судят о поколенческой идентичности («сильный предшественник», «поколенческий шаг», конфликт «отцов и детей»), что в свою очередь дает основания видеть в герое не отдельную личность, но целую генерацию предреволюционных интеллигентов, ровесников автора, принимавших участие в главных событиях своего времени. Отмечается суженный подход Горького к общественной деятельности прототипов Самгина, в которой писатель выделяет лишь один аспект – отношение к революции, что определяет (обесцвечивает) и собирательный образ интеллигента в лице Самгина.

**Ключевые слова:** М. Горький, «Жизнь Клима Самгина», прототип, поколенческая идентичность, народничество.

#### ВВЕДЕНИЕ

Проблема прототипа в литературоведении относится к числу периферийных, но начинает играть заметную роль при анализе автобиографической, художественно-документальной, исторической прозы и такого специфического жанра, как «роман с ключом». Словом, в тех случаях, когда автор, с одной стороны, «не настаивает на документальности», но с другой стороны, насыщает материал специальными сведениями [17, с. 366] или стремится написать свою биографию, «раздвоившись на автора и героя повествования» [13, с. 10]. В «романе с ключом» повествование об известных исторических личностях ведется таким образом, что их имена не

называются, но при этом делается все, чтобы они не остались читателю неизвестными.

Работая над «Жизнью Клима Самгина», Горький добивался исторической точности, изучил огромное количество источников, среди которых были и учебники по истории, и политические календари, и воспоминания современников («Мне нужны точные даты смертей, восшествий на престол, коронаций, разгонов Думы и пр. и т.д», «не хочется пропустить ничего», «сознательно стремлюсь я к объективности» [6, с. 56, 89, 376]). Кроме того, писатель был свидетелем и участником описываемых событий. Горький и сам признавал, до какой степени роман проникнут документальным началом: «...если скажут, что его писал не художник, – сие приму как заслуженное» [6, с. 380]. За рамки художественной литературы «Жизнь Клима Самгина», конечно, не выводили, но с момента первой публикации романа не раз высказывалось мнение о его мемуарной природе. Наиболее близкое к нам по времени подобное суждение принадлежит А. Эткинду [16, с. 503].

Ряд эпизодов в «Жизни Клима Самгина» создан по принципу «романа с ключом». В частности, в день кровавого воскресенья среди прочих обитателей квартиры, где после разгона демонстрантов скрывался Георгий Гапон, Самгин видит некоего «татарина» (услышав его имя: «Савва», Клим догадался: «Морозов»). Другое реальное лицо, эсер Ротенберг, тоже названо по имени, в третьем, рыжеусом сильно окаяющем человеке с длинными прямыми волосами, читатель и сам без труда узнает автора романа.

В образе главного героя писатель намеревался дать характерный для изображаемой эпохи тип интеллигента и в данном случае тоже опирался на достоверные данные, хотя и особого рода. В «Беседе с писателями-ударниками по вопросам, предложенным редакционным советом ВЦСПС» Горький делился секретами мастерства: «Я видел, скажем, в течение жизни, может быть, полторы тысячи попов. И у меня сложилось представление о каком-то одном попе <...>. И если мне нужно написать попа, то я знаю, <...>, какие черты ему придать, чтобы он был типичным» [3, с. 90]. Клима Самгина Горький наделил чертами известных людей, среди прототипов героя он называл С. Мельгунова, В. Миролубова,

К. Пятницкого, А. Ярошевского, доктора В. Лукина, Н. Тимковского, П. Шатагина, позже пополнил этот перечень именами В. Маклакова, В. Поссе, И. Бунина, Ю. Айхенвальда [10, с. 223]. Исследователи от себя добавили к ним еще А. Амфитеатрова, Е. Ляцкого (И. Груздев), Л. Тихомирова, П. Струве, П. Милюкова, М. Гершензона, Ф. Дана, Л. Мартова, А. Потресова, В. Чернова, Е. Кускову, С. Булгакова, Н. Бердяева (А. Овчаренко) и В. Ходасевича (Д. Быков). Проблема, как видим, не осталась в горьковедении без внимания, но до сих пор не становилась предметом специального анализа.

Парадоксальным образом за романом, казалось бы, отвечающим всем признакам исторической точности, закрепились репутация загадочного. Загадка связана с личностью главного героя. В самом деле: какой тайный комплекс заставляет столь ярко выраженного индивидуалиста, как Самгин, против своей воли принимать участие в социальной революции? Чем объяснить его «всякость»? Что характерно для поколения Самгина? И наконец, почему, заклеив «неумным», автор полностью лишил Клима способности к творчеству? Попробуем ответить на эти вопросы, рассмотрев их сквозь призму проблемы «герой и его прототипы». Для этого представляется целесообразным прежде всего сосредоточиться на проблеме поколенческой идентичности.

#### **ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ**

Поколенческий подход практикуется в историографии не одно столетие. Своеобразной единицей измерения исторического процесса при этом служит понятие «поколенческий шаг». «Одна из особенностей России состоит в том, что российская интеллигенция видит действительность сквозь призму литературы. <...> Не случайно многие поколенческие модели, понятия, стереотипы были представлены именно русской литературой и литературоведением», [15, с. 9.] – пишет Т. Шанин и приводит примеры: «птенцы гнезда Петрова», по слову Пушкина, «гамлеты» и «дон-кихоты», согласно тургеневскому определению. Горький не выпадает из этой традиции, в подзаголовке к роману он четко определяет поколенческий шаг: «Сорок лет», и дает

определение героя своего времени, даже два, одно пристрастно-резкое: «пустая душа», другое более взвешенное: «революционеры поневоле».

Дата рождения героя в романе не указана, автор заменяет ее характеристикой эпохи, когда герой появился на свет. «Первые годы жизни Клина совпали с годами отчаянной борьбы за свободу и культуру тех немногих людей, которые мужественно и беззащитно поставили себя «между молотом и наковальней», между правительством бездарного потомка талантливой немецкой принцессы и безграмотным народом, отупевшим в рабстве крепостного права» [4, с. 10]. Речь идет о пореформенном периоде Российской империи. Иначе говоря, Самгин появился на свет между 1870 и 1875 годами. Прототипы героя – люди, родившиеся в 1860–70-е годы: Мирюлюбов – в 1860, Тимковский – в 1863, Пятницкий и Поссе – в 1864, Маклаков – в 1869, Бунин – в 1870, Айхенвальд – в 1872... Как утверждают исследователи, для поколенческой идентичности разница в пять-десять лет не играет большой роли, поскольку социализации личности происходит в возрасте пятнадцати-тридцати пяти лет, когда человек приобретает собственный социальный опыт. Для поколения Клина этот период пришелся на 1880–1890-е годы XIX века. Таким образом, герой и его прототипы – это все ровесники автора, одно поколение, которое, по мысли писателя, ответственно за исход известных исторических событий.

Обществоведы единодушно отмечают, что в русском обществе смена поколений традиционно сопровождается конфликтом «отцов и детей»: поначалу младшее поколение испытывает сильное идейное влияние старшего, но в дальнейшем столь же сильно от его идей отталкивается [1]. Если 1860–70-е годы характеризуются ростом революционных настроений, то в 1880-е русский интеллигент больше занят поисками себя. Противопоставляя два эти периода, Горький пишет в романе о первом: «заслужено ненавидя власть царя, честные люди заочно, с великой искренностью полюбили "народ" и пошли воскрешать, спасти его», а второй характеризует так: «сосредотачивали силы и таланты свои на "самопознании", на вопросах индивидуального бытия <...> Быстро подвигались к принятию лозунга "наше время – не время широких задач"» [4, с. 12].

В последние годы в исследовательский арсенал вошло понятие «сильный предшественник», предложенное И. Каспэ в связи с проблемой писательских поколений [7, с. 165]. В судьбах едва ли не всех прототипов Самгина встречается такая фигура. Для Бунина сильным предшественником был старший брат Юлий. Революционер-народник, он не только готовил будущего писателя к экзамену на аттестат зрелости, но, как пишет Л. А. Смирнова, по сути, был для него «отцом, наставником, источником света, знаний, душевных сил» [12, с. 130]. Юлий познакомил брата со своими друзьями-единомышленниками, ввел в редакции «Орловского вестника» и «Русских ведомостей». Под его влиянием Бунин некоторое время испытывал народнические настроения.

Мельгунов и Поссе в юные годы также оказались под влиянием народнической идеологии. Для Поссе, например, в роли сильного предшественника выступил учитель-народник Михаил Егорович Державин. Воспитанник был под сильным впечатлением от его рассказов о страданиях народа и от революционных собраний, на которых ему случалось присутствовать. Поссе вспоминал те годы: «Я заразился его настроением, и помню, как-то во время прогулки на лодке по Валдайскому озеру <...> я дал Михаилу Егоровичу детскую клятву, что отплачу свой долг народу и отдам все свои силы на его освобождение» [11, с. 9].

Рядом с героем Горького нет одного воплощенного сильного предшественника. Тот, кто мог бы претендовать на эту роль (дядя Яков), долгое время пребывает в ссылке, а в доме Самгиных появляется, когда революционные настроения в обществе идут на убыль и о народе интеллигенция говорит уже по инерции. Но детство и отрочество Клима прошло в окружении людей (отец, акушерка Мария Романовна, доктор Сомов, писатель Катин), разговоры которых вращались вокруг одной темы: необходимости спасения народа. Все они вместе и стали для него совокупным сильным предшественником, сделавшим свое дело, заронившим в его сознание мысль о долге перед народом.

Для освобождения от народнических настроений одним потребовалось меньше, другим больше времени, и шел этот процесс у разных людей по-разному. Одни попробовали реализовать свои идеи на практике (Миролюбову, например, пришлось

поработать в сельскохозяйственной колонии толстовцев. На этот же путь был готов ступить и молодой Горький, но его от такого «идейного» земледельчества отговорил писатель Каронин-Петропавловский). В сознании других (Поссе) народнические заповеди всплывали только в революционные моменты истории. А третьи, как Бунин, впоследствии отзывались об увлечениях юности резко негативно, едва ли не как о потерянном времени: «<...> Чуть не с детства я был под влиянием Юлия, попал в среду "радикалов" и чуть не всю жизнь прожил в ужасной предвзятости ко всем классам общества, кроме этих самых "радикалов". О, проклятье!» [14, с. 35].

У горьковского героя не хватает искренности для столь энергичного высказывания, но чем дальше, тем больше его угнетают всякие разговоры о народе и долге интеллигенции перед ним: «Он не умел думать о России, народе, человечестве, интеллигенции, все это было далеко от него» [4, с. 144]. Климус органически чужда сама идея общественного служения, дядю Якова он воспринимает как «жертву истории», народ – как «врага человека». Но будучи интеллигентом по рождению и воспитанию, механически выполняет все, что предписано его средой, вплоть до участия в революции.

Практически для всех, с кого Горький писал Самгина, было характерно стремление примирить идею общественного долга с идеей ценности отдельной личности, все были далеки от революционного радикализма. Маклаков, выросший в среде либеральной интеллигенции, исповедовал принцип «исправлять недостатки, не разрушая самого здания». В университетские годы ему, правда, пришлось принять участие в студенческой сходке, но, по его собственным словам, это произошло случайно: «Я без драки попал в большие забияки» [8, С. 58]. Мельгунов-студент предпочитал революционным кружкам легальные общественные организации, выступавшие посредниками между начальством и бунтующей молодежью, устранявшие «повод к волнениям» [9, с. 85].

В зрелые годы все эти люди также избегали крайностей. Маклаков, например, будучи одним из тех, кто разрабатывал план убийства Распутина, предпочел не участвовать в его осуществлении. Поссе тоже считал себя «неподходящим материалом для террористической деятельности» [11, с. 43].

Среди реальных лиц, стоящих за фигурой Самгина, нет ни одного, сколько-нибудь уверенного в продуктивности для русского общества революционных действий. Наоборот, Маклаков был убежден, что «медленная эволюция – закон жизни; переворот – ее кризис» [8, с. 330]. Самгин в этом вопросе полностью солидарен с ним: «Было невыносимо видеть болтливых людишек, которым глупость юности внушила дерзкое желание подтолкнуть, подхлестнуть веками узаконенное равномерное движение жизни» [4, с. 260].

Кроме того, либеральная интеллигенция в лице того же Маклакова не соглашалась признать гегемонию пролетариата в социальном процессе – истину, отстаиваемую социал-демократами. Маклаков отвечал на это: ему трудно согласиться с тем, что «необразованные люди призваны Россию за собой вести, или что культурным слоям у народа чему-то надо учиться. Долг высших классов был его учить и ему помогать, а не уступать ему места» [8, с. 29]. Надеясь подобными мыслями Самгина, Горький намеренно их огрубляет: «За нами – несколько поколений людей, воспитанных всею сложностью культурной жизни... Именно мой демократизм обязывает меня видеть всю глубину различия между мною и полудикарями...» [5, с. 294].

И в жизни, и в романе либеральная интеллигенция в силу своих эволюционистских воззрений лояльна к самодержавию. «Народ сам создает правительство, и нечего все валить на самодержавие. Очевидно, это и есть самая лучшая форма правления для русского народа, недаром же она продержалась триста лет!» [2, с. 40] – говорил Бунин. Маклаков в студенческие годы посещал кружок Льва Любенкова, патриарха мировых судей Москвы, и укрепился во мнении, что в самодержавии есть положительные стороны, которые можно развить и реформировать. В конституционно-демократической партии он был лидером правого крыла и протестовал против проявлений радикализма. Даже в памфлете-аллегории «Трагическое положение», где вывел царя в образе неумелого шофера, на бешеной скорости ведущего автомобиль по горной дороге, предлагал оставить сведение счетов с ним до тех пор, когда опасность минует. Климку Самгину достоинства монархии объясняет историк Козлов, русский патриот, сторонник постепенного

государственного преобразования: «Народ у нас смиренный, он сам бунтовать не любит. Это разные господа облыжно приписывают русскому мужику пристрастие к "политическим движениям" и враждебность к государыне Москве». Мысли историка в полной мере соответствовали настроению Самгина. Он слушал речь Козлова «почтительно и молча, не чувствуя желаний возражать» [5, с. 37–39]. Но его собственное впечатление от Николая II диссонирует с мыслями симпатичного ему историка. Клим увидел маленького, скромного, мягкого человека с виноватой улыбкой и почувствовал, «что эта улыбка лишила его надежды и опечалила до слез» [4, с. 552].

Именно под влиянием эмоций, тех или иных политических настроений у многих прототипов Самгина (не с их ли многочисленностью связан символический сон героя о двойниках?) в определенных ситуациях и возникает прилив революционной активности. Так, в целом умеренный Поссе в период революционных событий считал стачку единственно эффективной формой социального действия, а идейно-аморфный, по характеристике Горького, Тимковский на заседании «Среды» начинал подталкивать кружок к политическим выступлениям. Активность такого рода у своего героя Горький и называет революционным невольничеством. Общественная атмосфера заставляет Самгина стыдиться своих консервативных взглядов, а безволие не позволяет отказать убежденным партийцам, и он послушно выполняет их поручения.

Но общественная жизнь не исчерпывается только участием в революции. У «Самгина и других» (воспользуемся этой горьковской формулой) она также проходила в разных сферах. Все они были общественниками и в силу своих профессиональных занятий: Маклаков – известный адвокат, Мирюлюбов – редактор «Журнала для всех», Пятницкий – директор-распорядитель издательства «Знание», издательской деятельностью занимался и Мельгунов. Кроме того, все названные деятели отдали дань публицистике. Клим Самгин и в этом отношении подобен им: попробовал себя и в качестве юриста, и как журналист, в первую мировую войну побывал земгусаром.

Общественная деятельность «двойников» Самгина не была замкнута на идее государственного переустройства. И Поссе, и Миролюбов, и Мельгунов в издательской работе стремились удовлетворять не только социально-политические, но и духовные, художественные потребности читателей, ставили перед собой культурно-просветительские цели. Миролюбов в «Журнале для всех» печатал представителей разных литературных направлений, включая модернистские. Такую же политику во второй половине 1900-х годов проводил в издательстве «Знание» Пятницкий. Новейшие течения в русской литературе находят живого поклонника в лице Клима Самгина, но его автор не разделяет интересов своего героя и на этой же почве отдаляется от вчерашних друзей-издателей.

Ни один из прототипов героя не был профессиональным революционером, но от «собирательного» Самгина писатель требует качеств борца, бунтаря, которых у него не было.

#### **ВЫВОДЫ**

В романе Горького ясно прочерчена генеалогия главного героя. В общественных настроениях и действиях Самгина проступают поведенческие модели, характерные для наиболее распространенного на рубеже XIX–XX веков, но не единственного типа интеллигента. Другим ярким типом были так называемые «декаденты», старшие представители русского символизма, экспрессионисты (Мережковский, Гиппиус, Бальмонт, Вячеслав Иванов, Брюсов, Леонид Андреев). В личности Самгина присутствуют черты и тех, и других, но автор оценивает его только с одной точки зрения – способности к революционному действию, упрощая, обесцвечивая тем самым героя своего времени.

#### **Список литературы**

1. Бочаров, В. В. Антропология возраста: учеб. пособие / В. В. Бочаров; С. - Петерб. гос. ун-т, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера). – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. – 192 с.

2. Бунин, И. А. Искусство невозможного. Дневники, письма / И. А. Бунин. – М. : Грифон, 2006. – 306 с.
3. Горький, М. Собрание сочинений: 30-ти т. / М. Горький; АН СССР; Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – М : Гос. изд-во худож. лит., 1953. – Т. 26. – 470 с.
4. Горький, М. Полное собрание сочинений: художественные произведения: в 25 т. / М. Горький; АН СССР; Институт мировой литературы им. А.М. Горького – М. : Наука, 1976. – Т. 21. – 580 с.
5. Горький, М. Полное собрание сочинений: художественные произведения: в 25 т. / М. Горький; АН СССР; Институт мировой литературы им. А.М. Горького – М. : Наука, 1976. – Т. 22. – 692 с.
6. Горький, М. Полное собрание сочинений: письма: в 24 т. / М. Горький; РАН; Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – М. : Наука, 2012. – Т. 16. – 987 с.
7. Каспэ, И. Искусство отсутствовать. Незамеченное поколение русской литературы / М. Каспэ. – М. : НЛО, 2005. – 125 с.
8. Маклаков, В. А. Из воспоминаний. Уроки жизни. / В. А. Маклаков. – М. : Московская школа политических исследований, 2011. – 384 с.
9. Мельгунов, С. П. Студенческие организации 80-90 гг. в Московском университете / С. П. Мельгунов. – М.: Свободная Россия, 1908. – 103 с.
10. Овчаренко А. И. М. Горький и литературные искания XX столетия. Изд. 3-е, доп. / А. И. Овчаренко М.: Художественная литература, 1982. – 590 с.
11. Поссе, В. А. Мой жизненный путь: дореволюционный период (1864 - 1917 гг.) С портр. автора / В. А. Поссе, Редакция и примеч. Б.П. Козьмина; Предисл. В. И. Невского. – М. ; Ленинград : Земля и фабрика, 1929. – 548 с.
12. Смирнова, Л. А. Иван Алексеевич Бунин: жизнь и творчество: кн. для учителя / Л. А. Смирнова. – М. : Просвещение, 1991. – 191 с.
13. Тесля, А. А. Документальная проза: проблема и история жанров / А. А. Тесля // Ученые заметки ТОГУ. – 2012 – т.3. – № 1. – С. 8–17.

14. Устами Буниных: дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны др. арх. материалы: в 2 т. / под ред. Милицы Грин. – М. : Посев, 2005. – Т. 1. – 303 с.
15. Шанин, Т. История поколений и поколенческая история России / Т. Шанин // Вопросы социальной теории. – №3. – 2005. – С. 6–24.
16. Эткинд, А Хлыст: секты, литература и революция / А. Эткинд. – М. : Новое литературное обозрение, 1998. – 688 с.
17. Янская, И. С. Пределы достоверности: Очерки докум. лит. / И. С. Янская, В. Кардин. – М. : Сов. писатель, 1986. – 430 с.

### References

1. Bocharov V. V. *Antropologia Vozrasta* [Anthropology of age: a manual]. Saint Petersburg. State University, Museum of Anthropology and Ethnography, Peter the Great RAS (Kunstkamera). Saint- Petersburg. Saint Petersburg State University Publ., 2001, 192 p.
2. Bunin I. A. *Iskusstvo Nevozmozhnogo* [Art of the Impossible. Diaries, Letters]. Moscow, Grifon Publ., 2006, 306 p.
3. Gor'kii M. *Sobranie Sochinenii* [Complete Works]: in 30 volumes. USSR Academy of Sciences, Gorky Institute of World Literature. Moscow: State Publ. House of Creative Literature, 1953, V. 26, 470 p.
4. Gor'kii M. *Polnoe Sobranie Sochineniy: Hudozhestvennye Proizvedeniya* [Complete Works: Artistic Works]: in 25 vol., USSR Academy of Sciences, Gorky Institute of World Literature. Moscow, Nauka Publ., 1976, V. 21, 580 p.
5. Gor'kii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Hudozhestvennye Proizvedeniya* [Complete Works: Artistic Works]: in 25 vol., USSR Academy of Sciences, Gorky Institute of World Literature. Moscow, Nauka Publ., 1976, V. 22, 692 p.
6. Gor'kii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Pis'ma* [Complete Works: Letters]: In 24 vol., Gorky Institute of World Literature Academy of Sciences. Moscow, Nauka Publ., Moscow, Nauka Publ., 2012, V. 16, 987 p.
7. Kaspe I. *Iskusstvo Otsutstvovat'. Nezamechennoe Pokolenie Russkoi Literatury* [Art of Absence: The Unnoticed Generation of Russian]. Moscow, NLO Publ., 2005, 125 p.

8. Maklakov V. A. *Iz Vospominanii. Uroki zhizni* [From Memoirs. Life lessons]. Moscow, Moscow School of Political Studies, 2011, 384 p.
9. Mel'gunov S. P. *Studencheskie Organizatsii 80-90 Godov v Moskovskom Universitete* [Student Organizations of the 1880-90s at Moscow University]. Moscow, Svobodnaya Rossiya Publ., 1908, 103 p.
10. Ovcharenko A. I. M. *Gor'kii i Literaturnye Iskaniya XX Stoletiya* [M. Gorky and Literary Searches of the 20th c.]. 3rd Ed., Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1982, 590 p.
11. Posse V. A. *Moi Zhiznennyi Put': Dorevolyutsionnyi Period (1864 - 1917)* [My Life Path: the Pre-revolutionary Period (1864 - 1917). With the author's portrait]. Edited and commented by B.P. Koz'min; Preface by V.I. Nevsky. Moscow; Leningrad, Zemlya i fabrika Publ., 1929, 548 p.
12. Smirnova L. A. *Ivan Alekseevich Bunin: Zhizn' i Tvorchestvo* [Ivan Alekseevich Bunin: Life and Work: Teacher's book]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1991, 191 p.
13. Teslya A. A. *Dokumental'naya Proza: Problema i Istorii Zhanrov* [Documentary prose: the Problem and History of Genres]. Scientific Notes of Pacific State University, 2012, Vol. 3, No 1, pp. 8–17.
14. *Ustami Buninikh: Dnevnik Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny* [Through the mouth of the Bunins: the Diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna, and other architect. materials]: in 2 vol. Edited by Milica Green. Moscow, Posev Publ., 2005, V. 1, 303 p.
15. Shanin T. *Istoriya Pokolenii i Pokolencheskaya Istoriya Rossii* [History of Generations and Generational History of Russia]. *Voprosy Sotsialnoi Teorii*, No. 3, 2005, pp. 6–24.
16. Etkind A. *Hlyst: Sekty, Literatura i Revolyutsiya* [Khlysts: Sects, Literature and Revolution]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998, 688 p.
17. Yanskaya I. S. *Predely Dostovernosti* [Limits of Reliability: Essays on Documentary Literature]. Moscow, Sovetsky pisatel' Publ., 1986, 430 p.

**THE HERO AND HIS PROTOTYPES: THE PROBLEM OF GENERATIONAL  
IDENTITY IN M. GORKY'S NOVEL "THE LIFE OF KLIM SAMGIN"**

*Borisova L. M., Shulzhenko Yu. A.*

Taurida Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Through the prism of the “hero and his prototypes” problem, the article examines the portrait of the generation blamed by Gorky in *The Life of Klim Samgin* for the outcome of the revolution in Russia. Parallels are drawn between specific facts in the biographies of Posse, Bunin, Maklakov, Melgunov etc. and corresponding episodes in the life of Klim Samgin. The novel clearly outlines the signs of generational identity (“strong predecessor”, “generational step”, conflict between “fathers and sons”), allowing to see in the protagonist not an individual, but the whole generation of pre-revolutionary intellectuals, the author’s peers, who took part in the main events of his time. The article notes Gorky's narrowed approach to the social activities of Samgin's prototypes, in which the writer highlights a single aspect - their attitude to the revolution, thus discoloring the collective image of the intellectual in the person of Samgin.

**Keywords:** M. Gorky, "The Life of Klim Samgin", prototype, generational identity, narodniks

УДК 821.161.2.09

## СТАНОВЛЕННЯ ДУХОВНОГО СВІТУ ЛЕСІ УКРАЇНКИ В КОНТЕКСТІ ПРОВІДНИХ ІНТЕЛЕКТУАЛЬНИХ ТЕЧІЙ КІНЦЯ ХІХ – ПОЧАТКУ ХХ СТ.

*Гуменюк О. М.*

Кримський інженерно-педагогічний університет імені Февзі Якубова  
Сімферополь, Росія  
E-mail: ukrlit\_tnu@mail.ru

Особливе місце в багатогранній творчості Лесі Українки належить драматургії. Письменниця є одним із творців і теоретиків нової європейської драми, авторкою непересічних зразків відповідного жанру. Образність її п'єс підпорядкована художньому осягненню суттєвих проблем людського буття. Цим зумовлений неослабний інтерес письменниці до актуальних суспільно-політичних та філософських питань її доби. У статті розглядається становлення духовного світу авторки, формування її світоглядних принципів. Підкреслюється значний вплив на письменницю поглядів її дядька Михайла Драгоманова, визначного філософа і публіциста, який з обережністю ставився до доктрин марксизму. Відчуваючи обмеженість раціоналістично-позитивістських тенденцій, Леся Українка схиляється до характерного для модернізму визнання значення інтуїтивізму, підсвідомих чинників людської активності. Хоч і тут не поспішає безоглядно прилучатися до загальних уподобань, з деяким скептицизмом ставиться зокрема до окремих ідей Фрідріха Ніцше, хоч її власні духовні пошуки певною мірою суголосні духовним пошукам цього філософа.

У центрі філософської системи письменниці – неординарна людська особистість, тож цю систему можна охарактеризувати як гуманістичний індивідуалізм. Він у чомусь близький до ідеалу Відродження, але з наголосом на неосяжності й неоднозначності взаємин індивіда й оточення, на реальності дисгармонійного характеру цих взаємин. Притому Леся Українка цієї акцентованої нею дисгармонійності не абсолютизує, як схильні її абсолютизувати концепції екзистенціалізму, в її творчому подоланні вбачає сенс буття.

**Ключові слова:** Леся Українка, багатогранність спадщини, нова драма, інтелектуальні пошуки, творча самобутність.

### ВСТУП

Творчість Лесі Українки надзвичайно багатогранна. Авторка широко відома здебільшого як лірична поетеса, але вона цілком слушно вважала себе насамперед драматургом. Торуючи нові шляхи в європейській художній культурі свого часу, письменниця стала творцем поетичної інтелектуальної драми неоромантичного зразка. Вже радянські дослідники звернули на увагу на те, що провідним у драматичних творах Лесі Українки є «зіткнення протидіючих світоглядів», внаслідок чого її п'єси є не так драмами пристрастей, як драмами ідей [1, с 75]. Однак трактування світоглядних обривів авторки переважно було ідеологічно заангажованим, надто далеким від їх реальної широчини. На те, що не лише радянські

літературознавці, а й дослідники в українській діаспорі часто були по-своєму однобічні в осмисленні спадщини поетеси, звертає увагу Богдан Рубчак: «Пора б нам уже перестати говорити про Лесю Українку як про «поета-мужчину», «поета-воїна» і т.д., а почати займатися дослідями над широкою ерудицією цієї жінки, її глибокими філософськими і літературними зацікавленнями... Але, звичайно, такий підхід далеко трудніший, ніж пара високопатріотичних гасел» [15, с. 33]. Останнім часом з'явилися доволі ґрунтовні праці, присвячені осмисленню світу ідей, які хвилювали Лесю Українку, праці, приналежні, зокрема, перу таких дослідників, як Леся Демська-Будзуляк [2], Оксана Забужко [6], Світлана Кочерга [12]. Однак у цій царині ще багато не з'ясованого, не уточненого. Завданням пропонованої публікації є окреслення становлення духовного світу письменниці та її світоглядних принципів, а також підкреслення самобутності й незалежності пов'язаних з цими принципами творчих пошуків авторки.

#### **ВИКЛАД ОСНОВНОГО МАТЕРІАЛУ ДОСЛІДЖЕННЯ**

Чуйна Лесина натура, яку плекали високошляхетні родинні традиції, дуже рано прийнялася драматизмом становища своєї країни, і коли юна поетеса 1884 року підписала свою першу публікацію згодом славетним прибраним ім'ям, то, певно, вже тоді усвідомлювала, що небуденна гідність того імені виходить далеко за межі позначення наддніпрянки в Галичині й обіймає всю рідну землю. Як відомо, зокрема зі спогаду Лесиної сестри Ольги Косач-Кривинюк [11, с. 57], псевдонім цей підшукала Олена Пчілка. Проте за ним стоїть також постать Лесиного дядька Михайла Драгоманова. Відомо, що М. Драгоманов не раз так підписував свої твори – Українець. Не можна спрощувати ні патріотичної позиції Олени Пчілки (послідовної, та все ж напрочуд делікатної, далекої від часом приписуваної їй однозначності), ні складної системи поглядів М. Драгоманова, в якій акцентується увага на значенні загальнолюдських проблем. Та все ж на перехресті цих впливів формується відкритий світові й водночас виразно самостійний духовний світ поетеси.

Отже – Леся Українка, тендітна панна, що прагне обійняти душею всю рідну землю, а задля того прилучитись до вселюдських, всесвітніх таємниць. Тут

невимушено поєднуються ніжність і велич, зворушлива жіночність і лицарська відвага. Якщо в цім поєднанні вчувається патетика, то вона прониклива й вистраждана, позбавлена й тіні котурнів, велемовної фальші. Саме це поєднання, здавалося б, непоєднуваного, зведення воєдино різких контрастів і становить чи не найбільш характерну, глибинно драматичну рису художнього стилю поетеси, що означився вже в псевдонімі.

На зламі XIX й XX століть у всіх сферах європейського буття відбуваються кардинальні зміни. В тих бурхливих процесах нерідко все ж звільнення від одних догм заступається наверненням до інших, вабливих своєю позірною новизною, але в глибинній суті споріднених з тим, що вони заперечують. За таких умов пошук свободи людського духу як важливої передумови свободи суспільної видається надзвичайно вчасним. Саме на шляхах такого пошуку з'ясовується узгодженість національних і світових проблем, а відтак драматизм, що є прикметною ознакою творчості поетеси, набуває особливої витонченості.

Політичні реалії та їх філософське осмислення в ту епоху все владніше відлунуються в художній творчості, яка, приймаючи їх у своє лоно, як і всі аспекти розмаїтої дійсності, прагне зберегти, часто відстояти свою суверенність. Ця глибоко драматична колізія в українській літературі відчувається дуже гостро. Вона проймає титанічну діяльність Івана Франка, а в Лесі Українки навіть стає предметом художнього осягнення (зокрема в драмі «У пуші»). Тож природно, що до політичних і філософських течій свого часу поетеса виявляє посилений інтерес.

До визначальних чинників становлення світогляду поетеси належить, як згадувалось, засвоєння поглядів М. Драгоманова. Провідним сенсом буття для нього було формування духовно вільних особистостей, що на засадах усвідомленої доцільності об'єднуються у різноманітні, такі ж вільні, асоціації (принцип федералізму). Задля цього погрібне перш за все завоювання політичних свобод, забезпечення безумовного дотримання прав людини. У боротьбі за політичні свободи можуть використовуватися і революційні методи, загалом же соціальний розвиток і революційне насильство – речі несумісні, суспільство може розвиватися лише еволюційним шляхом, який найприродніше здійснюється в межах конституційної

демократії. Для досягнення політичних свобод і взагалі для політичної діяльності необхідні дві умови – культура і етика. В одному з листів, на який звертає увагу дослідник спадщини філософа Давид Заславський, Драгоманов писав: «Поки ми не створимо собі лексикона й граматики, не видамо пам'яток нашої мови з XI століття до пісень, не напишемо історії свого народу й бібліотеки народних наук, – доти ми повинні сидіти, посипавши голову попелом, в політику не лізти і прокламацій не писати!» [7, с. 129]. Одна з найбільш відомих статей М. Драгоманова має назву «Чиста справа потребує чистих засобів». І цей принцип він обстоював незмінно.

Система поглядів мислителя струнка й послідовна, її актуальність далеко не вичерпана і в наші часи. Але, як це часто трапляється при співвідношенні з реальною дійсністю, можна говорити не лише про плідні, а й про вразливі аспекти цієї системи. Відзначаючи ту величезну роль, яку відіграв М. Драгоманов у політичному пробудженні України, І. Франко звертає пильну увагу на ці вразливі аспекти. Ведучи мову у статті «Що таке поступ?» про драгоманівський федералізм, І. Франко зазначає: «Нема що й казати, що якби всі люди були високоосвіченими, добросердними, здоровими на душі й на тілі, то такий устрій міг би бути для них добрий. Він, певно, й лишитья ідеалом людського й громадського устрою на пізні віки і, як усякий ідеал, ніколи не буде вповні досягнений» [23, с. 99–100]. Певна утопійність драгоманівського федералізму не дала вченому змоги належною мірою досягти суспільне й духовне значення такого інституту як нація, на що звертає увагу І. Франко [23, с. 256].

Лесю Українку найбільш вабить у позиції М. Драгоманова наголос на духовному розкріпаченні людини. Цю драгоманівську рису також підносив І. Франко і в поезії («Дух, що тіло рве до бою»), і в публіцистиці: «Драгоманов як історик був еволюціоніст, вірив у ненастанний органічний розвій не лише в сфері матеріальних явищ, але також у сфері духа, віри, літератури й етики. Властивим плодючим елементом у тій еволюції вважав людське індивідуум, його душу, волю й інтелігенцію. Суми тих індивідуальних імпульсів творять масові течії, настрої і змагання мас... Се була його поправка до так званого матеріалістичного світогляду, який у розвою людськості бачить лише ділання несвідомих, матеріальних сил. Драгоманов, не ігноруючи тих матеріальних сил, вірив також у духовну силу, що

помагає порушувати віз людської цивілізації» [23, с. 246–247]. Цією духовною силою переймалася й Леся Українка, коли, нарікаючи на «інертність і лінивість», які спостерігала в своєму українському оточенні, зверталася в листі до М. Драгоманова з таким твердженням: «Що ж до мене, то я хочу бути Вашою ученицею і заслужити собі право зватись так... Шкода тільки, що товаришів у мене трохи мало, ну, та все ж не буду одна в полі. Врешті і один в полі єсть коли не воїн, то все ж робітник, а се, може, більш стоїть, ніж воїнське званіє!» [16, т. 10, с. 256–257]. Близьке письменниці невіддільне від духовної свободи драгоманівське розуміння універсальної сутності культури. Незмінно хвилюють її питання етики, зокрема етики політичної. Непоступливість М. Драгоманова у відстоюванні етичних принципів відзначає вона, міркуючи над цими проблемами. Заперечуючи твердження, що всяка партійна боротьба є неетичною, Леся Українка підкреслює, що «чесний душолов», тобто той, хто шукає собі прибічників, «може поставити собі девізом: «чиста справа вимагає чистих способів» та й триматись того девізу до краю». «Драгоманов, – продовжує вона, – був великим українським душоловом, тримався і в літературі, і в політиці, і в приватному житті тії засади, що «чистое дело требует чистых средств», і тримався її до кінця з великою завзятістю і невмолимістю, впадаючи в крайності і екстреми, відкидаючи геть «золоту середину», бо він був речником гуманності, далеким від «умеренности и аккуратности», в тоні був острій, непереєднаний і безпощадний, се можуть посвідчити противники і читачі» [20, с. 25]. Заперечуючи політичне лицемірство та захоплюючись позицією М. Драгоманова, Леся Українка, здається, її все ж не абсолютизує. Чи не суголосний вираз «впадаючи в крайності і екстреми» з міркуванням І. Франка про певну несумірність позиції М Драгоманова зі складними реаліями буття?

Різняться погляди Лесі Українки і М. Драгоманова на характер суспільного прогресу. Поетеса схиляється до визнання плідності революційного оновлення, хоч застережливий образ двосічного меча, здатного вбити щось суттєве в тому, хто за нього взявся, не випадково з'являється в її поезії. Революційність поетичного (перш за все поетичного) мислення письменниці тісно пов'язана з її гострим відчуттям національної кривди. Зрозуміло, що в її «духовім арсеналі», якщо скористатися

Франковим виразом, поняття нації відіграє значно важливішу роль. Говорячи про характер драгоманівського впливу на Леся Українку, Микола Зеров вирізняє «два одмінні типи» послідовників філософа й політика – одні, як Михайло Павлик, «цілком zostавалися в полоні його яскравої індивідуальності», другі, як Іван Франко, «засвоїли собі тільки зерно драгоманівської науки, але зростили його по-своєму, зазнавши інших повітів та впливів». «Леся Українка, – продовжує дослідник, – скоріше належала до другого гурту драгоманівців» [9, с. 363]. Скептичний розум, що його спостерегла за собою сама поетеса, дає змогу їй скинутися культу щонайшановніших авторитетів і сягнути тієї духовної свободи, яку заповідав М. Драгоманов.

Леся Українка схиляється до визнання можливості досягнення гуманістичного ідеалу шляхом революційного насильства над кривдою силою, дошукується шляхів погодження такої позиції з абсолютними для неї етичними принципами. Вона не раз із пієтетом говорить про повстання Спартака, зразком праведного збройного змагання є для неї героїчна Паризька Комуна. Не без співчуття виводить в одній із своїх ранніх поем – «Давній казці» – мужиків, яким цікаво, «чи блакитна кров проллється, як пробити пану груди» [16, т. 2, с. 72]. Все це, як зазначалось, пов'язане з прагненням позбутись майже фізичного відчуття неволі рідного народу, «кайданів», про які поетеса пише зокрема у віденських листах 1891 року до брата Михайла та дядька Михайла [16, т. 10, с. 68, 83], у софійському листі 1895 року до Михайла Павлика [16, т. 10, с. 297]. Саме такі відчуття зродили поетичні цикли «Невільничі пісні» (1895–1896), «Невольницькі пісні» (1900–1901) та й не тільки їх. Цікаво, що саме в часи написання цих сповнених гострого драматизму ліричних циклів поетеса починає все впевненіше реалізовувати своє драматургічне покликання. Поетизація революційного чину органічно пов'язана з провідним мотивом творчості письменниці, згідно з яким людина не повинна коритись і щонайнесприятливішим обставинам.

Закономірним було зацікавлення поетеси соціал-демократичним рухом, що набув на той час значного поширення в Європі та Росії і що з ним пов'язувалися світлі надії на суспільний прогрес. У певних суттєвих аспектах соціал-демократичні ідеї

сходилися з духовними домаганнями поетеси, але й розходження намітилося досить швидко. Леся Українка не ставила собі завданням дати такий ґрунтовний науковий аналіз марксизму, як його дав І. Франко, і не прийшла до такого категоричного його заперечення, як, скажімо, ось це Франкове: «Я певний, у ХХ віці люди не схочуть вірити, щоб така безглузда й антигуманна доктрина могла коли-небудь розгарячувати голови і серця молоді...» [23, с. 74]. Та вже при першому знайомстві з творами Карла Маркса письменниця виявляє щодо них осторогу, як-от в ялтинському листі до сестри Ольги від 11 вересня 1897 року. Вона пише: «...половину «Kapital'у» «проштудировала» («читати» його не можна), і, знаєш, чим далі читаю, тим більше розчаровуюсь: я не бачу тієї «строгой системы», про яку говорять фанатики сеї книжки, бачу багато фактів, чимало дотепних гіпотез і більше просто дотепів, але багато застається для мене темного, невиясненого, недоговореного і в науковій теорії, і в практичних виводах з неї. Ні, видно се *novum evangelium* все-таки потребує більше безпосередньої віри, ніж її у мене єсть» [16, т. 10, с. 381]. Драгоманівська свобода духу дала змогу поетесі вловити найсуттєвішу хибу марксизму – догматизм, проти якого вона рішуче поставала у своїй творчості. Міркування Лесі Українки не лише у суті своїй, а й у термінах та виразах («віра», «нове євангеліє», «фанатики», «фанатизм»...) збігаються з Франковими з його пізнішої (1904) ґрунтовної праці «До історії соціалістичного руху»: «Все те, що сказано, не має на цілі зменшити наукові заслуги Маркса й Енгельса. Але для сучасних і дальших поколінь добре буде, коли буде розбита легенда про їх месіанство й непомильність, про те, що вони майже з нічого створили «науковий соціалізм» і дали в своїх писаннях нову об'яву, нове євангеліє робучому народові всього світу. Добре буде, коли всі віруючі й невіруючі в нову релігію почнуть на її творців глядіти, як на людей даного часу й оточення... Таке глядіння зменшить у вірних і невірних партійну заїлість і фанатизм» [23, с. 150–151]. Таку близьку до Франкової позицію зберігає Леся Українка навіть тоді, коли найбільше переймається справами соціал-демократичного руху і пропагує марксизм. У «Додатку від впорядчика до українського перекладу книжечки *Хто з чого живе*» (відомо, що цей здійснений польським автором Ш. Дікшгейном популярний виклад положень марксизму вона й переклала 1901 року) Леся Українка звертає увагу на

важливість розв'язання національних проблем і додає до гасла «Робітники всіх країн, єднайтеся!» ще одне гасло – «Єднайтеся, як вільний з вільним, рівний з рівним!» [16, т. 8, с. 131]. Ці свої погляди на національну справу, які не збігаються з марксівськими, вона того ж 1901 року конкретизує в брошурі «Оцінка нарису програми Української партії соціалістичної», де зокрема зазначає: «Чому читачі так багато сподіваються від з'єднання всіх розбитих кружків і організацій російських в одну «російську партію», тяжко зрозуміти. При створенні на теренах імперії соціалістичних партій за національно-територіальним принципом «русская (великоруська) партия» була б, на думку поетеси, «вільна від централістичних, не гідних вільнолюбної партії намагань» [18, с. 8]. Аналогічні погляди висловлює поетеса і в листах 1903 року до Фелікса Волховського, вперше опублікованих у філадельфійському науковому збірнику, присвяченому творчості Лесі Українки, 1980 року, згодом у часописі «Слово і час» [19, с. 41].

Лесю Українку вкрай непокоїть нехтування етичними принципами в політиці, яке вона спостерігає у соціал-демократичному середовищі. Таке нехтування, на її думку, врешті-решт обертається терором, який не може бути виправданий жодною «революційною доцільністю». З публіцистичним запалом і високою інтелектуальною наснагою виявляє письменниця цю тривогу в праці «Замітки з приводу статті *Політика і етика*» (ця праця, написана 1903 року у відповідь на статтю львівського соціал-демократа М. Ганкевича, до нас повністю не дійшла, більш повне уявлення про неї дає чорновий варіант під назвою «Замітки з приводу статті *Етика і політика*. Ціна поступу»). Особливості публіцистичного викладу тут багато в чому близькі до художньої стилістики. Перед нами динамічна панорама багатовікової європейської історії. Перегук часів, подій допомагає виявити найбільш характерні для них тенденції, які вістрям свого драматичного розвитку торкаються болючих проблем сьогодення. Відзначаючи гуманізм християнської етики, авторка звертає увагу й на провідний, на її думку, теологічний принцип християнства, що виявляється в словах «Нема правди й розуму, як тільки в мені», характеризує цей принцип як «фанатико-догматичний» і протиставляє йому гуманістичний – «Errare humanum est», згідно з яким римські філософи «віддавали під науковий сумнів всяку ортодоксію, всяку

претензію одної людини або партії на виключну монополію правди і розуму» [20, с. 256]. Ведучи мову про Велику французьку революцію, поетеса зазначає, що висунуті нею високі гасла були потьмарені внаслідок близького до теологічного фанатизму, який спричинив злочинний яacobінський терор. Леся Українка рішуче й аргументовано критикує Фрідріха Енгельса за виправдання цього терору [20, с. 37–38]. Її вболівання за чистоту етичних принципів у середовищі новітньої соціал-демократії видаються не лише симптоматичними, але й пророчими.

У статті «Замітки про новітню польську літературу» письменниця згадує імена засновників позитивізму Огюста Конта й Герберта Спенсера та розглядає художні віяння рубежу століть як один з виявів кризи цього філософського напрямку, у якому відбилися найхарактерніші риси XIX століття. Не заперечуючи надбань позитивізму, який значно розширив наукові уявлення про природу і суспільство, Леся Українка все ж гостро відчуває його обмеженість. Так само відчуває вона обмеженість і драгоманівського вчення, і марксизму як своєрідних і досить витончених модифікацій того ж таки позитивізму. Тому філософські напрямки, пов'язані з осягненням глибинних вольових імпульсів (Артур Шопенгауер), згодом з інтуїтивізмом Анрі Бергсона, не можуть обминути поетесу, хоч радше тут слід говорити не так про впливи, як про суголосність цих напрямків її інтелектуальним пошукам. Деякі літературознавці з діаспори схильні абсолютизувати значення цього вкрай важливого аспекту, ведучи мову, наприклад, про «ірраціональну основу» світогляду поетеси, порівнюють не менш суттєві риси того світогляду з «отрутою, що її силоміць у Лесину душу вливав Драгоманов». Така крайність далеко не плідна.

Романтизм рубежу XVIII й XIX століть сприяв відродженню міфологічних та фольклорних традицій та формуванню національних культур. Велич А. Шопенгауера полягає чи не перш за все в тому, що його спадок став глибинним підсумком того романтизму й водночас предтечею філософського й мистецького модернізму рубежу XIX й XX століть, який не випадково часто означається як «неоромантизм». До такого означення, як відомо, вдавалася й Леся Українка. Та з огляду на будь-що немає сенсу зводити світоглядні пошуки поетеси до тієї чи іншої крайності. Це призводить до спрощеного розуміння її творчості.

Утвердження новітньої філософії та естетики значною мірою пов'язане з постаттю Фрідріха Ніцше, який мав значну популярність у слов'янському світі. Б. Рубчак зазначає, що в «Україні він створює цілий культ: від Кобилянської й Яцківа до Маланюка й його епігонів» [15, с. 25]. Навряд чи стосовно якогось впливу на Лесю Українку доречно було б вжити слово «культ», проте в неї і в Ніцше можна спостерегти чимало спільного. Про це пишуть М. Зеров [9, с. 394], П. Филипович [21, с. 107] та інші дослідники. Не лише про зацікавленість постаттю Ніцше, а й навіть про відчуття певної спорідненості з нею свідчить, наприклад, така згадка в Лесиному листі до сестри Ольги (2 липня 1897 р., Ялта): «Прийдеться сказати а la Ніцше: «Mama, ich werde dumm...». Та нехай він з великого ума зійшов, а я ж з якого?..» [16, т. 10, с. 372]. Згадується німецький філософ також у берлінському листі до Ольги Кобилянської (травень 1899): «Не у всьому я можу співчувати Вам, так наприклад, я не поділяю Вашого ніцшеанства, бо сей філософ ніколи не імпував мені я к о ф і л о с о ф: його ідеал *Urbmensch*'а, тієї *blonde Bestien*, якое не чарує мене. Його афоризми справді часом блискучі і гарні, але я не кохаюсь в афоризмах. Таке антиніцшеанство не повинно становить між нами стіни, у мене є один дуже близький друг ніцшеанець або щось коло того, і він мириться якое з моїми виступами проти *blonde Bestien*...» [16, т. 11, с. 111]. В цих словах не лише підкреслюється інтелектуальна незалежність поетеси в річищі загальних уподобань (власне ця незалежність і є одним з виявом ніцшеанства, парадоксального в своїй суті). Привертає увагу Лесине підкреслення «я к о ф і л о с о ф», з якого випливає, що письменниця розуміє неможливість досягнення Ніцше засобами традиційного раціонального мислення, а відтак не заперечує його так безоглядно, як це може здатися. Та головне, звичайно, не в таких висловлюваннях, краще звернутися до самої творчості поетеси, і ми побачимо, що ніцшеанський бунтівливий дух, який не вкладається в межі традиційних суспільних уявлень, зокрема й етичних, вельми суголосний творчому духові Лесі Українки.

Звернімо увагу, наприклад, на, здавалося б, не першорядну, але показову деталь. У щойно цитованому листі поетеса пише, що «не кохається в афоризмах», але ж афоризми такі характерні для її власного літературного стилю.

Як слушно зазначає Павло Филипович, наводячи з п'єси «У катакомбах» промовисту цитату про прометеївське віщування погібелі усякому, хай і вбраному у божественні шати, деспотизму: «Відгук натхнених і гордих думок Ніцше почувасться в цих рядках і в багатьох інших творах Лесі Українки» [21, с. 107].

Близький до ніцшеанського руйнівний максималізм, що не має сприйматися прямолінійно, бо за ним жага гуманістичного животворного очищення, властивий у значній мірі Лесі Українці. Це знаходить безпосередній вияв у її поезії. Хіба не вчувається він вже в цих рядках раннього циклу «Сльози-перли»:

Як маємо жити в ганебній неволі,  
Хай смертна темнота нам очі застеле! [16, т. 1, с. 73].

Ще більш глибинна інтелектуальна наснага безпосередньо проривається в заключній строфі вірша «Негода» з циклу «Кримські спогади»:

Сильне море! зберися на силі!  
Ти потужне, нема тобі впину, –  
Розжени свої буйнії хвилі,  
Затопи сю нещасну країну! [16, т. 1, с. 105].

Перегукуються ці рядки і з такими з вірша «Хвилина розпачу»:

О горе нам усім! Хай гине честь, сумління,  
Аби упала ся тюремная стіна!  
Нехай вона впаде, і зрушене каміння  
Покриє нас і наші імена! [16, т. 1, с. 139].

Згадуючи етичний поклик «тверезого та непоборно ясного голосу Драгоманова», І. Франко з приводу цієї поезії зазначає: «...віддаючи всяку можливу похвалу віршам Лесі Українки «Хвилина розпачу» за їх силу, красоту і поетичність, мусимо застерегти проти їх практичної філософії» [22, т. 31, с. 258]. І. Франко тут наближається до розмежування поетичної філософії і власне наукової, «практичної»,

точніше до розмежування різних підходів в осягненні істини. Заклики поетеси не слід розуміти безпосередньо. Не йдеться про конечність всевладдя «смертної темноти», затоплення «нешасної країни» чи загибель сумління. За всім цим криється щось значно більше. Саме такою поетичною головним чином і є філософія Ніцше. І тут Леся Українка не лише розвиває властиві цій філософії засади, а й певною мірою виступає попередницею європейського екзистенціалізму.

Деяку спільність можна углядіти і в особистих долях цих геніїв. Ніцше, що змушений був зимувати на Рів'єрі, не раз казав, що хвороба гартувала його войовничу вдачу. Близькими до творчих засад поетеси є спостереження німецького філософа над суттєвими прикметами свого світосприймання: «Ми не якісь там наділені розумом жаби, не об'єктивуючі й реєструючі апарати з холодно розташованими тельбухами – ми мусимо невпинно народжувати наші думки з нашого болю і по-материнськи надавати їм усе, що в нас є: кров, серце, вогонь, веселість, страх, муку, сумління, долю, фатум» [24, т. 2, с. 12]. Ця настанова породжує і таку промовисту формулу: «Вся історія як особисто пережита – результат особистих страждань» [14, т. 1, с. 400].

#### **ВИСНОВКИ**

Цей далеко не вичерпний огляд філософських зацікавлень Лесі Українки все ж дає певне уявлення про широчінь її інтелектуальних пошуків, які суттєво визначають характер драматизму її творчості, де ірраціональне й раціональне перебувають в рухливій витонченій взаємодії. Ці пошуки значною мірою зумовлюють прихід поетеси до драматургії, зумовлюють особливості її драматичного стилю, при з'ясуванні якого М. Зеров вказує як на одне з можливих його джерел на «вплив доби, що була добою суперечок, полеміки...» [9, с. 385].

Дослухаючись до голосів епохи, переймаючись ними, Леся Українка витворила напрочуд самобутню й цілісну власну філософську систему. Оскільки це філософія поетична, її важко передати звичайними словами й викласти як теорію, за властивою їй образною рухливістю й відкритістю не так просто вловити ознаки логічної конструкції. Таке складне завдання безпосередньо не входить в межі пропонованого

дослідження, Однак насамкінець доречно подати декілька штрихів, які, можливо, децю увиразнять накреслений ескіз.

Таким поняттям як людство, нація, клас, родина (за Драгомановим – громада) Леся Українка приділяє значну увагу, але не громада, а непересічна людська особистість є центром її філософської системи, яку можна охарактеризувати як гуманістичний індивідуалізм. Він у чомусь близький до ідеалу Відродження, але з наголосом на неосяжності й неоднозначності взаємин індивіда й оточення, на реальності дисгармонійного характеру цих взаємин. Притому Леся Українка цієї акцентованої нею дисгармонійності не абсолютизує, як схильні її абсолютизувати концепції екзистенціалізму, в її творчому подоланні вбачає сенс буття. Це надзвичайно динамічна й драматична концепція, яку можна назвати провідною темою творчості поетеси, темою, що розпросторюється нескінченною вишуканістю варіацій, що вчувається і в першому Лесиному вірші «Надія», і в записаному дбайливою рукою Олени Пчілки останньому задумові п'єси про неминучу крихкість догматичного насильства перед нетлінністю духовних скарбів. Леся Українка виразно обстоює у свої творах ідею незнищенності глибинних творчих сил природи й людського духу.

#### **Список літератури**

1. Дейч, А. Леся Украинка : критико-биографический очерк [Текст] / А. Дейч. – Москва : Гос. изд-во худ. лит, 1953. – 182 с.
2. Демська-Будзуляк, Л. Драма свободи в модернізмі : пророчі голоси драматургії Лесі Українки [Текст] / Л. Демська-Будзуляк. – Київ : Академія, 2009. – 184 с.
3. Драгоманов, М. П. Твори : у 2 т. [Текст] / М. П. Драгоманов. – Київ : Наукова думка, 1970.
4. Драй-Хмара, М. Леся Українка : життя й творчість [Текст] / М. Драй-Хмара. – Київ : Держ. вид-во України, 1926. – 156 с.
5. Драй-Хмара, М. Вибране [Текст] / М. Драй-Хмара. – К. : Дніпро, 1989. 542 с.
6. Забужко О. Notre Dame d'Ukraine : Українка в конфлікті міфологій [Текст] / Оксана Забужко. – Київ : Факт, 2007. – 640 с.

7. Заславский, Д. М. П. Драгоманов: к истории украинского национализма [Текст] / Д. М. Заславский. Москва, 1934. 238 с.
8. Зеров, М. Леся Українка: критико-біографічний нарис [Текст] / М. Зеров. – К. : Книгоспілка, 1924. – 64 с.
9. Зеров, М. Твори : у 2 т. [Текст] / Микола Зеров. Т. 2. – К. : Дніпро, 1990. – 608 с.
10. Косач-Кривинюк, О. Леся Українка : хронологія життя і творчості [Текст] / О. Косач-Кривинюк. – Нью-Йорк : Українська вільна академія наук у США, 1970. – 926 с.
11. Косач-Кривинюк, О. З моїх споминів: нотатки до біографії Лесі Українки [Текст] / Ольга Косач-Кривинюк // Спогади про Лесю Українку. – Київ : Дніпро, 1971. – 483 с.
12. Кочерга, С. Культурософія Лесі Українки : семіотичний аналіз текстів [Текст] / Світлана Кочерга. Луцьк : Твердиня, 2010. 656 с.
13. Кузякина, Н. Украинская драматургия XX века : пути обновления (На материале драм Леси Украинки) [Текст] / Н. Кузякина. – Ленинград : Лгитмик, 1978. – 87 с.
14. Ницше, Ф. Сочинения : в 2 т. [Текст] / Фридрих Ницше. – Москва : Мысль, 1990.
15. Рубчак, Б. Пробний лет [Текст] / Богдан Рубчак // Розсипані перли : поети «Молодої музи». – Київ : Дніпро, 1991. – С. 18–41.
16. Українка Леся. Зібрання творів : у 12 т. [Текст] / Леся Українка. Київ : Наукова думка, 1975–1979.
17. Українка Леся. Твори: у 12 т. [Текст] / Леся Українка. Київ : Книгоспілка, 1927–1930.
18. Українка Леся. Оцінка нарису програми Української партії соціалістичної [Текст] / Леся Українка // Слово і час. – 1990. – № 5. – С. 5–10.
19. Українка Леся. Листи до Фелікса Волховського [Текст] / Леся Українка // Слово і час. – 1991. – № 5. – С. 37–48.
20. Українка Леся: Публікації. Статті. Дослідження [Текст] / Леся Українка. – Київ : Вид-во Академії наук Української РСР, 1956. – 500 с.
21. Филипович, П. П. Літературно-критичні статті [Текст] / П. П. Филипович. – Київ : Дніпро, 1991. – 270 с.

22. Франко, І. Зібрання творів : у 50 т. [Текст] / І. Франко. Київ : Наукова думка, 1976–1986.
23. Франко, І. Про соціалізм і марксизм [Текст] / І. Франко. Нью-Йорк : Пролог, 1966. – 259 с.
24. Nietzsche F. Werke: in 3 Bde. München, 1982.

### References

1. Deych A. *Lesya Ukrainka: Kritiko-biograficheskii Ocherk* [Lesya Ukrainka: Critical and Biographical Study]. Moscow, State Fiction Literature Publ., 1953. 182 p.
2. Dems'ka-Budzulyak L. *Drama Svobody v Modernizmi: Prorochi Golosy Dramaturgiyi Lesi Ukrainki* [Drama of Freedom in Modernism: the Prophet Voices in Drama by Lesya Ukrainka]. Kyiv, Academia Publ., 2009. 184 p.
3. Drahomanov M. P. *Tvory* [Works]: in 2 Vol. Kyiv, Naukova Dumka Publ., 1970.
4. Dray-Khmara M. *Lesya Ukrainka: Zhyttya i Tvorchist'* [Lesya Ukrainka. Life and Creative Work]. Kyiv, Ukrainain State Publ., 1926. 156 p.
5. Dray-Khmara M. *Vybrane* [Selected Works] Kyiv, Dnipro Publ., 1989. 542 p.
6. Zabuzhko O. *Notre Dame d'Ukraine: Ukrainka v Konflikti Mifologiy* [Notre Dame d'Ukraine. Ukrainka in the Conflict of Mythologies]. Kyiv: Fact Publ., 2007. 640 p.
7. Zaslavski D. M. P. *Dragomanov: k Istorii Ukrainskogo Natsionalizma* [P. Dragomanov. To the History of Ukrainian Nationalism]. Moscow, 1934. 238 p.
8. Zerov M. *Lesya Ukrainka: Krytyko-Biografichnyi Narys* [Lesya Ukrainka. Critical and Biographical Study]. Kyiv, Knygospilka Publ., 1924. 64 p.
9. Zerov M. *Tvory* [Works]: in 2 vol. Vol. 2. Kyiv, Dnipro Publ., 1990. 608 p.
10. Kosach-Kryvyniuk O. *Lesya Ukrainka: Khronologia Zhyttya i Tvorchosti* [Lesya Ukrainka: Chronology of Life and Creativity]. New-York, Ukrainian Academy of Arts and Sciences in USA, 1970. 926 p.
11. Kosach-Kryvyniuk O. *Z Moyikh Spomyniv: Notatky do Biografiyi Lesi Ukrainky* [From my Memories: Notes to Biography of Lesya Ukrainka]. *Spogady pro Lesyu Ukrainku*. Kyiv, Dnipro Publ., 1971. 483 p.

12. Kocherha S. *Kul'turosofiya Lesi Ukrainky: Semiotychnyi Analiz Tekstiv* [Cultural Philosophy of Lesya Ukrainka. Semiotic Analyses of the Texts]. Lutsk, Tverdunya Publ., 2010. 656 p.
13. Kuziakina N. *Ukrainskaya Dramaturgiya XX Veka: Puti Obnovlieniya (na Materiale dram Lesi Ukrainki)* [Ukrainian Drama of the 20<sup>th</sup> Century: Ways of Renewing (on the Material of Dramas by Lesya Ukrainka)]. Leningrad: Lgitmik Publ., 1978. 87 p.
14. Nietzsche F. *Sochinieniya* [Works]: in 2 vol. Moscow, Mysl' Publ., 1990.
15. Rubchak B. *Probnyi Let* [Trial Flying]. *Rozsypani Perly: Poety Molodoyi Muzy* [Scattered Pearls. Poets of the Young Muse]. Kyiv, Dnipro Publ., 1991, pp. 18–41.
16. Ukrainka Lesya. *Zibrannia Tvoriv* [Selected Works]: in 12 vol. Kyiv, Naukova Dumka Publ., 1975–1979.
17. Ukrainka Lesya. *Tvory* [Works]: in 12 vol. Kyiv, Knyhospilka Publ., 1927–1930.
18. Ukrainka Lesya. *Otsinka Narysu Programy Ukrayins'koyi Partii Sotsialistychnoyi* [Assessment of the Essay of the Ukrainian Socialist Party Program]. *Slovo i Chas*, 1990, no 5, pp. 5–10.
19. Ukrainka Lesya. *Lysty do Feliksa Volkhovs'kogo* [Letters to Felix Volkhovski]. *Slovo i Chas*, 1991, no 5, pp. 37–48.
20. Ukrainka Lesya. *Publikatsiyi. Statti. Doslidzhennya* [Publications. Articles. Studies]. Kyiv, Academy of Sciences of Ukrainian SSR Publ., 1956. 500 p.
21. Fylypovych P. P. *Literaturno-Krytychni Statti* [Literary Critical Articles]. Kyiv, Dnipro Publ., 1991. 270 p.
22. Franko I. *Zibrannya Tvoriv* [Selected Works]: in 50 vol. Kyiv, Naukova Dumka Publ., 1976–1986.
23. Franko I. *Pro Sotsializm i Marksyzm* [About Socialism and Marxism]. New-York, Prologue Publ., 1966, 259 p.
24. Nietzsche F. *Werke* : in 3 Bde. München, 1982.

**СТАНОВЛЕНИЕ ДУХОВНОГО МИРА ЛЕСИ УКРАИНКИ В КОНТЕКСТЕ  
ВЕДУЩИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ТЕЧЕНИЙ КОНЦА  
XIX – НАЧАЛА XX СТ.**

*Гуменюк О. Н.*

Особое место в многогранном творчестве Леси Украинки принадлежит драматургии. Писательница является одним из творцов и теоретиков новой европейской драмы, автором незаурядных образцов соответствующего жанра. Образность ее пьес подчинена художественному постижению существенных проблем человеческого бытия. Этим обусловлен неослабевающий интерес писательницы к актуальным общественно-политическим и философским вопросам ее эпохи. В статье рассматривается становление духовного мира поэтессы, формирование ее мировоззренческих принципов. Подчеркивается значительное влияние на писательницу взглядов ее дяди Михаила Драгоманова, выдающегося философа и публициста, критически относившегося к доктринам марксизма. Ощущая ограниченность рационалистически-позитивистских тенденций, Леся Украинка склоняется к характерному для модернизма признанию интуитивизма, подсознательных факторов человеческой активности. Хотя и здесь не спешит безоговорочно присоединяться к модным веяниям, с некоторым скептицизмом относится, в частности, к отдельным идеям Фридриха Ницше, хотя ее собственные духовные поиски в определенной степени созвучны духовным поискам этого философа.

В центре философской системы писательницы – неординарная человеческая личность, вследствие чего эту систему можно охарактеризовать как гуманистический индивидуализм. Он в чем-то близок к идеалу Возрождения, но с акцентированием непостижимости и неоднозначности взаимоотношений индивида и окружения, на реальности дисгармонического характера этих отношений. Притом Леся Украинка этой подчеркиваемой ею дисгармоничности не абсолютизирует, как склонны ее абсолютизировать концепции экзистенциализма, в ее творческом преодолении видит смысл бытия.

**Ключевые слова:** Леся Украинка, многогранность наследия, новая драма, интеллектуальные поиски, творческая самобытность.

**THE FORMATION OF SPIRITUAL WORLD BY LESYA UKRAINKA IN THE  
CONTEXT OF LEADING INTELLECTUAL CURRENTS OF THE END XIX –  
BEGINNING XX CENTURY**

*Humeniuk O. M.*

The dramaturgy possesses an especial place in the multifaceted creative heritage by Lesya Ukrainka. The writer is one of the creators and theorists of New European Drama. She is the authoress of outstanding works of this genre. The figurative system of her plays is subordinate to the artistic comprehension of essential human being problems, which conditions the playwright's continued interest to actual social and philosophical questions of her time. The article deals with the formation of spiritual world and worldview principles by the authoress. Critic stresses the essential influence on the writer by her uncle Mykhaylo Drahomanov, outstanding philosopher und publicist who had the negative attitude to Marxist doctrines. Lesya Ukrainka, feeling the limitation of rationalistic and positivistic trends, inclines to typical for modernism acknowledgement of relevance intuitionism and subconscious factors of human activity. However she is not hurry to join unconditionally to

general enthusiasm and, for example, is skeptical to some ideas of Friedrich Nietzsche though her own spiritual quest to a certain extent is consonant to spiritual quest of this philosopher.

Extraordinary person is in the centre of writer's philosophical system. One can characterize this system as humanistic individualism. It is rather nearly to Renaissance ideal, but with stressing on immensity and ambiguity of relationships between individual and environment, on the reality of disharmonious type of these relationships. Moreover Lesya Ukrainka does not absolutize these stressed by her contradictions like often do this existentialism conceptions, she sees the reason of human being in the overcoming of disharmony.

**Keywords:** *Lesya Ukrainka, heritage versatility, new drama, intellectual searches, creative originality.*

УДК 82.091

**И. С. ТУРГЕНЕВ В «ПЕТЕРБУРСКОМ СБОРНИКЕ»  
(ПУБЛИКАЦИИ ПИСАТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ  
ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСКАНИЙ ЭПОХИ)**

*Николаев Н. И., Швецова Т. В.*

**ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»,  
Архангельск, Россия  
n.nikolaev@narfu.ru, t.shvetsova@narfu.ru**

Статья направлена на осмысление концептуальных особенностей тургеневских художественных текстов, помещенных в известном некрасовском альманахе «Петербургский сборник». В центре внимания – отличия этого издательского проекта от предшествующего ему («Физиология Петербурга»). Второй сборник Н. А. Некрасова не являлся простым продолжением традиции, заложенной в первом его сборнике, а открывал совершенно иные, новые горизонты в русском литературном развитии. Его особенность состоит в фундаментальных изменениях художественной картины мира, сказавшихся на литературных и публицистических материалах. Через призму этого вопроса предлагается рассматривать и особенности тургеневских текстов, опубликованных в этом альманахе.

**Ключевые слова:** Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, «Петербургский сборник», «натуральная школа», художественная картина мира, кризис поступка героя.

**ВВЕДЕНИЕ**

До сих пор некрасовский альманах «Петербургский сборник» оставался на периферии научных интересов, несмотря на то, что уже довольно давно Н. Н. Скатов оценил его как «важнейшее дело Некрасова», как альманах, который по своей популярности можно соотнести только с «Мертвыми душами» и «Тарантасом», а его исполнителями стали писатели, которые в будущем определяют развитие русской литературы: Тургенев, Герцен, Достоевский [10].

Автор этих суждений не настаивает на простой преемственности «Физиологии Петербурга» и «Петербургского сборника», хотя именно такая позиция является общим местом исследовательской стратегии подавляющего числа современных ей и последующих научных работ, выполненных в близком тематическом ключе. Альманах Н. А. Некрасова несет в себе черты качественно нового этапа русской литературы. На это указывает не только обновление авторского коллектива, но и изменение его творческих установок. В первом сборнике (и в его публицистических материалах, и в литературно-художественных) ощущается стремление представить

какие-то новые аспекты, стороны изображения действительности и тем самым дополнить (расширить) доминирующую картину мира ранее неизвестными для отечественной литературы подробностями.

Во втором сборнике (практически во всех его материалах) очевидна установка на осмысление, изображение с новой неожиданной точки зрения уже знакомых предметов. Это просматривается в ключевых публицистических работах сборника, принадлежащих перу В. Г. Белинского и А. И. Герцена (Искандера). В литературно-художественных же публикациях эта установка заявляет о себе: в использовании знакомых сюжетов (например, А. Н. Майков «Машенька»), в которых существенно меняются смысловые акценты; в диалоге (дискуссии) с авторитетными литературными предшественниками (Ф. М. Достоевский «Бедные люди»); в перепевах лермонтовских мотивов у Н. А. Некрасова. Даже в совершенно, казалось бы, «нейтральном» переводе из Гете по-своему эта тенденция обнаруживает себя у И. С. Тургенева.

#### **ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ**

Из числа включенных впервые в состав альманаха есть произведения, которые на протяжении длительного времени их изучения требовали все новых и новых интерпретаций, рождали новые концептуальные подходы к пониманию их роли в истории русской литературы. Прежде всего, это касается «Бедных людей» Ф. М. Достоевского, которые открывали «Петербургский сборник». В этом отношении сочинениям И. С. Тургенева повезло меньше. В «Петербургском сборнике» им опубликованы произведения, которые не принесли славу художнику (повесть «Три портрета», поэма «Помещик», стихотворения-переводы «Тьма», «Римская элегия»). Сюжетная сторона его эпических произведений, представленных в этом ряду, удивительно проста, незамысловата, и на это обратил внимание еще С. П. Шевырев, подчеркивая это обстоятельство с нескрываемой иронией. Вот его характерное суждение о «Помещике» И. С. Тургенева: «... г. Тургенев отличается не столько талантом, сколько смелостью. После гоголевской галереи помещиков он

взялся за помещика в том же роде!..» И далее: «Содержание пусто; надобен талант Пушкина, чтобы наполнить жизнью искусства такую пустоту содержания!» [13].

Примечательно, что в оценке С. П. Шевырева ощущается стремление соотнести тургеневские тексты с какой-то устойчивой традицией в русской литературе (например, с произведениями Пушкина, Гоголя), для того чтобы отметить тут же, насколько Тургенев далек от предшественников. При этом совершенно очевидно негативное отношение критика к литературной работе Тургенева в рамках альманаха.

Между тем В. Г. Белинский работу Тургенева характеризует как «блестящую», но и в его оценке ощущается стремление сопоставить его произведения с предшествующими. Вот его суждение о «Помещике»: «Кто-то уверял печатно, будто «Помещик» – подражание «Евгению Онегину»; <...> Первое произведение такого рода в русской литературе принадлежит Дмитриеву, автору «Модной жены». Оно было написано в духе и вкусе своего времени (поэтому-то оно прекрасно и теперь)» [1, т. 8, с. 144]. Установка на поиск литературных параллелей очевидна и здесь: да, это не пушкинский «Евгений Онегин», но, например, «Модная жена» Дмитриева. Рецензент «Финского вестника» (Ап. Григорьев) назвал Тургенева «поэтом школы Лермонтова», имея в виду героя повести «Три портрета» [2].

А современный исследователь, следуя этой традиции, пишет о повести И. С. Тургенева: «Печоринский тип оказался трансформированным и перенесённым в условия провинциального помещицкого быта» [8, с. 39]. И этот вопрос о «трансформации» уже известного типа героя носит, похоже, принципиальный характер. По поводу героя «Трёх портретов» у того же исследователя (Роговер Е. С.) находим: «<...> Тургенев воспринимает пушкинские традиции, рисуя трансформированный образ «скупого», чахнувшего над своим сундуком с деньгами» [8, с. 38].

Все эти наблюдения, оценки современников И. С. Тургенева и исследователей-литературоведов наводят на мысль, что смысловая трансформация знакомых читателю образов и мотивов может быть понята как сознательная установка молодого Тургенева, одного из авторов творческого коллектива создателей «Петербургского сборника». Как мы отметили уже вначале, эта установка на

переосмысление знакомых тем и их трансформацию обнаруживает себя и у других участников альманаха (А. Н. Майкова, Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова). Похоже, это сознательная установка всего авторского коллектива. По-своему она реализуется и в публицистических текстах сборника.

Основной вопрос, который занимает авторов «Петербургского сборника» и Тургенева в том числе, – масштабные исторические перемены, коснувшиеся морали человека Нового времени, в которой уживаются и принципы прежних (героических) эпох, и нравственное оскудение, определенное условиями нового века. Об этом пишет А. И. Герцен в своей публицистической статье, помещенной в «Петербургском сборнике»: «Безобразие подобного смешения принесло свой плод, именно мертвую мораль, – мораль, существующую только на словах, а в самом деле недостойную управлять поступками; современная мораль не имеет никакого влияния на наши действия...» [3, с. 210].

Как видим, некоторые исторические трансформации в сфере морали и у А. И. Герцена становятся объектом осмысления. На наш взгляд, изменение точки зрения на известный предмет привлекло внимание И. С. Тургенева и к «Римской элегии» Гете, перевод которой, выполненный им, помещен в «Петербургском сборнике».

Есть мнение, что «Римские элегии» Гете – это пародийный текст, поскольку написан не в Риме и не о Риме [9, с. 7]. И хотя с этим мнением сложно согласиться, мотивом к такой трактовке, по-видимому, послужила очевидная установка создателя элегий представить предмет своего изображения с необычного, неожиданного ракурса. Автор «Римских элегий» сумел абстрагироваться от современности и заставить себя (и читателя) увидеть мир таким, каким видел его человек эпохи античности. Гете, по точному определению В. Г. Белинского, «смотрел на жизнь глазами древнего грека» [1, т. 4, с. 346]. На этой особенности его элегий, судя по всему, настаивает и современный исследователь А. В. Михайлов: «Во времена Гете античность была далеким прошлым, но лишь чисто хронологически. По существу же, по смыслу античность была всегда рядом, не просто как ценное и дорогое, родное

наследие, но и как культурно-жизненная совокупность своих проблем, не разрешенных до конца, по-прежнему актуальных.

Эпоха Гете и Гегеля постигала античность во временном обращении, как бы в исторически обратном порядке. Показательны «Римские элегии» Гете: чувственно-идеальная жизненная полнота ощутима поэту под напластованиями истории, за XVIII в. выступает древний Рим, но и этого мало – сам древний Рим означает, собственно говоря, Грецию, т.е. античность как классическую идеальность» [4]. Иными словами, изменение ракурса изображения сказывается на изменении ценностного и смыслового содержания изображаемого. Реалии античного мира, увиденные глазами человека XVIII столетия, наполняются совершенно новым содержанием. И это ощущение движущегося, изменяющегося (трансформирующегося) во времени мира не только с точки зрения фактуры, но и с точки зрения смысловых и ценностных установок и является принципиальным художественным открытием Гете, воплощенным в его «Римских элегиях».

Представляется, что именно это обстоятельство привлекло И. С. Тургенева как переводчика и сделало актуальным размещение перевода в «Петербургском сборнике».

И. С. Тургенев не был первым переводчиком гетевских элегий в России. До него это сочинение было переведено А. Струговщиковым. У Тургенева не было цели осуществить перевод всех 24 элегий. Читателю текст Гете уже был известен. Поэтому Тургенев выбрал только одну – двенадцатую, и не указал, что это перевод из Гете, а просто назвал «Римская элегия» [7, с. 512].

Известно, что для И. С. Тургенева из европейских языков немецкий был наиболее близким – как язык его студенческой молодости. Это язык его любимых авторов; Гете среди них принадлежало особое место. В переписке с Полиной Виардо немецкий язык стал инструментом тайнописи, языком любви; на немецкий он переходит «и тогда, когда говорит о чем-то сокровенном, ведомом только им двоим» [12]. Выбор перевода XII элегии из Гете для размещения в «Петербургском сборнике», видимо, не случаен. И. С. Тургенев восторженно отзывался в письмах об элегиях Гете. В декабре 1839 г. в письме к Т. Н. Грановскому он писал, что не

перестает читать Гете, поскольку такое чтение укрепляет «в эти вялые дни» – в дни краткого пребывания в России: «Какие сокровища я беспрестанно открываю в нем! Вообразите – я до сих пор не читал «Римских элегий». Какая жизнь, какая страсть, какое здоровье дышит в них! Гете – в Риме, в объятиях римлянки! Особенно III-ая, V-ая, VII-ая, XII-ая и XV-ая. Эти элегии огнем пролились в мою кровь – как я жажду любви!» [11, т. 1, с. 459]. Вероятно, не только любовный лейтмотив привлек переводчика в указанных текстах, но острое ощущение новизны его восприятия, обеспеченное указанной сменой ракурса изображения, о которой В. Г. Белинский писал как о видении жизни «глазами древнего грека».

Заметим, что идейную направленность «Петербургского сборника» определили не только и не столько включенные в его состав художественные тексты, но, прежде всего, публицистические статьи. В рассматриваемом альманахе это, прежде всего, уже цитированные «Капризы и раздумья» Искандера (А. И. Герцена). Это своего рода философское эссе, посвященное проблеме меняющейся морали человека Нового времени.

Статья А. В. Никитенко «О характере народности в древнем и новейшем искусстве» [5] тоже, как нетрудно вывести из самого ее названия, пронизана пафосом исторических перемен, явивших себя в искусстве.

Ключевая статья сборника, принадлежащая перу В. Г. Белинского, выполнена в форме исторических размышлений – только уже о судьбах русской литературы. Он пытается описать динамическую модель ее развития, не всегда линейную и не всегда видимую с одного ракурса. Поэтому при описании использует совершенно новый для него прием: видение русского литературного процесса глазами стороннего наблюдателя, иностранца: «Теперь взглянем на эти периоды русской литературы в отношении к их значению не для нас, а для иностранцев» [1, т. 8, с. 42]. Смена ракурсов осмысления, постижение неожиданных векторов исторического развития – вот что составляет смысл его работы.

Меняющаяся исторически в своих нравственных и ценностно-смысловых установках жизнь – вот что составляет общий объект осмысления в сущности разных публицистических статей, помещенных в «Петербургском сборнике». И похоже, что

именно эта направленность определила своеобразие сборника в целом, поскольку еще в «Физиологии Петербурга», первом сборнике представителей натуральной школы, такой смысловой акцент в публицистических работах отсутствует.

Но и в наиболее ярких художественных текстах, опубликованных в рассматриваемом сборнике (произведения Ф. М. Достоевского, А. Н. Майкова, Н. А. Некрасова), ощущается установка на нравственно-этическое переосмысление уже знакомого русскому читателю материала. Меняющийся в своем глубинном содержании мир становится главным предметом внимания участников альманаха. В этот общий тренд, как представляется, вписывается и помещенный здесь тургеневский перевод «XII Римской элегии» Гете.

### **ВЫВОДЫ**

Что же обусловило такое устойчивое проявление в различных текстах сборника единой установки на трансформацию знакомых тем, мотивов, образов?

Позволим себе обозначить следующее предположение.

Характер литературно-художественных материалов «Петербургского сборника», как нам представляется, являет собой реакцию на кардинальную смену в русском литературном дискурсе художественной картины мира, смену литературно-дискурсивной формации. Это совершенно иной по своей сути и механизмам процесс, нежели тот, в который укладывались ранее в нашем литературоведении все факты, связанные с деятельностью «натуральной школы»: рождение реалистического метода как факта эволюционной модели историко-литературного процесса.

Кардинальная смена глобальной картины мира, сопровождающаяся глубоким кризисом [14] (выразившимся в кризисе морали, поступка литературного героя [6]), на наш взгляд, актуализирует иную историко-литературную модель, принципы которой могут быть описаны, например, в их соотнесенности с известными философскими рефлексиями М. Фуко, с его идеей «эпистемологического перелома».

То, что мы попытались разглядеть в тургеневских текстах в «Петербургском сборнике», свидетельствует, на наш взгляд, о переживании автором кризисного этапа литературно-дискурсивных формаций. Активный поиск новой точки зрения в

художественном осмыслении знакомого писателю жизненного материала ощущается во всех публикациях И. С. Тургенева, представленных как оригинальными, так и переводным текстами. И в этом своем поиске он вполне вписывается в общий вектор исканий создателей второго сборника представителей «натуральной школы».

#### **Список литературы**

1. Белинский, В. Г. Собрание сочинений: В 9-ти т. [Текст] / В. Г. Белинский. – М. : Художественная литература, 1977-1978. – Т. 8. – 783 с.
2. Григорьев, А. А. Петербургский сборник [Текст] / А. А. Григорьев // Финский вестник. – 1846. – № 9.
3. Искандер. Капризы и раздумья [Текст] / Искандер // Петербургский сборник, изданный Н. А. Некрасовым. – СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1846. – С. 205-223.
4. Михайлов, А. В. Раздел II. Эпоха «готового» слова и ее кризис. Античность как идеал и культурная реальность XVIII–XIX вв. [Электронный ресурс] / А. В. Михайлов // Античность как тип культуры / А. Ф. Лосев, Н. А. Чистякова, Т. Ю. Бородай и др. – М. : Наука, 1988. – С. 308–324. – Режим доступа: <http://litresp.ru/chitat/ru/M/mihajlov-aleksandr-viktorovich/yaziki-kuljturi/3>. – (Дата обращения: 03.10.2020).
5. Никитенко, А. В. Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым. Статья вторая [Текст] / А. В. Никитенко // Библиотека для чтения. – 1846. – Т. LXXV, отд. V. – С. 37–54.
6. Николаев, Н. И., Швецова, Т. В. Русский литературный герой 30–40-х годов XIX века и проблема поступка [Текст] / Н. И. Николаев, Т. В. Швецова // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 3–1. – С. 201–204.
7. Тургенев, И. С. Римская элегия (Гете. XII) [Текст] / И. С. Тургенев // Петербургский сборник, изданный Н.А. Некрасовым. – СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1846. – С. 512.
8. Роговер, Е. С. Художественное своеобразие повести И. С. Тургенева «Три портрета» [Текст] / Е. С. Роговер // Спасский вестник. – 2014. – № 22. – С. 38–45.

9. Ромашко, С. Монумент – сувенир – улика : временная ось мегаполиса [Электронный ресурс] / С. Ромашко // Логос. – 2002. – № 3 (3–4). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/rom.html>. – (Дата обращения: 03.10.2020).
10. Скатов, Н. Н. Николай Алексеевич Некрасов. ЖЗЛ [Электронный ресурс] / Н. Н. Скатов. – М. : Молодая гвардия, 1994. – Режим доступа: [http://www.belousenko.com/books/bio/nekrasov\\_skatov\\_zhzl.html](http://www.belousenko.com/books/bio/nekrasov_skatov_zhzl.html). – (Дата обращения: 03.10.2020).
11. Тургенев. И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти т. Сочинения : в 12 т. Письма : в 18 т. [Текст] / И. С. Тургенев. – 2 изд-е, испр. и доп. – М. : Наука, 1978-1983. – Т. 1. – 574 с.
12. Чайковская, И. Иван Тургенев как читатель Гете [Электронный ресурс] / И. Чайковская // Семь искусств. – 2013. – № 2 (28). – Декабрь. – Режим доступа: <http://7iskusstv.com/2013/Nomer12/Chajlkovskaja1.php>. – (Дата обращения: 03.10.2020).
13. Шевырев, С. П. Петербургский сборник, изданный Н. А. Некрасовым [Электронный ресурс] / С. П. Шевырев // Литература и жизнь. – Режим доступа: [http://dugward.ru/library/shevyrev/shevyrev\\_pb\\_sborn.html](http://dugward.ru/library/shevyrev/shevyrev_pb_sborn.html). – (Дата обращения: 03.10.2020).
14. Nikolaev N. I., Shvetsova T. V. «Crisis of action» of the Russian literary character in literary discourse. *Man in India*, 2017, Vol. 97, Issue 10, pp. 449–462.

#### References

1. Belinskii V. G. *Sobranie Sochinenii. V 9 Tomakh*. [Collected Works in 9 Volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1977-1978, Vol. 8. 783 p.
2. Grigoryev A. A. *Petersburgskii Sbornik* [The Petersburg Collection]. *Finskii Vestnik*, 1846, no. 9.
3. Iskander. *Kaprizy i Razdumya* [Whims and Reflections]. *Peterburgskii Sbornik, Izdannyi N. A. Nekrasovym*. Saint Petersburg: Tipografiya Eduarda Pratsa Publ., 1846. Pp. 205–223.

4. Mikhailov A. V. *Razdel 2. Jepokha Gotovogo Slova i Eyo Krizis. Antichnost' kak Ideal i Kulturnaya Realnost' 18-19 Vv.* [Section 2. The Era of the *Ready* Word and its Crisis. Antiquity as an Ideal and Cultural Reality of the 18<sup>th</sup> – 19<sup>th</sup> Centuries]. *Antichnost' kak Tip Kultury*. Losev A. F., Chistyakova N. A., Borodai T. Yu., et al. Moscow: Nauka Publ., 1988. Pp. 308–324. Available at: <http://litresp.ru/chitat/ru/M/mihajlov-aleksandr-viktorovich/yaziki-kuljturi/3> (accessed 03 October 2020).
5. Nikitenko A. V. *Peterburgskii Sbornik, Izdannyi N. A. Nekrasovym. Statya Vtoraya* [The Petersburg Collection Published by N. Nekrasov. Article 2]. Biblioteka dlya Chteniya Publ., 1846, Vol. 75. Pp. 37–54.
6. Nikolaev N. I., Shvetsova T. V. *Russkii Literaturnyi Geroi 30 – 40-kh Godov 19 Veka i Problema Postupka* [Russian Literary Character of the 1830–1840s and the Problem of Action]. *Fundamental'nye Issledovaniya*, 2014, no. 3-1, pp. 201–204.
7. Turgenev I. S. *Rimskaya Elegiya (Gyote. XII)* [The Roman Elegies (Goethe. XII)]. *Peterburgskii Sbornik, Izdannyi N. A. Nekrasovym*. Saint Petersburg: Tipografiya Eduarda Pratsa Publ., 1846. 512 p.
8. Rogover Ye. S. *Khudozhestvennoye Svoeobraziye Povesti I. S. Turgeneva Tri Portreta* [Artistic Originality of the Story Three Portraits by Ivan Turgenev]. *Spassky Vestnik*, 2014, no. 22, pp. 38–45.
9. Romashko S. *Monument – Suvenir – Ulika: Vremennaya Os' Megapolisa* [Monument – Souvenir – Evidence. The Time Axis of the Metropolis]. Logos Publ., 2002, no. 3 (3-4). Available at: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/rom.html> (accessed 03 October 2020).
10. Skatov N. N. *Nikolay Alekseevich Nekrasov. ZhZL* [Nikolay Alekseevich Nekrasov. Life of the Great People]. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 1994. Available at: [http://www.belousenko.com/books/bio/nekrasov\\_skatov\\_zhzl.htm](http://www.belousenko.com/books/bio/nekrasov_skatov_zhzl.htm) (accessed 03 October 2020).
11. Turgenev I. S. *Polnoye Sobraniye Sochinenii i Pisem v 30 Tomakh* [Complete Works and Letters in 30 Volumes]. Moscow: Nauka Publ., Vol. 1. 574 p.

12. Chaikovskaya I. *Ivan Turgenev kak Chitatel' Gyote* [Ivan Turgenev as a Reader of Goethe]. *Sem' Iskusstv*, 2013, no. 2 (28), December. Available at: <http://7iskusstv.com/2013/Nomer12/Chajlkovskaja1.php> (accessed 03 October 2020).
13. Shevyrev S. P. *Peterburgskii Sbornik, Izdaniy N. A. Nekrasovym* [The Petersburg Collection Published by N. A. Nekrasov]. *Literatura i Zhizn'*. Available at: [http://dugward.ru/library/shevyrev/shevyrev\\_pb\\_sborn.html](http://dugward.ru/library/shevyrev/shevyrev_pb_sborn.html) (accessed 03 October 2020).
14. Nikolaev N. I., Shvetsova T. V. Crisis of action of the Russian literary character in literary discourse. *Man in India*, 2017, Vol. 97, Issue 10, pp. 449–462.

### I. S. TURGENEV IN THE PETERSBURG COLLECTION (THE WRITER'S PUBLICATIONS IN THE CONTEXT OF THE LITERARY PURSUIT OF THAT ERA)

*Nikolaev N. I., Shvetsova T. V.*

The article is aimed at comprehending the conceptual features of Turgenev's literary texts published in Nekrasov's famous almanac The Petersburg Collection. The focus is on the differences between this publishing project and its predecessor (The Physiology of Saint Petersburg). Contrary to the ideas prevailing in literary criticism, the second collection by N. A. Nekrasov was not a simple continuation of the tradition established in his first collection, but opened completely different, new horizons in Russian literary development. Its peculiarity lies in the fundamental changes in the artistic picture of the world. These affected the literary and journalistic materials presented in the almanac. It is proposed to consider the features of Turgenev's works published in this collection through the prism of this issue.

**Keywords:** N. A. Nekrasov, I. S. Turgenev, The Petersburg Collection, Natural School, artistic picture of the world, the crisis of the hero's act.

УДК 82.091

## СЕВЕРО-ВОСТОК: РОССИЯ НА «ИМАГОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ» ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

*Орехов В. В.*

Таврическая академия (структурное подразделение)  
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,  
Симферополь, Россия  
E-mail: v-orehov@mail.ru

В статье исследуются французские литературные представления о России. Цель работы – определить место России на французской «имагологической карте», отраженной французской литературой XIX в. Анализ литературного материала позволяет сделать вывод о том, что на французской «имагологической карте» Россия размещалась за пределами Европы (в области чужого пространства), одновременно занимала Север и Восток и вмещала в себя узаконенные мифом и зачастую сплетенные в одно целое атрибуты северного и восточного цивилизационных типов. «Координаты» России на французской «имагологической карте» были подвижны – в зависимости от исторической конъюнктуры. В эпохи острого политического противостояния образ России более тяготел к Востоку и наполнялся традиционными для европейцев негативными представлениями об «азиатчине». Россия в таком качестве виделась как антипод и фатальный враг европейской цивилизации. В периоды относительной геополитической стабильности «имагологические координаты» России (особенно, в политическом дискурсе) «сместились» к Северу, что отчасти нивелировало цивилизационные противоречия. Французская литература XIX в. постоянно фиксировала культурное движение России к «имагологическим границам» Европы. Однако это было «бесконечное приближение» – по своей природе не способное устранить разницу и противоречия между *Своим* и *Чужим*.

**Ключевые слова:** имагология, национальный стереотип, имагологическая карта, ментальная карта, имагинативная география.

### ВВЕДЕНИЕ

Представления о *Другом* исконно мифологичны. Это психологическая данность, которая обусловлена усвоенной на генетическом уровне моделью миропонимания, предполагающей разграничение пространства на *Свое* и *Чужое*. Разница в восприятии этих зон заключена и в эмоционально-ценностном измерении, и в объективно-аналитическом. *Свое* пространство – *terra cognita* – наполнено реалиями, рационально постижимо, потому легко поддается объективному географическому описанию. *Чужое* пространство – *terra incognita* – за недостатком точных данных заполняется традиционными образами, а потому постигается с позиций «матричного» [26, с. 74], архаичного «знания» и описывается с позиций «географического воображения» [22, с. 55].

Освоение мира рациональным сознанием способно «подчинять» объективной географии *Чужое* пространство, однако «коллективное бессознательное» противится этому, и *Чужое* пространство, отражаясь, скажем, в зеркале национальной литературы, продолжает сохранять черты мифологичности. «Воображаемая география» Нового времени продолжает определять восприятие человеком *Иных* стран и народов. Цель статьи – определить место России в картине мира, созданной французской литературой XIX в., которая оказывала зачастую решающее влияние на читательское сознание не только французского, но и шире – европейского читателя.

### ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ «Имагологическая карта»

Насколько мы можем судить, в 2017 г. Л. А. Ходанен впервые применила термин «имагологическая карта». Он был использован как определение частного феномена – топоса в ориентальных травелогах [40, с. 269], однако представляется целесообразным расширить функциональность этого понятия.

В научном обороте широкое хождение имеет термин «ментальная карта». В рамках разных дисциплин термин зачастую «обрастает» периферийной семантикой, но в «ядерном» значении под ним понимается существующее в индивидуальном или коллективном сознании субъективированное отражение окружающего мира и его структурных элементов [44, с. 4–5]. По существу, речь идет о картографировании воображаемого или дополненного воображением пространства. Образы этого пространства формируются под воздействием не столько личных впечатлений и первоисточников, сколько переосмыслений мифологического, фольклорного, литературного характера. Зачастую подобные образы, прочно укрепившись в сознании, успешно конкурируют с точным знанием: оказываясь в реальном пространстве, носитель «готового» образа, прежде всего, начинает сличать реальность с этим образом, воспринимая любое несоответствие между «картинкой» и данностью в качестве случайной аномалии. Этот феномен может иметь весьма заметное влияние на масштабные социальные и даже геополитические процессы. А это, в свою очередь, стимулирует науку исследовать бытование субъективированных

образов пространства, по своей природе противопоставленных объективным знаниям. Э. В. Саид в книге «Ориентализм» (1978) предложил называть изучение воображаемых знаний о структуре пространства «имагинативной» [33, с. 78], то есть «воображаемой» географией (imaginative geography [51, с. 49]).

Имагинативная (имажинативная, или образная) география, исследуя формирование «географических образов», ныне занимает важное место среди прочих ответвлений социально-экономической географии [20, с. 26–27], но вместе с тем на некоторых уровнях пересекается с дисциплинами гуманитарного спектра: культурологией, искусствоведением, мифопоэтикой, литературоведением и проч.

Очевидно, что мы имеем дело с весьма нередкой ситуацией: научное направление получило то же название, что и интересующий его предмет – освоение мира посредством пространственных образов, синтезируемых воображением. Это само по себе способно создать некоторую терминологическую неопределенность, но ситуация усугубится, если в указанном контексте мы начнем толковать и термин «картографирование» без дополнительной конкретизации.

Имагинативной географией картографирование используется как один из основных методов [20, с. 27], который подразумевает систематизацию исследователем зафиксированных пространственных (географических) образов. И этот метод получил название образно-географического картографирования [20, с. 27]. Что же касается «ментальной картографии», то под этим определением гуманитарная наука понимает сам механизм моделирования коллективным (индивидуальным) сознанием картины мира (ее фрагментов) путем комбинирования рожденных воображением и подсказанных традицией пространственных образов. То есть речь идет об образном постижении пространства.

Как уже было сказано, это явление попадает в поле зрения ряда научных дисциплин и направлений. Для нас в данном контексте важно, что «ментальные карты» имеют ключевое значение для литературоведческой интерпретации имагологических феноменов, поскольку осознание *инаковости Другого* всегда связано с пространственным контекстом: *Другой* – всегда репрезентирует *чужое* пространство, а *чужое* пространство определяет *инаковость Другого*. И потому

всякая литературная интерпретация *Другого* обуславливается «координатами» *чужого* пространства на ментальной карте, сложившейся в сознании автора. Имагологию интересуют в ментальных картах определенный слой информации – отражающий границы между *своим* и *чужим* пространством и структуру *чужого* пространства, которое, как правило, является неоднородным. Исходя из сказанного, под дефиницией «имагологическая карта» следует понимать субъективированное, традиционно обусловленное представление о мире или его фрагменте, фиксирующее координаты объектов в системе пространственно-культурных координат и определяющее положение *чужого* пространства (периферии) в отношении к *своему* пространству (центру).

«Имагологическая карта» редко отражается в литературном произведении как завершенная целостность. Зачастую фрагменты этой карты «рассыпаны», подобно осколкам мозаики, по разным текстам, и требуют от исследователя систематизации, которая позволит реконструировать общее представление коллективного сознания, преломившееся в частных индивидуально-авторских решениях. Как уже было заявлено, цель нашей работы – осуществить подобную реконструкцию на материале французской литературы XIX в. и определить «координаты» России на французской «имагологической карте».

### **Россия – Восток**

Закономерно, что в сознании французов Париж воспринимался в качестве «центра мира». Стендаль писал: «Париж – столица Европы. Все высшие классы, как в С.-Петербурге, так и в Вене, хотят не только говорить на его языке, но и усвоить его взгляды, его верования» [36, т. 7, с. 181]. О том же писал и Бальзак: «Париж является целью для всех. Каждый стремится сюда, имея на то свои собственные основания» [4, т. 23, с. 54]. «Центростремительная» [15, с. 5] сила Парижа в XIX в. действительно ощущалась всею Европой, в том числе и Россией [30, с. 260–266]. Достаточно вспомнить ставшие «крылатыми» строки шуточной поэмы И. И. Дмитриева «Путешествие N. N. в Париж и Лондон, писанное за три дня до путешествия» (1804–1805):

*Друзья! сестрицы! Я в Париже!  
Я начал жить, а не дышать!* [14, с. 248].

На «имагологической карте» французов вокруг Парижа простиралось обжитое, *свое* пространство – Франция. За пределами Франции находилась Европа – уже не вполне *свое*, но все же хорошо известное пространство, не раз виденное собственными глазами, описанное в литературе, исхоженное во время военных походов. За пределами Европы уходили вдаль пространства, исследованные слабо, внушающие опасения, населенные *другими* народами – *чужие* пространства. Россия – одна из областей этого *чужого* пространства, изначально воспринимаемого как зона аномалии. Этим и продиктовано появление формулы – «В России ничего не делается, как в других странах» [18, с. 208], – вербализированной А. Дюма и бытовавшей в коллективном сознании французов.

«Координаты» России на французской имагологической карте могли корректироваться в зависимости от исторических факторов. В эпоху Наполеоновских войн образ России во многом формировался силами официальной французской пропаганды. В преддверие войны, как отмечает Е. М. Земцов, создавался «образ врага» – «в виде орды, которой нужно противостоять всем европейцам» [21, с. 184]. Ассоциации с «ордой», безусловно, диктовались не столько недавними историческими прецедентами вроде участия башкир и калмыков в европейских походах российской армии [32], сколько стремлением «увязать» образ России с уходящими в глубь столетий представлениями об «азиатском варварстве», изобразив русских «потомками монголо-татар» [10, с. 275].

Легко понять, что во время Московского похода подготовленные пропагандой французские военные искали в России, прежде всего, приметы «азиатчины»; они (по примеру многих европейских путешественников по России [3, с. 7]) не столько открывали новую для себя реальность, сколько «узнавали» в ней мифологизированные образы. Скажем, французский офицер Э. Лабом, так запечатлел в своих записках захваченную русскую столицу: «<...> Большие террасы у дворцов, обелиски у городских ворот и высокие колокольни на манер минаретов – все это напоминало, да и на самом деле представляло из себя картину одного из

знаменитых городов Азии, в существование которых как-то не верится и которые, казалось бы, живут только в богатом воображении арабских поэтов» [38, с. 262]. Сходное впечатление вид Москвы произвел на Ц. Ложье, также французского военного: «Мы не устаем смотреть на огромный город с его разнообразными причудливыми формами, с куполами, крытыми свинцом или аспидом; дворцы с цветущими террасами, островерхие башни, бесчисленные колокольни заставляют нас думать, что мы на границе Азии» [38, с. 269].

Москва рождала азиатские ассоциации и в позднейшие эпохи. Не бывавший в России В. Гюго, называл, тем не менее, «профиль Кремля» «азиатским» [13, т. 14, с. 202]. Сама московская история виделась как продолжение азиатской и мифологизировалась в соответствующем ключе. «При наследниках Чингисхана, – выстраивал красочную метафору А. де Кюстин, – Азия в последний раз ринулась на Европу; отступая, она топнула ногой – и на земле появился Кремль! [23, с. 397–398]

Внешне все эти азиатские «реплики» могут выглядеть как дань эстетике «восточного колорита», однако в глубинном значении они восходят к укорененным в европейском сознании дихотомиям «цивилизация/варварство» и «свобода/деспотизм». При этом следует учитывать, что эти дихотомии существовали в наложении одна на другую.

Д. В. Возчиков справедливо замечает, что уже в «Персах» Эсхила «дихотомии “эллины – варвары” отчетливо соответствует дихотомия “свобода – деспотизм”» [8, с. 55]. Европейское сознание унаследовало это тождество «оппозиций» с той разницей, что на европейской «имагологической карте» пространство «цивилизации» и «свободы» разместилось на территории Европы, а пространство «варварства» и «деспотизма» – на Востоке (в Азии и Северной Африке). То есть культурно-ценностными полюсами на этой карте оказываются «развитый Запад» и «варварский Восток» [2, с. 107].

Всякое обострение отношений между Францией и Россией реанимировало во французском обществе «метафоры, изображающие русских как варваров-кочевников <...>, разбивающих свои шатры на окраинах Европы» [27, с. 130]. Объяснимо, что особую актуальность эти метафоры приобрели в период пребывания русских войск в

Париже. Ж. де Сталь – искренняя поклонница России и столь же искренняя противница Наполеона – всё же крайне болезненно реагировала в 1814 г. на присутствие «варваров-кочевников» в ее родных пределах: «Приближаясь к Парижу, – признавалась она, – я со всех сторон видела немцев, русских, казаков и башкиров: они расположились лагерем вокруг собора Saint Denis, где покоится прах наших королей... Видеть Париж, занятым ими, Тюильри и Лувр, охраняемыми воинством, пришедшим из пределов Азии, для которого наш язык, наша история, наши великие люди менее знакомы, чем последний татарский хан, было невыносимо больно» [16, с. 228].

Образ «варвара» прочно привязывал Россию к Востоку и актуализировал дихотомию «свобода/деспотизм»: Россия виделась деспотической уже в силу традиционных европейских представлений о Востоке. Оставалось лишь подтвердить эти представления «фактами».

Так, аббат Жорель, посетивший Россию при Павле I, составил следующее заключение: «Образ правления в России нельзя сравнить ни с каким европейским, он совершенно азиатский, то есть воля императора – высший закон» [5, с. 462]. Пройдет более полувека, и в 1860-е годы в трактате «Вильям Шекспир» В. Гюго будет развивать подобную мысль уже безо всякой опоры на личные впечатления. «Факты оттоманской и московской истории, – будет утверждать он, – <...> представляют тождество с татарской. В Москве такая же мрачная азиатчина, как и в Стамбуле. Над одной царит Иван, над вторым – Мустафа. Разница между таким христианством и мусульманством едва заметна. Поп недалеко ушел от муллы, боярин от паши, кнут от шелкового шнурка, а мужик – от немого» [13, т. 14, с. 388].

Очевидно, что для Гюго «мрачная азиатчина», Стамбул и Москва локализовались в одной и той же области «имагологической карты» – на Востоке. Под «татарской историей» же следует понимать историю восточных народов, поскольку в творчестве Гюго этноним «татары» используется как общее название восточных народов [В лаб]. Это очень характерно для Франции XVIII–XIX в.: зачастую татарами называли или все народы России, или азиатское население России. В ходу даже был каламбур, основанный на созвучии во французском языке слов

«татарин» и «Тартар» (Tartare) [41, с. 66]: «Гнаться за славой до самого Тартара» [11, с. 335]. Так или иначе, но приходится согласиться с К. Корбе, по мнению которого, «Россия, согласно Виктору Гюго, – это Азия, это варварство, это деспотизм» [48, р. 187].

Имагологический миф всегда амбивалентен: не меняя содержания, он легко меняет ценностную полярность; «варавар-чужой», вызывающий отторжение и ужас, способен, оставаясь все тем же «варваром-чужим», вызывать любопытство и восхищение. Подобная расщепленность восприятия в полной мере реализовалась во французском видении России [29, с. 53–60] и Востока. Совсем неудивительно, что Виктору Гюго территория «мрачной азиатчины» дарила красочные сюжеты для «Ориенталий», где, по меткому определению Г. Брандеса, «султаны и муфтии, дервиши и халифы, гетманы и клефты – прельщающие слова в его ушах, и привлекательные картины для его глаз» [6, с. 79]. Точно так же Стендаль, часто предупреждавший об угрожающем цивилизации «нашествии казаков», обнаруживал на родине этих «казаков» характеры, пленявшие его именно своей нетронутостью цивилизацией: лучший пример тому – главная героиня романа «Арманс» (1827) – уроженка Севастополя русская девушка Арманс Зоилова.

«Восточная нецивилизованность» зачастую воспринималась как позитивная альтернатива французским нравам. Посетившая Россию Ж. де Сталь делилась впечатлениями о русских: «Они, подобно людям Востока, выказывают необычайное гостеприимство иностранцу; его осыпают подарками, а сами часто пренебрегают удобствами личной жизни» [35, с. 27]. Неприхотливость и выносливость русских также стали неизменными элементами мифа о России. Именно поэтому, скажем, Бальзак, хоть и не имел возможности наблюдать русских в военных походах, все же сравнивал их выносливость с выносливостью арабов [4, т. 18, с. 30].

Даже деспотизм мог приобретать в глазах французских литераторов некое обаяние. Так, Стендаль готов был находить позитивное начало в крепостном праве. «Русский деспотизм, принимаемый крестьянами почти добровольно, – утверждал он в «История живописи в Италии», – совсем не принизил народ духовно» [36, т. 6, с. 225]. «Архитектура, – писал он в «Прогулках по Риму», – будет все более

и более невозможной всюду, кроме России, где царь может заставить десять тысяч рабов построить какой-нибудь памятник» [36, т. 10, с. 397].

Заметим, что русское литературное сознание в отношении «восточности» России было настроено вовсе иначе, нежели французское. Русская литература первой половины XIX в. формировала свое собственное представление о «русском Востоке». Своим востоком был, во-первых, Крым с его бывшей ханской столицей Бахчисараем, метафорически отраженным в литературе как «русская Альгамбра» [31, с. 259–260]. А во-вторых, – Кавказ, где русский персонаж оказывался «в контакте с чужой культурой», воспринимал и отчасти перенимал восточную ментальность [46]. Во второй половине XIX в. в связи с присоединением обширных азиатских регионов «“кавказская” и “восточная” тема перестали восприниматься как тождественные» [45, с. 131] – свой Восток сместился с Кавказа в Среднюю Азию.

### **Россия – Север**

Любопытную характеристику той «области», которую на французской «имагологической карте» занимала Россия, дает роман Ж. Верна «Михаил Строгов» (1875). Сюжет романа – приключения царского гонца на пути от Москвы до Иркутска. Автор конструирует «исторический» антураж: на Сибирь нападает правитель Бухары – «татарский» хан Феофар, поддержанный «всеми прочими ордами Центральной Азии» [7, с. 24–25]. То есть читателю предлагалось поверить, что, во-первых, в XIX в. Бухарой правит татарский хан (!), во-вторых, что этот хан легко способен добраться с армией кочевников от Бухары до Иркутска, словно дистанция между этими городами не составляет нескольких тысяч километров. И что важно, европейский читатель не увидел никаких нарушений географической логики, роман стал одним из самых популярных произведений Ж. Верна и в первый же год был переведен на 10 языков [24, с. 446]. Это произошло потому, что на французской «имагологической карте» Россия находилась, как бы парадоксально это ни звучало, одновременно и на Востоке, и на Севере, а потому «бухарские ханы» соседствовали с «сибирскими морозами». Сибирь становилась воплощением России так же, как и «дикие орды». Н. В. Шелгунов отмечал, что в середине XIX в.: «в Европе никто не

сомневался, что в Петербурге и в Москве ходят по улицам медведи и что сейчас же за Эйдкуненом начинается Сибирь» [43, с. 102].

Конечно, северная «прописка» России во многом объяснялась объективными причинами. В России действительно холоднее, чем во Франции. Вольтер некогда писал полужутя Екатерине II: «Если бы этот великий человек, Петр Великий, основал жилище свое в лучшем климате, нежели как у Ладожского озера, если б он выбрал <...> какую-нибудь страну, которая ближе к полудню, то мне кажется, что я – несмотря на старость свою – был бы теперь у ног ваших. <...> Сердце мое, как магнит, обращается к Северу» [19, с. 17].

Рассказы путешественников рождали преувеличенное представление о русских холодах. Стендаль, как известно, участвовал в Московском походе Наполеона, и его письма свидетельствуют, что французы, оказавшись в пределах России, находились в предчувствии «сюрпризов» русского климата еще до наступления настоящих холодов. В письме от 9 ноября 1812 г. Стендаль оставил любопытное наблюдение: «Мороз легкий, два или три градуса, но так как мы в России, каждый убежден, что он замерзнет» [276, т. 15, с. 126]. После губительного отступления из России во французской литературе почти всякое упоминание о Московском походе ассоциативно связывалось с морозами. В. Гюго писа, что в России французскую армию встретили «два недруга»: «царь и север», причем «север» оказался «страшнее» (*Deux ennemis! Le Czar, le Nord. Le Nord est pire*) [49, p. 168]. Тот же Стендаль, оказавшись после «русской кампании» в Париже, жаловался сестре: «Я очень устал, но не болен. Я ощущаю внутренний холод. Я пью по две или по три бутылки великолепного вина, пью пунш, кофе – ничего не помогает; я всегда голоден и мерзну» [36, т. 15, с. 137]. Уже в 1817 г. в книге «Рим, Неаполь и Флоренция» он признавался: «Со времен московского похода вид снега не доставляет мне никакого удовольствия» [36, т. 9, с. 9]. Словом, ни Стендаля, ни его соратников, скорее всего, не смогли бы тронуть строки стихотворения И. Мятлева «Русский снег в Париже» (1841): «Здорово, русский снег, здорово! // Спасибо, что ты здесь напал <...>» [25, с. 11]. Впрочем, чем дальше в историю уходили воспоминания о бегстве французской армии из Москвы и чем большую роль в формировании образа России

начинала играть русская литература, тем сильнее проявлялась тенденция к поэтизации русских холодов. Так, Флобер признавался И. С. Тургеневу: «<...> Ваши “Сцены из русской жизни” вызывают у меня желание трястись в телеге среди заснеженных полей, под вой волков» [37, с. 21].

Однако, возвращаясь к французской литературной рецепции Московского похода, важно отметить, что объективные обстоятельства зачастую находили субъективированное и мифологизированное объяснение. В романе Бальзака «Сельский врач» (1833) есть сцена, в которой французский крестьянин – ветеран похода на Москву – делится воспоминаниями об ужасах отступления и русских холодах, и знаменательно, какое объяснение он находит для причин войны между Францией и Россией: «Попробовали мы покорить русских, отогнать за их же пределы, чтобы они нас не съели, уж такая привычка у Севера, лакомого до Юга, об этом я сам от кое от кого из генералов слышал» [4, т. 17, с. 154]. На уровне простонародного сознания противостояние России и Европы видится как универсальная, мифологическая дихотомия: благословенный Юг противопоставит суровому Северу.

Если обратиться к ментальной карте античности, то на ней, по убеждению В. Б. Шенка, «Север считался родиной нецивилизованных варваров, пристанищем чего-то “иного”, от чего Юг, как оплот культуры, отграничивался» [44, с. 9]. Подобное цивилизационное противостояние Севера и Юга с новой силой актуализировалось в эпоху Ренессанса, когда итальянские города-государства превратились в культурные центры Европы [Вульф, с. 35]. Эпоха Просвещения сместила культурный центр в Западную Европу и основала свою идеологию, прежде всего, на цивилизационном противопоставлении Востока и Запада [9, с. 35]. Однако дихотомия «Север/Юг» не вовсе канула в лету. Она продолжала существовать синхронно с дихотомией «Запад/Восток» и имела существенные отличия от нее. Если Восток воспринимался как полная противоположность Западу и область во всех отношениях *чужая*, то Север виделся *иным* нежели Юг, но все же во многом понятным и *своим*. Север составляли страны, либо входившие в «цивилизованную» «европейскую семью», либо приблизившиеся к ней, а потому имеющие право

претендовать на свой голос в «европейском хоре». «Северная» Россия оказывалась в ряду *своих* для Европы государств, скажем, как Швеция или Норвегия.

Если говорить о политическом дискурсе XIX в., то в относительно спокойные периоды истории Россия, как правило, фигурировала в нем в качестве «северной державы» («северного колосса»). И эта позиция на «имагологической карте» была компромиссной для всех сторон. Вольтер в переписке называл Екатерину II «Северной Звездой» (а не Восточной или Азиатской). Российские монаршие особы, в свою очередь, готовы были подчеркивать свое «северное» происхождение (но не «восточное»). Так, Павел I и его супруга, путешествуя в 1782–1783 гг. по Европе, официально именовали себя графом и графиней Северными [39, с. 94].

На «имагологической карте» Россия настолько прочно была привязана к Северу, что могла менять «ментальные координаты» областей вовсе не северных. По наблюдению Н. И. Храпунова, после присоединения Крыма к России полуостров на европейской «карте цивилизации» «виртуально сместился к северу» [42, с. 82–83]. Подобную миграцию по ментальной карте совершила и Польша. Вот, например, в каких словах П. Мериме обращался к одной из своих польских знакомых: «Вы иные – женщины Севера, должно быть, ваша кровь и кожа созданы иначе, чем у нас. Я полагаю, <...> что в ваших саях колоссальное количество медвежьих шкур и что они оставляют на виду от всей вашей персоны только кончик носа» [50, р. 62].

Унаследовав от эпохи Просвещения интерес к «климатическим национальным типам», французская литература зачастую была склонна рассматривать русский темперамент именно в «северном», а не в «восточном» контексте. Весьма последовательно развивал эту идею Стендаль, воспринимавший русский темперамент как воплощение «северного типа». «Южанин при физическом бездействии все время придает размышлениям, – писал Стендаль в “Истории живописи в Италии”. – <...> Укол булавки для него мучительнее, чем сабельный удар для северянина. <...> Отсюда повышенная религиозность и любовь. Природа Северу дала силу, югу – ум» [36, т. 6. с. 243]. Заметно, что после отступления из Москвы мнение писателя о русских холодах было несколько гиперболизировано. «Сильные морозы, – делился он с читателями, – причиной тому, что в Петербурге и едят и

бегают больше, чем в Неаполе. Сам русский государь, в своем дворце над Невой, будучи непрестанно занят передвижением или телесными потребностями, лишь немногие минуты может уделять мысли» [36, т. 6, с. 243]. Можно лишь догадываться, какое представление о русском климате складывалось у читателей Стендаля, никогда не бывавших в России и с доверием воспринимавших слова писателя, который ходил с Наполеоном на Москву.

К ряду подобных «открытий», пожалуй, можно отнести и наблюдения графа Монте-Кристо, который полагал, будто «холодный и лимфатический темперамент северян меньше подвержен действию яда, чем пылкая и энергичная природа южан», и утверждал даже, что на его глазах «русские поглощали без всякого вреда для здоровья растительные вещества, которые неминуемо убили бы неаполитанца или араба» [17, с. 628].

Итак, на французской «имагологической карте» Россия занимала огромные пространства на Севере и Востоке. Однако остается вопрос, насколько далеко располагалась Россия от границ Франции.

С начала XVIII в. путешественники рассказывали о проевропейских изменениях, происходивших в России. К концу XVIII в. Европа привыкла к европейском «дрейфу» России. Л.-Ф.Сегюр, живший в России в 1785–1789 гг., отмечал: «С полвека уже все привыкли подражать иностранцам – одеваться, жить, меблироваться, есть, встречаться и кланяться, вести себя на бале и на обеде, как французы, англичане и немцы» [34, с. 32].

В 1812 г. французы обнаружили в московских дворцах библиотеки и уникальные собрания произведений искусства, свидетельствовавшие о европейском уровне интересов и культурных запросов, свойственных русской аристократии. Это «приближало» Россию к границам Франции.

В 1826 г. А. Ансело, наблюдая российское общество, отмечал, что русские могут владеть несколькими языками и быть в курсе европейской литературы, а в русских дамах обнаруживал «разностороннее образование в сочетании с исключительной остротой ума» [47, р. 67].

Стендаль, близко знавший Ансело и читавший его книгу о России, через десять лет включил аналогичную информацию о России в «Записки туриста» как весьма новую и примечательную: «В России много умных людей <...>. Самолюбие русского аристократа страдает еще оттого, что он не может ездить в Париж и что каждая ничтожная французская газета обзывает его варваром. <...> Россия поглощает три четверти французских книг, выпускаемых бельгийскими контрафакторами, и я знаю двадцать русских молодых людей, которые больше, чем вы, в курсе всех изданий, вышедших в Париже за последние десять лет» [36, т. 12, с. 330].

В 1859 г. схожее «открытие» делает А. Дюма: «В России <...> женщины <...>, превосходно зная французский язык, читают почти все, что публикуется во Франции. <...> Судя по платьям, по книгам, которые они читают, по спектаклям, по музыке, женщины здесь отстают от Франции не более чем на месяц-два» [18, с. 149, 247].

В том же году в России посетил Т. Готье и... в который раз сделал «открытие»: «Я удивился, что здесь были в курсе всех малейших подробностей нашей литературной жизни. Русские много читают, и какого-нибудь малоизвестного во Франции автора здешние читатели прекрасно знают» [12, с. 111].

То есть проходили десятилетия, а французские литераторы все снова и снова «открывали» близость России к культурным границам Франции, и все же Россия не становилась для них *своей*. Стремящаяся к Франции и Европе Россия воспринималась как подобие физической частицы, имеющей возможность сколь угодно близко приблизиться к скорости света, но не способной достичь ее.

### ВЫВОДЫ

Формируя «дискурс самоопределения» [1, с. 3], русская литература закрепила пограничное место России на отечественной «имагологической карте»: «русское пограничье» воспринималось либо как «щит» для Европы, либо как зона продуктивного взаимодействия Европы и Азии, культурного симбиоза Запада и Востока. Однако на французской (шире – на европейской) «имагологической карте» Россия располагалась не на границе, а за пределами Запада. При этом происходила «контаминация» имагологических смыслов: на воображаемой карте французов

«огромность» России одновременно занимала и Север, и Восток и вмещала в себя узаконенные мифом и зачастую сплетенные в одно целое атрибуты северного и восточного цивилизационных типов.

«Координаты» России на французской «имагологической карте» были подвижны – в зависимости от исторической конъюнктуры. В эпохи острого политического противостояния образ России более тяготел к Востоку и наполнялся традиционными для европейцев негативными представлениями об «азиатчине». Россия в таком качестве виделась как антипод и фатальный враг европейской цивилизации. В периоды относительной геополитической стабильности «имагологические координаты» России (особенно, в политическом дискурсе) «смещались» к Северу, что отчасти нивелировало цивилизационные противоречия.

Французская литература XIX в. постоянно фиксировала культурное движение России к «имагологическим границам» Европы. Однако это было «бесконечное приближение» – по своей природе не способное устранить разницу и противоречия между *Своим* и *Чужим*. И как русская литература той поры стремилась сделать многое французское *своим*, так французская литература, даже порой поэтизируя Россию, искала в России, прежде всего, *инаковость*, отражала, прежде всего, *чужесть*.

#### Список литературы

1. Алексеев П. В. Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма [Текст]: автореф дис. ... докт. филол. наук : 10.01.01 / П. В. Алексеев. – Томск, 2015. – 39 с.
2. Алексеев П. В. Ф. М. Достоевский и Восток [Текст] / П. В. Алексеев. – Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2017. – 152 с.
3. Анисимов К. В. Восточный травелог русской литературы XIX в.: «воображение» имперских окраин и поэтика повествования (предварительные замечания) [Текст] / К. В. Анисимов // Имагология и компаративистика. – 2014. – № 1. – С. 5–21.
4. Бальзак О. де. Собр. соч.: В 24-х т. [Текст] / О. де Бальзак. – М.: Огонек, 1960. – Т. 17, 18, 23.

5. Безобразов П. В. О сношениях России с Францией [Текст] / П. В. Безобразов. – М.: Унив. тип., 1892. – 465 с.
6. Брандес Г. Литература XIX века в ее главных течениях. Романтическая школа [Текст] / Г. Брандес. – СПб., 1895. – 391 с.
7. Верн Ж. Полное собрание сочинений. В 26 т. [Текст] / Ж. Верн. – Т. 19. Михаил Строгов. Возвращение на родину. Романы. – М.: Ладомир, 1997. – 457 с.
8. Возчиков Д. В. Образ Востока в средневековой европейской культуре: учеб. пособие [Текст] / Д. В. Возчиков. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 267 с.
9. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения [Текст] / Л. Вульф. – М.: НЛЮ, 2003. – 560 с.
10. Гнесь А. А. Имагология: отдавая должное подсознательным образам человека и мира [Текст] / А. А. Гнесь // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11. – № 2. – Ч. 2. – С. 272–283.
11. Голицын Н. И. И. Шувалов и его иностранные корреспонденты [Текст] / Н. Голицын // Литературное наследство. – Т. 29–30. – М.: Наука, 1937. – С. 259–337.
12. Готье Т. Путешествие в Россию [Текст] / Т. Готье. – М.: Мысль, 1988. – 396 с.
13. Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. [Текст] / В. Гюго. – М.: Гослитиздат, 1953–1956. – Т. 14. – 766 с.
14. Дмитриев И. И. Сочинения [Текст] / И. И. Дмитриев. – М.: Правда, 1986. – 589 с.
15. Дмитриева Е. Е. «Франция – это циклоп, единственный глаз которого – Париж» [Текст] / Е. Е. Дмитриева // Иностранная литература. – 2020. – № 3. – С. 5–13.
16. Дурьлин С. [Н.] Г-жа де Сталь и ее русские отношения [Текст] / С. Дурьлин // Литературное наследство. – М.: Наука, 1939. – Т. 33–34. – С. 215–331.
17. Дюма А. Граф Монте-Кристо. В 2-х т. [Текст] / А. Дюма. – М.: Правда, 1983. – Т. 1. – 704 с.
18. Дюма А. Путевые впечатления. В России. Соч.: В 3-х т. [Текст] / А. Дюма. – М.: Ладомир, 1993. – Т. 3. – 640 с.

19. Екатерина II Великая, Вольтер. Переписка Российской императрицы Екатерины второй с г. Вольтером, с 1763 по 1778 год [Текст] / Екатерина II Великая, Вольтер. – М.: Вольная тип. Гария и К°, 1803. – Ч. 1. – 171 с.
20. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук [Текст] / Д. Н. Замятин // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9. – № 3. – С. 26–50.
21. Земцов В. Н. Россия глазами Наполеона [Текст] / В. Н. Земцов // Политическая лингвистика. – 2016. – № 4 (58). – С. 181–186.
22. Калуцков В. Н. О ментальных картах, terra incognita и географической картине мира [Текст] / В. Н. Калуцков // Псковский регионологический журнал. – 2017. – № 4 (32). – С. 54–67.
23. Кюстин А. де. Россия в 1839 году [Текст] / А. де Кюстин. – СПб.: Крига, 2008. – 704 с.
24. Москвин А. Г. Фантазии в историко-географическом пространстве [Текст] / А. Г. Москвин // Верн Ж. Полное собрание сочинений. В 26 т. – Т. 19. Михаил Строгов. Возвращение на родину. Романы. – М.: Ладомир, 1997. – С. 445–456.
25. Мятлев И. Русский снег в Париже [Текст] / И. П. Мятлев // Русский вестник. – 1841. – Т. 1. – С. 11.
26. Новикова М. А. Сверхтексты в литературе: жанры и циклы (К постановке проблемы) [Текст] / М. А. Новикова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2018. – Т. 4 (70). – № 4. – С. 72–84.
27. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей [Текст] / И. Нойманн. – М.: Новое издательство, 2004. – 336 с.
28. Орехов В. В. В лабиринте крымского мифа [Текст] / В. В. Орехов. – Симферополь; Нижний Новгород: «Растр», 2017. – 579 с.
29. Орехов В. В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX века [Текст] / В. В. Орехов. – Симферополь: СГТ, 2008. – 200 с.

30. Орехов В. В. Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге первой половины XIX в.) [Текст] / В. В. Орехов. – Симферополь: Антиква, 2006. – 608 с.
31. Орехова Л. А. «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина в литературе путешествий по Крыму: проблемы интерпретации [Текст] / Л. А. Орехова // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – Вып. 1. – Псков: ПГУ, 2015. – С. 258–265.
32. Рахимов Р. Н. Западные мифы о народах России: от «диких башкир» к «полуазиатским ордам» [Текст] / Р. Н. Рахимов // Проблемы национальной стратегии. – 2014. – № 6 (27). – С. 190–206.
33. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока [Текст] / Э. В. Саид. – СПб.: Русский Мир, 2006. – 637 с.
34. Сегюр Л.-Ф. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в Царствование Екатерины II (1785–1789) [Текст] / Л.-Ф. Сегюр. – СПб., 1865. – 386 с.
35. Сталь Ж. де. 1812 год. Баронесса де Сталь в России [Текст] / Ж. де Сталь // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. – Л.: Лениздат, 1991. – С. 19–64.
36. Стендаль. Собр. соч.: В 15-ти т. [Текст] / Стендаль. – М.: Правда, 1959.
37. Флобер Г. О литературе, искусстве, писательском труде: Письма; Статьи. В 2-х т. [Текст] / Г. Флобер. – М.: Худож. лит., 1984. – Т. 2. – 503 с.
38. Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев: [сборник]: в 3 ч. [Текст] / сост. А. М. Васютинский, А. К. Дживелегов, С. П. Мельгунов. – М.: ГПИБР, 2012. – Ч. 1–2. – 736 с.
39. Хаванова О. В. Пребывание цесаревича Павла Петровича в Вене в 1781–1782 гг.: «умное» путешествие просвещенного монарха [Текст] / О. В. Хаванова // Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу: Сб. статей. – М.; СПб.: Нестор-История, 2016. – С. 94–109.
40. Ходанен Л. А. Русские и Кавказ в творчестве М. Ю. Лермонтова [Текст] / Л. А. Ходанен // М. Ю. Лермонтов и его время в мировой науке и культуре: материалы Международной научной лермонтовской конференции. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2017. – С. 266–275.

41. Храпунов Н. И. «Восток в Европе»: Крым после присоединения к Российской империи глазами иностранцев [Текст] / Н. И. Храпунов // Новое прошлое – The New Past. – 2018. – № 1. – С. 63–78.
42. Храпунов Н. И. Крым между Западом и Востоком в записках британских путешественников конца XVIII – начала XIX в. [Текст] / Н. И. Храпунов // Взгляд чужеземца: дипломаты, публицисты, ученые-путешественники между Востоком и Западом в XVIII–XXI вв. – М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2020. – С. 81–100.
43. Шелгунов Н. В. Воспоминания [Текст] / Н. В. Шелгунов // Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. Воспоминания: В 2-х т. – М.: Худож. лит., 1967. – Т. 1. – С. 49–324.
44. Шенк Б. Ш. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе от эпохи просвещения до наших дней [Текст] / Ф. Б. Шенк // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – 2001. – Вып. 4. – С. 4–17.
45. Юхнова И. С. Восточный мир и «восточные странствия» героев в современной отечественной прозе (трансформация классического сюжета) [Текст] / И. С. Юхнова // «Свое» и «чужое» в культуре: Материалы XI Международной научной конференции. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2017. – С. 130–132.
46. Юхнова И. С. Очерк «Кавказец» в контексте творчества М. Ю. Лермонтова [Электронный ресурс] / И. С. Юхнова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1. – Режим доступа: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=17118>. – (Дата обращения: 7.12.2020).
47. Ancelot J.-A. Six mois en Russie: lettres écrites à M. X.-B. Saintines en 1826, à l'époque du couronnement de S. M. l'Empereur. – Paris: Dondey-Dupré et fils, 1827. – 426 p.
48. Corbet C. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). – Paris: Didier, 1967. – 489 p.
49. Hugo V. Les Châtiments. – Paris: J. Hetzel et Cie, 1970. – 328 p.
50. Mérimée P. Lettres à une autre inconnue. – Paris, 1875. – 233 p.
51. Said E. W. Orientalism. – London: Penguin, 2003. – 396 p.

### References

1. Alekseev P. V. *Vostok i Vostochnyj Tekst Russkoj Literatury Pervoj Poloviny XIX Veka: Konceptosfera Russkogo Orientalizma: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [The East and the Eastern Text of Russian Literature of the First Half of the 19<sup>th</sup> Century: the Concept Sphere of Russian Orientalism]. Tomsk, 2015.
2. Alekseev P. V. *F. M. Dostoevskij i Vostok* [Dostoevsky and the East]. Gorno-Altaysk: BITS GAGU Publ., 2017. 152 p.
3. Anisimov K. V. *Vostochnyj Travelog Russkoj Literatury XIX v.: «Voobrazhenie» Imperskih Okrain i Pojetika Povestvovaniya (Predvaritel'nye Zamechanija)* [Eastern Travelogue of Russian Literature of the 19<sup>th</sup> Century: “Imagination” of Imperial Outskirts and Poetics of Narration (Preliminary Remarks)]. *Imagologija i Komparativistika*. 2014, no 1. pp. 5–21.
4. Bal'zak O. de. *Sobr. Soch.: V 24-h t.* [Collected Works in 24 Volumes]. Moscow: Ogonek Publ., 1960, v. 17, 18, 23.
5. Bezobrazov P. V. *O Snoshenijah Rossii s Franciej* [About Relations between Russia and France]. – Moscow: Universitetskaja Tipografija Publ., 1892. 465 p.
6. Brandes G. *Literatura XIX Veka v ee Glavnyh Techenijah. Romanticheskaja Shkola* [Literature of the 19<sup>th</sup> Century in its main Trends. Romantic Direction]. St. Petersburg, 1895. 391 p.
7. Vern Zh. *Polnoe Sobranie Sochinenii. V 26 t.* [Complete Works in 26 Volumes]. Moscow: Lodomir Publ., 1997, v. 19. 457 p.
8. Vozchikov D. V. *Obraz Vostoka v Srednevekovoj Evropejskoj Kul'ture: Ucheb. Posobie* [The Image of the East in Medieval European Culture: Textbook]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skij Universitet Publ., 2020. 267 p.
9. Vul'f L. *Izobretaja Vostochnuju Evropu: Karta civilizacii v soznanii jepohi Prosveshhenija* [Inventing Eastern Europe: Map of Civilization in the Consciousness of the Age of Enlightenment]. Moscow: NLO Publ., 2003. 560 p.

10. Gnes' A. A. *Imagologija: Otdavaja Dolzhnoe Podsoznatel'nym Obrazam Cheloveka i Mira* [Imagology: Paying Tribute to the Subconscious Images of Man and the World]. *Idei i idealy*. 2019, vol. 11, no. 2, part 2. pp. 272–283.
11. Golicyn N. I. *I. Shuvalov i ego Inostrannye Korrespondenty* [Shuvalov and his Foreign Correspondents]. *Literaturnoe Nasledstvo*. Moscow: Nauka Publ., 1937, vol. 29–30, pp. 259–337.
12. Got'e T. *Puteshestvie v Rossiju* [Travel to Russia]. Moscow: Mysl' Publ., 1988. 396 p.
13. Gjugo V. *Sobr. Soch.: V 15 t.* [Collected Works in 15 Volumes]. Moscow: Goslitizdat Publ., 1953–1956, v. 14. 766 p.
14. Dmitriev I. I. *Sochinenija* [Works]. Moscow: Pravda Publ., 1986. 589 p.
15. Dmitrieva E. E. «*Francija – jeto Ciklop, Edinstvennyj Glaz Kotorogo – Parizh*» ["France is a Cyclops, whose only Eye is Paris"]. *Inostrannaja literatura*, 2020, no 3, pp. 5–13.
16. Durylin S. [N.] *G-zha de Stal' i ee Russkie Otnoshenija* [Madame de Stael and her Russian Relations]. *Literaturnoe Nasledstvo*. Moscow: Mysl' Publ., 193, vol. 33–34, pp. 215–331.
17. Djuma A. *Graf Monte-Kristo. V 2-h t.* [Count of Monte Cristo. In 2 Volumes]. Moscow: Pravda Publ., 1983, vol. 1. 704 p.
18. Djuma A. *Putevye Vpechatlenija. V Rossii. Soch.: V 3-h t.* [Travel Impressions. In Russia. Composition in 3 Volumes]. Moscow: Ladomir Publ., 1993, vol. 3. 640 p.
19. Ekaterina II Velikaja & Vol'ter. *Perepiska Rossijskoj Imperatricy Ekateriny vtoroj s g. Vol'terom, s 1763 po 1778 God* [Correspondence of the Russian Empress Catherine II with Mr. Voltaire from 1763 to 1778]. Moscow: Vol'naja Tipografija Garija i K<sup>o</sup> Publ., 1803, vol. 1. 171 p.
20. Zamjatin D. N. *Gumanitarnaja Geografija: Prostranstvo, Voobrazhenie i Vzaimodejstvie Sovremennyh Gumanitarnyh Nauk* [Humanitarian Geography: Space, Imagination and Interaction of Modern Humanities]. *Sociologicheskoe Obozrenie*, 2010, vol. 9, no 3, pp. 26–50.
21. Zemcov V. N. *Rossija Glazami Napoleona* [Russia through the Eyes of Napoleon]. *Politicheskaja lingvistika*, 2016, no 4 (58), pp. 181–186.

22. Kaluckov V. N. *O Mental'nyh Kartah, Terra Incognita i Geograficheskoy Kartine Mira* [About Mental Maps, Terra Incognita and the Geographical Picture of the World]. *Pskovskij Regionologicheskij Zhurnal*. 2017, no 4 (32), pp. 54–67.
23. Kjustin A. de. *Rossija v 1839 Godu* [Russia in 1839]. St. Petersburg: Kriga Publ., 2008. 704 p.
24. Moskvina A. G. *Fantazii v Istoriko-Geograficheskom Prostranstve* [Fantasies in the Historical-Geographical Space]. *Vern Zh. Polnoe Sobranie Sochinenii. V 26 T.* Moscow: Ladimir Publ., 1997, v. 19, pp. 445–456.
25. Mjatljev I. *Russkij Sneg v Parizhe* [Russian Snow in Paris]. *Russkij vestnik*, 1841, vol. 1, pp. 11.
26. Novikova M. A. *Sverhteksty v Literature: Zhanry i Cikly (K Postanovke Problemy)* [Supertexts in Literature: Genres and Cycles (To the Problem Statement)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2018, vol. 4 (70), no 4, pp. 72–84.
27. Nojmann I. *Ispol'zovanie «Drugogo»: Obrazy Vostoka v Formirovanii Evropejskix Identichnostej* [Using the "Other": Images of the East in the Formation of European Identities]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2004. 336 p.
28. Orehov V. V. *V Labirinte Krymskogo Mifa* [In the Labyrinth of the Crimean Myth]. Simferopol; Nizhny Novgorod: Raster Publ., 2017. 579 p.
29. Orehov V. V. *Mif o Rossii vo Francuzskoj Literature Pervoj Poloviny XIX Veka* [The Myth of Russia in French Literature of the first Half of the 19<sup>th</sup> Century]. Simferopol: SGT Publ., 2008. 200 p.
30. Orekhov V. V. *Russkaja Literatura i Nacional'nyj Imidzh (Imagologicheskij Diskurs v Russko-Francuzskom Literaturnom Dialoge Pervoj Poloviny XIX v.)* [Russian Literature and National Image (Imagological Discourse in the Russian-French Literary Dialogue of the First Half of the 19<sup>th</sup> Century)]. Simferopol: Antikva Publ., 2006. 608 p.
31. Orehova L. A. *«Bahchisarajskij Fontan» A. S. Pushkina v Literature Puteshestvij po Krymu: Problemy Interpretacii* [“The Fountain of Bakhchisarai” by A. Pushkin in the Literature of Travel in Crimea: Problems of Interpretation]. *Vestnik Pskovskogo*

- 
- Gosudarstvennogo Universiteta. Serija "Social'no-gumanitarnye Nauki"*, 2015, no 1, pp. 258–265.
32. Rahimov R. N. *Zapadnye Mify o Narodah Rossii: ot «Dikih Bashkir» k «Poluaziatskim Ordam»* [Western Myths about the Peoples of Russia: from “Wild Bashkirs” to “semi-Asian Hordes”]. *Problemy Nacional'noj Strategii*, 2014, no 6 (27), pp. 190–206.
33. Said Je. V. *Orientalizm. Zapadnye Koncepcii Vostoka* [Orientalism. Western Concepts of the East]. St. Petersburg: Russkij Mir Publ., 2006. 637 p.
34. Segjur L.-F. *Zapiski Grafa Segjura o Prebyvanii ego v Rossii v Carstvovanie Ekateriny II (1785–1789)* [Notes of Count Segur on his Stay in Russia during the Reign of Catherine II (1785–1789)]. St. Petersburg, 1865. 386 p.
35. Stal' Zh. de. *1812 God. Baronessa de Stal' v Rossii* [1812. Baroness de Stael in Russia]. *Rossija pervoj Poloviny XIX v. Glazami Inostrancev*. Leningrad: Lenizdat Publ., 1991, pp. 19–64.
36. Stendal'. *Sobr. Soch.: V 15-ti t.* [Collected Works in 15 Volumes]. Moscow: Pravda Publ., 1959.
37. Flober G. *O Literature, Iskusstve, Pisatel'skom Trude: Pis'ma; Stat'i. V 2-h t.* [About Literature, Art, Writing: Letters; Articles. In 2 Volumes]. Moscow: Hudozhestvennaja literatura Publ., 1984, vol. 2. 503 p.
38. *Francuzy v Rossii: 1812 God po Vospominanijam Sovremennikov-Inostrancev: Sbornik: V 3 ch.* [The French in Russia: 1812 According to the Memoirs of Contemporaries-Foreigners: Collection in 3 Volumes]. Moscow: GPIBR Publ., 2012, vol. 1–2. 736 p.
39. Havanova O. V. *Prebyvanie Cesarevicha Pavla Petrovicha v Vene v 1781–1782 gg.: «Umnoe» Puteshestvie Prosveshhennogo Monarha* [Stay of Tsarevich Pavel Petrovich in Vienna in 1781–1782: “Intellectual” Journey of the Enlightened Vonarch]. *Romanovy v Doroge. Puteshestvija i Poezdki Chlenov Carskoj Sem'i po Rossii i za Granicu: Sb. Statej*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istorija Publ., 2016, pp. 94–109.
40. Hodanen L. A. *Russkie i Kavkaz v Tvorchestve M. Ju. Lermontova* [Russians and the Caucasus in the Work of Mikhail Lermontov]. *M. Ju. Lermontov i ego Vremja v Mirovoj Nauke i Kul'ture: Materialy Mezhdunarodnoj Nauchnoj Lermontovskoj Konferencii. – Pjatigorsk: Pjatigorskij Gosudarstvennyj Universitet, 2017*, pp. 266–275.

41. Hrapunov N. I. «Vostok v Evrope»: Krym posle Prisoedinenija k Rossijskoj Imperii Glazami Inostrancev ["East in Europe": Crimea after Joining the Russian Empire through the Eyes of Foreigners]. *Novoe Proshloe – The New Past*, 2018, no 1, pp. 63–78.
42. Hrapunov N. I. *Krym mezhdu Zapadom i Vostokom v Zapiskah Britanskij Puteshestvennikov Konca XVIII – Nachala XIX v.* [Crimea between West and East in the Notes of British Travelers of the Late 18<sup>th</sup> – Early 19<sup>th</sup> Centuries]. *Vzglyad Chuzhezemca: Diplomaty, Publicisty, Uchenye-Puteshestvenniki mezhdu Vostokom i Zapadom v XVIII–XXI vv.* Moscow: Institut Slavjanovedenija RAN Publ.; St. Petersburg: Nestor-Istorija Publ., 2020, pp. 81–100.
43. Shelgunov N. V., Shelgunova L. P., Mihajlov M. L. *Vospominanija: V 2-h t.* [Memoirs in 2 Volumes]. Moscow: Hudozhestvennaja literatura Publ., 1967, vol.1, pp. 49–324.
44. Shenk B. Sh. *Mental'nye Karty: Konstruirovanie Geograficheskogo Prostranstva v Evrope ot Jepohi Prosveshhenija do nashih Dnej* [Mental Maps: Construction of Geographic Space in Europe from the Age of Enlightenment to the Present Day]. *Politicheskaja Nauka. Politicheskij Diskurs: Istorija i Sovremennye Issledovanija*, 2001, no. 4, pp. 4–17.
45. Juhnova I. S. *Vostochnyj Mir i «Vostochnye Stranstvija» Geroev v Sovremennoj Otechestvennoj Proze (Transformacija Klassicheskogo Sjuzheta)* [The Eastern World and the “Oriental Wanderings” of Heroes in Modern Domestic Prose (Transformation of a Classic Plot)]. «Svojo» i «Chuzhoe» v *Kul'ture: Materialy XI Mezhdunarodnoj Nauchnoj Konferencii*. Petrozavodsk: PetrGU Publ., 2017, pp. 130–132.
46. Juhnova I. S. *Oчерк «Kavkazec» v Kontekste Tvorchestva M. Ju. Lermontova* [Essay “Caucasian” in the Context of M. Yu. Lermontov's Work]. *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovanija*, 2015, no 1. Available at: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=17118>. (accessed 7 December 2020).
47. Ancelot J.-A. *Six mois en Russie: lettres écrites à M. X.-B. Saintines en 1826, à l'époque du couronnement de S. M. l'Empereur.* – Paris: Dondey-Dupré et fils, 1827. 426 p.
48. Corbet C. *L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894)*. Paris: Didier, 1967. 489 p.

49. Hugo V. *Les Châtiments*. Paris: J. Hetzel et Cie, 1970. 328 p.

50. Mérimée P. *Lettres à une autre inconnue*. Paris, 1875. 233 p.

51. Said E. W. *Orientalism*. London: Penguin, 2003. 396 p.

## **NORTH-EAST: RUSSIA ON THE "IMAGOLOGICAL MAP" OF FRENCH LITERATURE**

*Orekhov V. V.*

The article examines the French literary ideas about Russia. The aim of the work is to determine the place of Russia on the French "imagological map" reflected in French literature of the 19<sup>th</sup> century. Analysis of the literary material allows us to conclude that on the French "imagological map" Russia was located outside of Europe (in the area of alien space), simultaneously occupied the North and the East and contained the attributes of the northern and eastern civilizational types. The "coordinates" of Russia on the French "imagological map" were mobile depending on the historical conjuncture. In an era of acute political confrontation, the image of Russia gravitated more towards the East and was filled with negative perceptions of "Asian savagery" traditional for Europeans. Russia in this capacity was seen as an antipode and a fatal enemy of European civilization. During periods of relative geopolitical stability, the "imagological coordinates" of Russia (especially in political discourse) "shifted" to the North, which partly neutralized civilizational contradictions. French literature of the 19<sup>th</sup> century constantly recorded the cultural movement of Russia towards the "imagological borders" of Europe. However, it was "infinite approximation". This movement was not able to eliminate the difference and contradictions between the European and Alien space, European and Alien civilization.

**Keywords:** imagology, national stereotype, imaginative geography, imagological map, mental map.

УДК 070.11:94(477.75)

**ПИСЬМО П. П. СВИНЬИНА В «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ»  
КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ КОММЕНТАРИЯ К «ПУТЕВЫМ ЗАМЕТКАМ»**

**А. С. ГРИБОЕДОВА**

*Орехова Л. А., Первых Д. К.*

Таврическая академия (структурное подразделение)  
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,  
Симферополь, Россия  
E-mail: la.orehova@gmail.com, dianavasileva@yandex.ua

Письмо издателя «Отечественных записок» к редактору Б. М. Федорову «Знакомства и встречи на Южном берегу Тавриды» сообщало читателям о крымском путешествии П. П. Свиньина летом 1825 г. и немедленно было опубликовано в журнале. Жанр «частного» письма в редакцию все более утверждался как наиболее оперативный, предполагавший широкий тематический и стилиевой диапазон «корреспондентских» публикаций. П. П. Свиньин ярко рассказал о достижениях в развитии Крыма, о «замечательных встречах» с выдающимися людьми, в том числе с А. С. Грибоедовым, путешествовавшим по Крыму в эти же сроки, а также с командиром Балаклавского греческого пехотного батальона Ф. Д. Ревелиоти, героем второй Архипелагской экспедиции. Сегодня описание этих встреч становится важным свидетельством эпохи и необходимым материалом для комментирования крымских «Путевых заметок» А. С. Грибоедова, фрагмент из которых о пребывании драматурга в Балаклаве 1 – 2 июля 1825 г. становится предметом анализа в статье. Локально-исторический метод Н. П. Анцифорова в анализе текста позволяет представить процесс формирования авторского «образа местности» (Балаклавы, поселений юго-западного побережья Крыма) в зависимости от понимания автором глубинных исторических, географических, этнокультурных процессов, событийных впечатлений, психологического восприятия деталей реальности. При всей краткости, балаклавские записи Грибоедова пронизаны эмоциональной привязанностью автора к историческому вопросу о крымских греках, радостью восстановления греческой этнокультуры в Крыму. В статье впервые приводятся документы Государственного архива Республики Крым о воинской судьбе выходца с древнейшего Пелопоннеса «начальника Балаклавы» Георгиевского кавалера Ф. Д. Ревелиоти.

**Ключевые слова:** «Отечественные записки», жанр «письмо в редакцию», П. П. Свиньин, А. С. Грибоедов, Ф. Д. Ревелиоти, «образ Балаклавы».

**ВВЕДЕНИЕ**

Современность требует от комментатора литературы путешествий не только уточнения дат и топонимов, но и включения более широкого контекста, предполагающего, в соответствии с локально-историческим методом Н. П. Анцифорова [11], изучение всех факторов влияния местности на сознание человека, на процесс формирования «образа местности» [23; 13]. В этом смысле Путевые заметки А. С. Грибоедова, написанные кратко, для собственного припоминания, «разворачиваются», при внесении комментирующей исторической,

бытовой, этнографической, событийной информации, в «сюжет» психологического восприятия и художественного осмысления. **Цель** статьи: обозначить факторы, влияющие на формирование у Грибоедова образа Балаклавы во время путешествия по юго-западному побережью Крыма.

#### **ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ**

«Отечественные записки» Павла Петровича Свиньина (1787–1839) имели в 1820–1830 гг. широкую популярность, при этом сам издатель был известен еще и как автор многих публикаций в журнале. Его авторский образ воспринимался вполне цельным: патриот, живо интересующийся географией, историей, всеми достопримечательностями своей страны, а потому много путешествующий, записывающий и несущий читателям информацию, сохраняющую и сегодня историческую ценность.

Речь пойдет о его письме «Знакомства и встречи на Южном берегу Тавриды. Письмо Издателя Отечественных Записок к Редактору» [20, с. 119–132], написанном, как указывает автор, в Николаеве 3 сентября 1825 г. [20, с. 119]. Редактором журнала на время отсутствия путешествующего по стране Свиньина был известный в петербургских литературных кругах Б. М. Федоров [16]. О его роли в «Отечественных записках» поэт А. Е. Измайлов сообщал кн. Н. А. Цертелеву из С.-Петербурга 14 декабря 1824 г.: «Б. М. Федоров живет ныне в соседстве со мною. Служит он в Департаменте Духовных исповеданий и помогает Свиньину в редакции Отечественных Записок» [22, с. 37].

Путешествие по Крыму П. П. Свиньин совершил в одно время с А. С. Грибоедовым – летом 1825 г.; они даже повстречались, и Свиньин рассказал об этой встрече в письме «Знакомства и встречи на Южном берегу Тавриды». Рассказал подробно и об иных крымских встречах, называя имена и фамилии новых крымских знакомых, отмечая их роль в обустройстве, развитии Крыма [5, с. 124–135]. «Письмо к Издателя» превратилось в объемную публикацию о крымском путешествии, вписывалось в издательскую программу «Отечественных записок»: *познание* России, «разнообразной» «климатами, обитателями и произведениями», богатой

«классическими древностями – мало еще описанными»; описание путешествий гармонично согласовалось с именовани<sup>ем</sup> журнала и, как объяснялось на первых страницах издания, есть «легкий способ к составлению отечественных летописей». В пример такой деятельности издатель журнала «вооружается» «всеми средствами и усилиями» и «ежегодно посвящает два и более месяцев для поездки во внутренние губернии Государства для соби<sup>ра</sup>ния отечественных материалов», не щадя «никаких издержек и трудов» [19, с. 1]. В этом смысле жанр «частного» письма-«путешествия» с прямым обращением к Б. М. Федорову («Несколько раз принимался я за перо, чтоб выполнить желание ваше, любезнейший Борис Михайлович, и описать вам путешествие мое по южному берегу Тавриды» [20, с. 119]) оказался оперативным и оптимальным способом донесения актуальной информации в печать, вызывал живой читательский интерес. Доверительные интонации «частного» письма обеспечивали ответное читательское доверие к информации о «прелестной, очаровательной» Тавриде: «<...> Начинают давать цену стране сей и те, кои видели Италию и Швейцарию, и согласитесь, что с водворением помещиков столь просвещенных и с такими способами Таврида вскорости обратится в земной рай» [20, с. 119–120]. Инициативы П. П. Свиньина в «познании» Отечества, давали возможность познакомиться «с обширными просторами Российской империи и населявшими ее народами» [8; 7, с. 42]

Жанр «письмо в редакцию» – «к Редактору», «к Издателю» (варианты: «выписка из письма», «записка» и т. п.) – оказался оптимальным издательским решением, предполагая широчайший тематический и стилевой диапазон «корреспондентских» публикаций, и П. П. Свиньин обращается к нему в ходе дальнейшего путешествия по России («Письмо Изд<ателя> От. Зап. к Редактору из Москвы от 19 октября 1825 года» [20, с. 294–309]. Номера журнала 1825 г. содержали еще несколько «писем Издателя» и объединены были в оглавлении разделом «Переписка», причем вошли сюда письма о кончине императора Александра I: «Письмо из Таганрога от 22 ноября 1825 года, о болезни и кончине Императора Александра Павловича» (в траурной рамке) [20, с. 477–482], «Письмо Издателя в Казань, от 17 декабря 1825 года» [20, с.

482–498], «Второе письмо туда же от 18-го декабря, с приложением Манифеста и всех относящихся к оному актов» [20, с. 499–524].

Письмо «Знакомства и встречи на южном берегу Тавриды» содержит ряд достоверных исторических и бытовых деталей: П. П. Свиньин аккуратно вел подробные путевые записки («несколько толстых книг»). Эти материалы сейчас служат определенным комментарием к крымским событиям, в том числе связанным с путешествием А. С. Грибоедова [9, с. 40, 41]. В частности, П. П. Свиньин восторженно рассказывает о «замечательной» встрече с А. С. Грибоедовым: «Почти на *Чатырдаге* встретился я с Александром Сергеевичем *Грибоедовым*; и сердечно сожалею доселе, что ненастная погода не допустила меня сделать с столь милым товарищем путешествие на вершину сего крымского гиганта, где бы мог он быть лучшим для меня чичеронием, ибо весьма часто посещает из Симферополя высочайшую гору Тавриды, вероятно, чтоб питаться чистым, горным воздухом, вдохновенным для пламенного воображения поэта-психолога. Александр Сергеевич советует путешественникам, желающим познакомиться с Тавридою, или, так сказать, *ориентироваться*, предварительно взбираться на сию гору, ибо в хорошую погоду весь полуостров виден с нее как на блюдечке» [20, с. 130–131]. Радость П. П. Свиньины при встрече с Грибоедовым (Грибоедова он хорошо знал, а «Горе от ума» относил к выдающимся русским произведениям и писал об этом [17]) определила вдохновенную лексику сообщения: «милый товарищ», «питаться чистым, горным воздухом», «пламенное воображение поэта-психолога». И хоть использована в тексте не очень выверенная фраза – «почти на Чатырдаге» (т. е., путешественники встретились «почти» на вершине горы или речь идет о подножии Чатырдага – остается вопросом), письмо П. П. Свиньины стало «незамедлительным» оповещением читающей публики о путешествии автора «Горя от ума» по Крыму. Характерно притом, что точно подмечена увлеченность Грибоедова величием, красотой и исторической загадкой Чатырдага, центральной горы Крыма [17].

И еще одна встреча, о которой рассказывает Свиньин, может служить «косвенным» комментирующим материалом к путевым Заметкам Грибоедова, в частности, к заметкам о пребывании в Балаклаве. Материалы о маршрутах

путешествия А. С. Грибоедова по Крыму изучались в начале XX в.; в наше время наиболее подробно они исследованы в работах Н. А. Тарховой [26] и С. С. Минчика [9]. Но и при этом остаются вопросы, противоречия, нуждающиеся в пояснениях. Во многом это связано с тем, что рукопись Путевых заметок Грибоедова не сохранилась [2, с. 585–587]; кроме того, Грибоедов при написании путевых заметок без расчета на читателя был очень лаконичен – в отличие от его современников (в том числе и П. П. Свиньина), потому причинно-следственные связи подчас с трудом улавливаются. Скажем, по прибытии в Балаклаву 1 июля 1825 г. Грибоедов записал: «Бухта тихая, как пруд, и местечко балаклавское на подошве западной горы; бухта сжата продолговатыми мысами, на вид безвыходными. Школа, дом Ревельота, церковь, мечеть упраздненная, балконы на улице. Ночью мало видно» [2, с. 328]. «Мало видно», но почему-то среди строений Балаклавы на берегу бухты Грибоедов сразу выделил именно «дом Ревельота» (правильно: Ревелиоти). Искал? Был знаком с хозяином? Для нас это важно, поскольку, во-первых, уточняет сведения о крымских знакомствах Грибоедова, а во-вторых, – помогает собрать объективную информацию о крымских дворянско-помещичьих кругах 1820–1830-х годов, сыгравших, кстати, немаловажную историческую роль в развитии Крыма. Если предположить, что Грибоедов был знаком с Ревелиоти, то естественно предположить, что он и остановился бы в этом доме на ночь.

Можно предположить также, что А. С. Грибоедов не был лично знаком с главным в Балаклаве человеком, полковником Ревелиоти, но, точно, знал о нем и его гостеприимстве из книги И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году», которую возил с собой [2, с. 587]. Муравьев-Апостол рассказывал, что в Балаклаве останавливался в доме «заслуженного, пораненного начальника Балаклавы и Греческого батальона Ревелиотиса»: «Он всех заезжающих к себе принимает, <...> и вся семья его старается, как бы лучше угодить и чем бы лучше угостить. Чистенький, веселый домик его стоит на конце города, на восточном берегу узкоустой гавани, которая, будучи стеснена между двух высоких гор, сходствует более с рекою, нежели с заливом морским. Против комнаты моей, с южной стороны, я вижу на краю скалы, над самым устьем гавани, висящую Генуэзскую башню»

[25, с. 301–302]. Такого описания, собственно, достаточно, чтобы выделить среди прочих домов Балаклавы дом Ревелиоти. Более того, в книге И. М. Муравьева-Апостола Грибоедов мог прочесть не только о «начальнике Балаклавы», но и о балаклавских жителях – греках: «Подлинно, весь этот город населен Греками, потомками тех морейцев, которые передались нам во время пребывания нашего флота в Архипелаге в 1770 году.

<...> Число сих Греков здесь простиралось вначале до 2000 человек и более, но теперь уменьшилось до 440, настоящий комплект Греческого батальона, коего служба состоит в содержании караулов по южному берегу до Судака» [25, с. 302]. О греческих караулах упомянул и Грибоедов, но с тем уточнением, что в Симеизе береговой кордон охраняют казаки, а «далее содержит его балаклавский полк» [2, с. 327]. Это значит, что Грибоедов разобрался в распределении охранных зон и, следовательно, знал фамилию начальника Греческого батальона, штаб-квартира которого находилась в Балаклаве.

В Балаклаве, несмотря на многообещающие описания Муравьева-Апостола, Грибоедов остановился на ночлег не в гостеприимном доме Ревелиоти, а в местном трактире: «Комната моя в трактире с бильярдом. Морская рыба макрель, кефала» [2, с. 328]. Можно, впрочем, понять ситуацию: до городка Грибоедов добрался ночью, усталый, преодолев путь по Чертовой лестнице из Кучук-Коя до Байдарской долины, а далее – до Балаклавы. Кроме того, и дальнейший план его путешествия был напряженным. Сразу по прибытии в Балаклаву он договаривается о завтрашней морской поездке: «Дежурный капитан. Готовится мне ялик для прогулки по бухте, на другой день, на рассвете» [2, с. 328]. Заметим, что это были самые короткие ночи в году, значит, Грибоедов прибыл в Балаклаву 1 июля не ранее 21 часа (поскольку уже стемнело). До июльского рассвета (допустим, в 5 часов) оставалось совсем мало времени на необходимый отдых, и предпочтительнее было одиночество в трактире.

На рассвете 2 июля: «Поутру, бухтою, вниз к устью, – не видать никакого выхода; на протяжении до открытого моря на 1½ версты заслонено утесами с обеих сторон; слева замок, полукруглый залив по выходе в море. Дельфины и бакланы. Плыдем в оба направления, к востоку Святой Нос, как будто развалины монастыря»

[2, с. 328]. Возвратились с морской прогулки, предположим, в 10 часов утра; при ярком солнце Балаклава увиделась в новых и «приятных» подробностях: «Воротясь назад, приятный вид местечка – в церковной ограде кипарис, мечеть внизу, старая церковь в горе, школа – самое чистенькое здание. Настоящий грек, слуга в трактире, пылает желанием сразиться с греками и сдирает с меня втридорога за квартиру» [2, с. 328]. Необходимое замечание: во фразе «*Настоящий грек, слуга в трактире, пылает желанием сразиться с греками*», видимо, пропущено слово; следует понимать так: «сразиться *вместе* с греками» – ведь «сразиться» рвется «*настоящий грек*». Еще отметим: Грибоедов увидел в ограде греческой церкви не *кипарисы* – как зеленое украшение, а *один кипарис* – видимо, *знак* далекой родины.

В первой половине дня 2 июля Грибоедов покидает Балаклаву: «Уезжаем из Балаклавы назад к верху бухты, налево в гору, вправо внизу Кадикой, церковь беленькая, приятный вид после запачканных мечетей, еще в гору, мимо Корани (все 4 деревни греческие). Хорошо отстроенные домики» [2, с. 328]. Грибоедов отправляется на мыс Фиолент в Георгиевский монастырь, причем там успевает спуститься к морю по знаменитой монастырской лестнице («Глаз меня обманул: гораздо глубочайший спуск, чем я думал» [2, с. 329]), искупаться в холодной, «как лед, воде» и совершить затяжной подъем («Назад подъем тяжел» [2, с. 329]); «под вечер» он прибывает в Севастополь и дотемна гуляет по городу: «Батарея, закат солнца, иду на Графскую пристань» [2, с. 329].

Итак, Грибоедов рассчитывал быть в Севастополе вечером 2 июля, и при таком плане предстоящих экскурсий не мог задерживаться в Балаклаве; визита к Ревелиоти не было. Не было, судя по всему, и предварительного знакомства, которое обязывало бы нанести визит. Впрочем, хозяин мог быть в отъезде...

Балаклавский дом Ревелиоти, выделявшийся на фоне остальных строений, был богатым и добротным. Известно, кстати, что спустя три месяца, осенью 1825 г., в этом доме в Балаклаве завтракал император Александр I, что убеждает нас в несомненном авторитете Ревелиоти в Крыму. О балаклавском доме Ревелиоти упоминает и Анатолий Демидов, посетивший Крым через двенадцать лет, в 1837 г.: «Теперешняя Балаклава есть не иное что как кучка хижин, обнесенная полуразвалившимися

стенами. В этом городке замечательны только главная улица с запустевшими лавками, церковь, довольно красивая, и здание, в котором живет начальник Греческого батальона» [3, с. 367]. В книге А. Демидова высказано даже мнение, что, «если бы Балаклава не была местопребыванием штаба арнаутов, то, несмотря на свое прекрасное приморское положение, она не стоила бы отметки на географической карте», поскольку живущие здесь греки «занимаются лишь земледелием», а сам город «не производит никакой торговли»: «Греческая милиция, носящая имя *арнаутов*, состоит из батальона, которому исключительно поручено содержать караул на берегах Крыма. Штаб этой милиции имеет свое местопребывание в маленьком приморском городке Балаклаве: отсюда караулы рассылаются по разным точкам берега, в которых присутствие их считается нужным» [3, с. 321–322].

Почему греков называли арнаутами, у Демидова нет пояснений, но рассказана история балаклавских греков: их вербовали на Архипелаге во время Русско-турецкой войны 1769 г.; по окончании войны они поселились в России, получили земли, образовали полк и остались служить в Балаклаве; полк назван Греческим Балаклавским пехотным батальоном. Автор первого путеводителя по Крыму [14] Шарль Монтандон нашел объяснение названию «арнауты»: во время операций в 1777 г. против мятежных татар «греческий полк неоднократно доказывал свою отвагу». Прозвище «арнаутский» было дано ему татарами, «загнанными в горы и разбитыми в их укреплениях»: «Полк внушал страх, и при его появлении татары спасались бегством, крича «Arnaout Guelir!» (арнауты здесь)» [10, с. 262].

А. С. Грибоедов старался вникнуть в историю крымских греков-христиан, составить политическую оценку исторических миграций и итогов нового заселения Крыма греками после 1783 г. Так, мы можем встретить в его Заметках ряд упоминаний о греках: у Никитского сада – «заглохшая тенистая тропа посреди одичалых остатков греческого садоводства», а также «в перелеске руины греческой церкви» [2, с. 326]; вокруг Никиты «запущенные и оброшенные сады греков, выведенных в Мариуполь»; «Аутка – греческое селение в сторону от дороги, но в ней все по-татарски» [2, с. 326], в Севастополе – «полуразрушенная внутренность церкви (живопись: святой с ликом, стертый)» [2, с. 329]. Грибоедов не скрывает

удовлетворения, увидев на подъезде к заселенной «новыми» греками Балаклаве сады и обработанные поляны [2, с. 328]; в Кадикое (близ Балаклавы) его радует «церковь беленькая, приятный вид после запачканных мечетей» [2, с. 328]. «Приятный вид» Балаклавы, посаженный в церковной ограде кипарис, «чистенькое» здание школы – эти впечатления Грибоедова логично связываются с деятельностью начальника Балаклавы.

Но что знаем мы о командире Балаклавского греческого пехотного батальона Ревелиоти? В комментарии к крымским Заметкам А. С. Грибоедова сказано: «Ревельот (Ревельоти) Федор Дмитриевич – полковник, командир Балаклавского греческого батальона, грек по национальности, житель Балаклавы» [2, с. 597]. Здесь неточность: имя полковника Ревелиоти не Федор, а Феодосий (Теодосиос Ревелиотис). Неточности объясняются тем, что и сегодня многие материалы о Ревелиоти, хранящиеся в Государственном архиве Республики Крым, остаются неизвестными. Это обуславливает включение этих материалов в настоящую статью: они станут комментарием к тому, что не договорил о «заслуженном, пораненном начальнике Балаклавы» И. М. Муравьев-Апостол (и комментаторы к его книге [25, с. 476]), а также к встрече П. П. Свиньина на Чертовой Лестнице (о чем расскажем далее), к балаклавским записям А. С. Грибоедова. Будем придерживаться хронологического принципа подачи архивных документов и, по возможности, сохранять исторические особенности текстов.

Один из самых ранних документов, который привлечем для восстановления родословной Георгиевского кавалера Ф. Ревелиоти, – письмо из Греции от Архиепископа Константинопольского, Нового Рима и Вселенского Патриарха Каллинипа (датировано 1805 годом; подлинник сохранен и переведен с греческого языка). Узнаем, что Феодосий Ревелиоти «имеет свое происхождение из города Трополиса» (Триполиса), «что в Пеллопонисе» (так в документе. – Л. О., Д. П.); что он «благочестив и православен»: *«<...> Сын же он честных благородных и благочестных родителей, и во многих общественных делах в своем отечестве служивших с усердием, как мы совершенно уверились свидетельством его единоземцев, крещен православно. <...> Известно, что он от дворянского*

поколения» [1, лл. 28, 13–14]. Предположительный год рождения Ф. Ревелиоти 1764 или 1766: в семейном списке за 1811 год указано, что ему 47 лет (стало быть, родился в 1764 году) [1, л. 1], а в семейном списке за 1820 год – 54 года (в этом случае год рождения 1766) [1, л. 28].

В послужном списке за 1811 год, приложенном к делу о признании подполковника Феодосия Ревелиоти «во дворянском достоинстве», значится, что службу он начал прапорщиком в гребной флотилии 20 октября 1787 г. в Средиземном море; 20 мая 1791 г. получил звание поручика. Теперь приведем документ подробнее, здесь и далее выделив подлинные строки курсивом: *«В походах и делах против неприятеля был на судне «Минерва» (Северный архипелаг, 1788-го июля 13-го), в сражении с турецким судном под островом Занте, которое и пленили августа 20-го в сражении с турецким флотом». Между островами Родос и Карпатос «789-го апреля 8-го на том же судне отправился в Средиземное море. Мая 6-го в сражении с турецким флотом под островом Тино. Октября 12-го в сражении с двумя турецкими эскадрами под островом Тасом. 790-го года в марте – мае в сражении с турецким и алжирским флотами между островами Андрос и Киемдора, где получил рану в голову и саблю во время абордажа. Января 31-го 1797 г. переведен в Балаклавский греческий пехотный батальон с назначением в должность капитана»* [1, л. 21].

В 1807 г. Ф. Ревелиоти во время «бывших в Крыму военно-политических обстоятельств, употребляя оные по препорученностям г-на адмирала и кавалера маркиза де-Траверсе, и сверх того по повелению господина генерал-лейтенанта Пущина, имел в распоряжении своем все состоящие по южному берегу Черного моря от Севастополя до города Феодосии кордоны» [1, л. 22]. А в 1810 г. Ф. Ревелиоти, прибывши с Черноморским флотом «к Анадольским берегам» к городу Платан, *«октября 17-го отправился с препоручением, отданном для десанта гребными судами на анадольский берег к Платану, где с всевозможной поспешностью сошедши на берег, выгнал неприятеля из закрытых кустарниками вырытых ложементов и, поразив оною, невзирая на превосходную силу, коего было более четырех тысяч человек, напал на неприятельскую батарею, из трех пушек состоящую. Сбил с оной неприятеля и, овладевши оною, запленил пушки. При взятии*

*батареи ранен двумя пулями в правый бок и одною – в правую руку. В штрафх не бывал» [1, л. 22].*

К бою 17 октября 1810 года имеет отношение еще один документ – аттестат, заверенный контр-адмиралом, командующим Черноморской эскадрой, «кавалером Ордена Святого великомученика и Победоносца Еоргия 4 класса и Равноапостольного князя Владимира третьей степени» Алексеем Сарычевым<sup>1</sup>, который подтверждает, что Ревелиоти «во всю компанию находился на флагманском корабле «Полтаве», замечен «поведения отлично хорошего», подчиненных «содержал в порядке и дисциплине»: *«Во время высадки при турецком городе Платан десанта, будучи начальником одного, напал на неприятеля с отличною храбростию и неустрашимостию и, хотя был тяжело ранен, но он, презирая болезнь и всеопасность, поражал в больших толпах неприятелей, при чем спас жизнь мичмана Ольховского от нанесенного было неприятельского удара, который он отклонил и нападавшего пересек пополам; во всем выше прописанном отдавая ему, Ревелиоти, мою справедливую признательность и похвалу, долгом поставляю рекомендовать достойным к важнейшим препоручениям <...>.*

Ноября 10 дня 1810 года» [1, л. 7].

Раненный в бою Ф. Ревелиоти потерял сознание, но вынесен был товарищами. 16 ноября 1810 года, через месяц после сражения под Платаной, майор Ревелиоти за боевые заслуги получил благодарственное письмо от герцога де Ришелье. Письмо это

---

<sup>1</sup> К сведению: контр-адмирал Алексей Андреевич Сарычев (1760-1827) в 1810 г. был назначен на должность флотского начальника в Севастополе; командовал Черноморской эскадрой у берегов Анатолии; с 1820 г. вице-адмирал. И к чести его помянем, что сыновья его – *Василий, Александр, Гавриил* – продолжили военно-морскую династию; его внуки сражались за Севастополь в Крымскую войну [15]: *Федор Васильевич Сарычев*, лейтенант, командовал 2 флотским батальоном на 4 бастионе; несколько раз ранен; Георгиевский кавалер, впоследствии – контр-адмирал [8, с. 68]; *Алексей Васильевич Сарычев*, штабс-капитан, раненный на 1-ом бастионе в ночь с 20 на 21 августа 1855 г. в бок, руку и обе ноги; умер во время переноски на перевязочный пункт; похоронен на Михайловском кладбище в Севастополе; могила не сохранилась [24, с. 185–186]; *Илларион Васильевич Сарычев* служил на Черноморском флоте; дослужился до чина капитана 2 ранга.

во многих смыслах показательное, приведем фрагмент: «Я имел удовольствие получить донесение генерал-майора Гангеблова о беспримерной храбрости, оказанной Вами при местечке Платане против турков в виду всего флота нашего 17 октября, где Вы и ранены двумя пулями. Приятнейшим долгом поставляю объявить Вам, г. майор, чувствительнейшую мою благодарность с уведомлением <...> о приличном награждении Вас и нижних чинов, значащихся в списке, доставленном Вами ко мне при рапорте № 437, равно о доставлении пенсии оставшимся семействам после убитых в том деле унтер-офицеров и рядовых <...>» [1, л. 23].

Приведенные документы подтверждают военные заслуги Ф. Ревелиоти. 4 июня 1813 года майор, кавалер ордена Св. Георгия Ф. Ревелиоти причислен к Таврическому дворянству [1, л. 26]. В 1825 г., когда Грибоедов прибыл в Балаклаву, Ф. Ревелиоти был уже полковником. Сказанное приводит к пониманию, что Грибоедов, если не был лично знаком с Ф. Ревелиоти, то знал о нем немало, а в ночной Балаклаве дом Ревелиоти ему мог показать любой встречный. Но был ли Ф. Ревелиоти в это время дома? Здесь нам и пригодится рассказанная в письме П. П. Свиньина история случайной встречи с семейством Ревелиоти на Чертовой лестнице (Шайтан-Мердвен), труднопроходимой горной тропе: «Приблизившись к лестнице, служащей единственным сообщением Байдарской долины с Южным берегом, я усмотрел перпендикулярно надо мною движущихся людей, едва приметных по высоте скалы. О, ужас! Казалось, они падают, пропадают! Я обомлел от страха; но вскоре увидел их висящими на середине отвесного утеса; вскоре я их опять потерял, и потом они опять явились еще ниже: тут уже различил я, что в числе кавалькады были и дамы. Еще несколько раз путешественники пропадали из глаз моих и являлись ниже и ниже; еще несколько раз я обмирал за бесстрашных сих дам, воображая, что неверный шаг лошадей на сей круто-вьющейся лестнице – есть верная смерть. Но они съехали благополучно, без малейшего приключения, и я узнал, что это был Полковник Ривильоти со своею фамилиею, ехавший из Балаклавы в Зименс» [20, с. 130].

Зименс (совр.: Симеиз), как выясняется из того же письма П. П. Свиньина, – «богатейшее имение», «отстоящее от Алупки в 4-х верстах» и «принадлежащее

Дмитрию Васильевичу Нарышкину, полковнику Ривильоти и полковнику Франку» [20, с. 129]. Стало быть, семейство Ревелиоти добиралось из Балаклавы в собственное имение в Симеизе. Подобные переезды были для семьи, несомненно, делом хлопотным, а потому переезжали не на короткий срок. К слову: после ухода в отставку в 1831 г. Ф. Д. Ревелиоти с семьей поселился в Симеизе.

Судя по всему, до описанной встречи П. П. Свиньин не был знаком с Ревелиоти (иначе не написал бы: «они съехали» – «я узнал, что это был полковник Ревелиоти со своею фамилией»). Что известно о семействе Ф. Ревелиоти? По сохранившемуся семейному списку на 1820 год, приложенному к прошению о занесении семьи Ф. Ревелиоти в дворянскую книгу Таврической губернии, следует, что Феодосий Ревелиоти женат на дворянке Марии, Павловой дочери, 37 лет. Дети: Петр – 7 лет (1813 г. р.), Павел – 5 (1815 г. р.), Арестид – 4 (1816 г. р.), Елена – 20 лет (1800 г. р.), замужем, Аспазия (в других документах – Эспазия) – 12 лет (1808 г. р.). Из более поздних документов узнаем, что у Ф. Ревелиоти был сын Ксенофонт, видимо, родившийся после 1820 г. В семье жили также приехавшие из Греции два родных племянника Ф. Д. Ревелиоти, служившие в Греческом пехотном батальоне: Иван, сын Н. Д. Ревелиоти (в 1820 году ему 21 год) и 19-летний (в 1820 году) Павел, сын И. Д. Ревелиоти [1, л. 31–32]. Таким образом, в «кавалькаде», увиденной Свиньиным, могли быть старшие сыновья Ф. Д. Ревелиоти, дочери, племянники – т. е., умевшие хорошо держаться в седле.

Жена Ф. Д. Ревелиоти с младшими детьми могла оставаться дома в Балаклаве, где семья имела жительство [1, л. 31–32] и где ей принадлежали мельница, «разные строения, то есть дома и лавки» [1, л. 10–11]. В 1829 г. Ф. Д. Ревелиоти стал *генерал-майором*, в 1830-е гг. он является одним из самых состоятельных землевладельцев в Крыму: ему принадлежало 15058 десятин [21, с. 166–167].

Итак, мы расширили контекстом балаклавский сюжет в путевом дневнике Грибоедова. Когда мы размышляем о том, как А. С. Грибоедов в ходе крымского путешествия оценивал складывающуюся обстановку (с учетом времени, места, характера и т. д.) и поступал в этой обстановке, воспользуемся формулой, предложенной В. А. Кошелевым – «Грибоедов в “предлагаемых обстоятельствах”»

[4]. Обстоятельства пребывания Грибоедова в Балаклаве неожиданно связываются с событием случайной встречи П. П. Свиньина с семейством Ф. Д. Ревелиоти, о которой и рассказано в «письме к Редактору» «Отечественных записок».

### ВЫВОДЫ

Путешествие А. С. Грибоедова по Крыму было предпринято с познавательной целью, о чем свидетельствуют его путевые заметки. Из них следует также, что Грибоедов целенаправленно использовал каждый час, не считаясь с усталостью, легко примиряясь со спартанскими условиями, в которых приходилось ночевать (например, на Чатырдаге), всегда четко и подробно планировал маршрут на несколько дней вперед и строго придерживался своего плана.

О командире Балаклавского греческого батальона Ф. Д. Ревелиоти и его боевых заслугах Грибоедов, несомненно, слышал и знал (в том числе из ярких описаний в книге И. М. Муравьева-Апостола). История крымских греков, их исторические памятники, занятия, жилища, способы хозяйствования, судя по упоминаниям в путевых заметках, живо интересовала Грибоедова. В этом смысле беседа с Ревелиоти могла бы дополнить его наблюдения. Но, опираясь на сведения П. П. Свиньина в «письме Редактору», можем допустить, что в это время Ф. Д. Ревелиоти в Балаклаве не было, он уехал в свое симеизское имение. Описанная П. П. Свиньиным картина преодоления семьей Ревелиоти перевала Чертова Лестница (на большой высоте, в горных обвалах) щемяще напоминала о генетически усвоенных архипелагскими греками навыках горной верховой езды, о их драматичной военной истории конца XVIII – начала XIX вв., о воинских заслугах Георгиевского кавалера Ф. Д. Ревелиоти (о чем знали Свиньин и Грибоедов, но не знают наши современники – для них представлены архивные документы), о переселении в Крым, о молодом поколении теперь уже *крымских* греков с античного Пелопоннеса (приведены документы о семье Ревелиоти).

Пребывание Грибоедова в Балаклаве было кратковременным (поздний вечер 1 июля – утро 2 июля), но, видимо, достаточным для вынесенных впечатлений. Грибоедов-дипломат хорошо представлял политическую картину в период

заклучения Кучук-Кайнарджийского договора, сочувственно относился к грекам, пережившим «исход» из Крыма в 1778 г. Разумеется, он детально знал о первой и второй Архипелагских экспедициях; военная судьба и личная храбрость Ф. Д. Ревелиоти не могла не вызывать уважения. «Образ» Балаклавы логично связывался с личностью Ревелиоти. Важное примечание: в Балаклаве Грибоедов не пошел осматривать генуэзскую крепость (что делали все путешественники), а удовлетворенно отметил устроенную архипелагскими греками жизнь. Вовсе не случайно он ограничился немногословным описанием Балаклавы. «Чистенькая» школа, церковь, кипарис, ареал обитания которого Средиземноморье, а также «дом Ревельота», домики, трактир с бильярдом, макрель и кефаль на столе – эти слова в его Путевых заметках стали «ключевыми» приметами в сложившемся «образе» Балаклавы.

#### Список литературы

1. Государственный архив Республики Крым. – Ф. 49, оп. 1, ед. хр. 6384.
2. Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. в 3-х т. / Гл. ред. С. А. Фомичев. – СПб, 1995–2006. Т. 2. Драматические сочинения. Стихотворения. Статьи. Путевые заметки. – СПб: «Нотабене», 1999. – 618 с.
3. *Демидов Ан.* Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году Анатолием Демидовым, членом Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук и Искусств, Императорского С.-Петербургского университета и Академий Парижской, Мюнхенской и Стокгольмской. – М.: В типографии Александра Семена, 1853. – 543 с.
4. Кошелев В. А. Грибоедов в “предлагаемых обстоятельствах” / ИРЛИ РАН. – СПб.: «Изд. “Росток”», 2020. – 336 с.
5. Крымский миф в русской культуре первой половины XIX в. Свод малоизвестных свидетельств современников. Изд. подгот.: К. В. Борисова, А. В. Кошелев, В. А. Кошелев, Л. А. Орехова, Д. К. Первых, А. С. Шерemet; науч. ред В. А. Кошелев. – Великий Новгород – Симферополь: ООО «Растр», 2017. – 768 с.

6. Кузьминов П. А., Тахушева И. С. Кавказ в редакционной политике журнала «Отечественных Записках» (1818-1867 гг.) // Научная мысль Кавказа. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2016. – № 4. – С. 81–87.
7. Кузьминов П. А., Тахушева И. С. П. П. Свиньин и трансляция истории народов Северного Кавказа в «Отечественных Записках» (1818-1838) // Научная мысль Кавказа. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2018. – № 2. – С. 41–47.
8. Ляшук П. М. Герои «Севастопольской страды». Кавалеры орденов Св. Георгия за оборону Севастополя в 1854–1855 гг. / Биографический справочник. – Симферополь: Изд-во «Таврия-Плюс», 2001. – 127 с.
9. Минчик С. С. Грибоедов и Крым: монография. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2011. – 275 с.
10. Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым / Пер. с франц. Орехова В. В. – К.: Издательский дом «Стилос», 2011. – 416 с.
11. Московская Д.С. Н.П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920–1930-х гг.: к истории взаимосвязей русской литературы и краеведения". – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – 432 с.
12. Орехов В. В. В лабиринте крымского мифа. – Симферополь – Н. Новгород: ООО «Растр», 2017. – 579 с.
13. Орехов В. В. Литературное крымоведение и проблема исторической истины в образовательном процессе // Современная картина мира: крымский контекст: коллект. моногр. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 164–192.
14. Орехов В. В. Первый путеводитель по Крыму // Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым / Ш. Монтандон; пер. с франц. В. В. Орехова. – Киев: Изд. дом «Стилос», 2011. С. 10–39.
15. Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников:

- литература, архивы, пресса [Текст] / Л. А. Орехова, В. В. Орехов, Д. К. Первых, Д. В. Орехов. – Симферополь: СГТ, 2010. – 480 с.
16. Орехова Л. А. Об одном эпизоде из литературной жизни 1823 года // «Липецкий потоп» и пути развития русской литературы, (9–12 ноября 2006 г., г. Липецк): Сб. научных статей [по итогам Международной научной конференции]. – Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т, 2006. – С. 67–76.
17. Орехова Л.А. Чатырдаг как объект географических и исторических интересов А. С. Грибоедова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – 2020. – Т. 6 (72). – № 3. – С. 177–205.
18. Орехова Л. А. Январь 1945 года: юбилей А. С. Грибоедова в Крыму // XIII Крымские Международные Михайловские литературно-ономастические чтения. Мат-лы конференции / Гл. ред. А. В. Петров. Отв. ред. В. М. Калинин. – Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2019. – С. 33–40.
19. Отечественные Записки. – СПб.: В тип. В. Плавильщикова, 1822. – Ч. IX. – 432 с.
20. Отечественные записки. – СПб. : Типография А. Смирдина. 1825. – Ч. XXIV. – № 66–68. – 528 с.
21. Петрова М. М. История семьи Ревелиоти (по материалам ЦГААРК) // Греция и славянский миф: сборник научных статей. – Симферополь: Крымский Архив, 2002. – С 165–170.
22. Письма А. Е. Измайлова князю Н. А. Цертелеву / Публ. [вступ. ст. и примеч.] С. Кострова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – М. : Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. – С. 32–42.
23. Святославский А. В. Анциферовские принципы анализа художественной пространственной среды как методическая основа современного литературного краеведения и экскурсоведения // Н.П. Анциферов. Филология прошлого и будущего. По материалам Междунар. науч. конф. Первые Московские Анциферовские чтения Москва, 25-27 сентября 2012 г. – М.: ИМЛИ РАН, 2012. – С. 32–37.

24. Севастопольский синодик. 1854–1856. Книга памяти офицеров Российской армии и флота, погибших, умерших от ран и болезней при обороне города Севастополя и в ходе боевых действий в период с сентября 1854 по 1856 годы. Вып. 1. / Сост.: П. М. Ляшук, А. В. Ефимов. – М., 2004. – 256 с.
25. Сентиментальные путешествия в Тавриду: П. И. Сумароков, И. М. Муравьев-Апостол. / Изд. подг. И. С. Абрамовская, А. А. Охременко; науч. ред. В. А. Кошелев. – Великий Новгород – Симферополь – Н. Новгород: ООО «Растр», 2016. – 507 с.
26. Тархова Н. А. Грибоедовские места. – М.: Минувшее, 2007. – 510 с.

### References

1. State Archive of the Republic of Crimea. F. 49, op. 1, ed. hr. 6384, ll. 8, 13–14.
2. Griboedov A. S. *Polnoe Sobranie Sochinenii: v 3-kh t.* [Complete works in 3 volumes]. Gl. red. S. A. Fomichev. St. Petersburg, 1995-2006. T. 2. Dramaticheskie sochineniya. Stikhotvoreniya. Stat'i. Putevye zametki [Dramatic compositions. Poems. Articles. Travel notes]. St. Petersburg: Notabene" Publ., 1999. 618 p.
3. Demidov An. *Puteshestvie v Yuzhnyu Rossiyu i Krym, cherez Vengriyu, Valakhiyu i Moldaviyu, Sovershennoe v 1837 godu Anatoliem Demidovym, Chlenom Imperatorskoi Sankt-Peterburgskoi Akademii Nauk i Iskusstv, Imperatorskogo S.-Peterburgskogo Universiteta i Akademii Parizhskoi, Myunkhenskoi i Stokgol'mskoi* [A journey to southern Russia and Crimea, through Hungary, Wallachia and Moldavia, made in 1837 by Anatoly Demidov, a member of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences and Arts, the Imperial St. Petersburg University and the Academies of Paris, Munich and Stockholm]. Moscow: V tipografii Aleksandra Semena Publ., 1853. 543 p.
4. Koshelev V. A. *Griboedov v "predlagaemykh obstoyatel'stvakh"* [A. Griboedov in the "proposed circumstances"] / IRLI RAS. - St. Petersburg: «Rostok publishing house», 2020. 336 p.
5. *Krymskii mif v russkoi kul'ture pervoi poloviny XIX v. Svod Maloizvestnykh Svidetel'stv Sovremennikov* [Crimean myth in Russian culture of the first half of the 19th century. A collection of little-known testimonies of contemporaries]. Izd. podgot.: K. V. Borisova,

- A. V. Koshelev, V. A. Koshelev, L. A. Orekhova, D. K. Pervykh, A. S. Sheremet; nauch. red. V. A. Koshelev. Velikiy Novgorod – Simferopol: OOO "Rastr" Publ., 2017. 768 p.
6. Kuzminov P. A., Takhusheva I. S. *Kavkaz v redaktsionnoj politike zhurnala «Otechestvennykh Zapiskakh» (1818-1867 gg.)* [Kavkaz in the editorial policy of the journal «Otechestvennye Zapiski» (1818–1867)]. Scientific thought of the Caucasus. Rostov-on-Don: NCSC HS, 2016. No. 4. pp. 81–87.
  7. Kuzminov P. A., Takhusheva I. S. *P. P. Svin'in i translâciâ istorii narodov Severnogo Kavkaza v «Otechestvennykh Zapiskakh» (1818–1838)* [P. P. Svinin and the translation of the history of the peoples of the North Caucasus in «Otechestvennye Zapiski» (1818–1838)]. Scientific thought of the Caucasus. Rostov-on-Don: NCSC HS, 2018. No. 2. pp. 41–47.
  8. Lyashuk P. M. *Geroi «Sevastopol'skoj strady». Kavaleriy ordenov Sv. Georgiâ za oboronu Sevastopolâ v 1854-1855 gg.* [Heroes of the "Sevastopol Strada". Cavaliers of the Order of St. George for the defense of Sevastopol in 1854–1855]. Biographical directory. Simferopol: Publishing House «Tavria-Plus», 2001. 127 p.
  9. Minchik S. S. *Griboedov i Krym: monografiya* [Griboyedov and Crimea: monograph]. Simferopol: Biznes-Inform Publ., 2011. 275 p.
  10. Montandon Sh. *Putevoditel' Puteshestvennika po Krymu, Ukrashennyyi Kartami, Planami, Vidami i Vin'etami i Predvarenniyi Vvedeniem o Raznykh Sposobakh Pereezda iz Odessy v Krym* [Traveler's guide to Crimea, decorated with maps, plans, views and vignettes and preceded by an introduction about different ways of moving from Odessa to Crimea]. Sh. Montandon; per. s frants. V. V. Orekhova. Kiev: Izdatel'skii dom "Stilos" Publ., 2011. 416 p.
  11. Moskovskaya D.S. *N.P. Antsiferov i khudozhestvennaya mestnografiya russkoj literatury 1920–1930-kh gg.: k istorii vzaimosvyazey russkoj literatury i kraevedeniya* [N. P. Antsiferov and art bestography Russian literature of 1920-1930s: the history of interrelations of Russian literature and local history]. M.: IWL RAS, 2010. 432 p.
  12. Orekhov V. V. *V Labirinte Krymskogo Mifa* [In the maze of the Crimean myth]. Simferopol – N. Novgorod: OOO «Rastr» Publ., 2017. 579 p.

13. Orekhov V. V. *Literaturnoe Krymovedenie i Problema Istoricheskoi Istiny v Obrazovatel'nom Protsesse* [Literary Crimean studies and the problem of historical truth in the educational process]. *Sovremennaya Kartina Mira: Krymskii Kontekst: kollektivnaya monografiya*. Simferopol: IT «ARAIL» Publ., 2017. P. 164–192.
14. Orekhov V. V. *Pervyi putevoditel' po Krymu* [The first guide to Crimea]. *Putevoditel' Puteshestvennika po Krymu, Ukrashennyi Kartami, Planami, Vidami i Vin'etami i Predvarenniy Vvedeniem o Raznykh Sposobakh Pereezda iz Odessy v Krym. Sh. Montandon*; per. s frants. V. V. Orekhova. Kiev: Izdatel'skii dom "Stilos" Publ., 2011. P. 10–39.
15. Orekhova L. A., Orekhov V. V., Pervykh D. K., Orekhov D. V. *Krymskaja Iliada. Krymskaja (Vostochnaja) Vojna 1853–1856 Godov Glazami Sovremennikov: Literatura, Arhivy, Pressa* [Crimean Iliad. Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the Eyes of Contemporaries: Literature, Archives, Press]. Simferopol': SGT Publ., 2010. 480 p.
16. Orekhova L. A. *Ob odnom ehpizode iz literaturnoj zhizni 1823 goda. «Lipetskij potop» i puti razvitiya russkoj literatury* [About one episode from the literary life of 1823]. «Lipetsk flood» and the ways of development of Russian literature, (November 9-12, 2006, Lipetsk): Collection of scientific articles [following the results of the International Scientific Conference]. - Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University., 2006. pp. 67–76.
17. Orekhova L. A. *Chatyrdag kak ob"ekt geograficheskikh i istoricheskikh interesov A. S. Griboedova* [Chatyrdag as an object of geographical and historical interests of A. S. Griboyedov ]. Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. 2020. Volume 6 (72). No. 3. pp. 177–205.
18. Orekhova L. A. *Yanvar' 1945 goda: yubilej A. S. Griboedova v Krymu* [January 1945: the anniversary of A. S. Griboyedov in the Crimea]. XIII Crimean International Mikhailovsky Literary and onomastic readings. Mat-ly conferences. GL. edited by A. V. Petrov. Resp. edited by V. M. Kalinkin. Simferopol: V. I. Vernadsky KFU, 2019, pp. 33–40.
19. *Otechestvennye Zapiski*. St. Petersburg: In type. V. Plavilshikov, 1822. P. IX. pp. 2–4.

20. Otechestvennye Zapiski. St. Petersburg: A. Smirdin's Printing house. 1825. P. 24. No. 66-68. 528 p. pp. 119–131.
21. Petrova M. M. *Istoriya sem'i Revelioti (po materialam TSGAARK)* [The history of the Revelioti family (based on the materials of the CSAARC)]. Greece and the Slavic Myth: a collection of scientific articles. Simferopol: Crimean Archive, 2002. pp. 165–170.
22. *Pis'ma A. E. Izmajlova knyazyu N. A. Tsertelevu* [Letters of A. E. Izmailov to Prince N. A. Tsertelev]. Publ. [introduction and notes] S. Kostrova. Russian Archive: The History of the Fatherland in certificates and documents of the XVIII-XX centuries: Almanac. M.: Studio TRITE: Ros. Archive, 1994, pp. 32–42.
23. Svyatoslavsky A.V. *Antsiferovskie printsipy analiza khudozhestvennoj prostranstvennoj sredy kak metodicheskaya osnova sovremennogo literaturnogo kraevedeniya i ehkskursovedeniya* [Antsifer's principles of analysis of the artistic spatial environment as a methodological basis of modern literary local lore and excursion studies]. N. P. Antsiferov. Philology of the past and future. Based on the materials of the International Scientific Conference. the first moscow ancifer readings Moscow, September 25–27, 2012, Moscow: IWL RAS, 2012. pp. 32–37.
24. *Sevastopol'skij sinodik. 1854-1856. Kniga pamyati ofitserov Rossijskoj armii i flota, pogibshikh, umershikh ot ran i boleznej pri oborone goroda Sevastopolya i v khode boevykh dejstvij v period s sentyabrya 1854 po 1856 gody. Vyp. 1.* [Sevastopol Synodic. 1854-1856. The book of memory of officers of the Russian Army and Navy, who died of wounds and diseases during the defense of the city of Sevastopol and during the fighting in the period from September 1854 to 1856. Issue 1.]. Comp.: P. M. Lyashuk, A.V. Efimov. M., 2004. 256 p.
25. *Sentimental'nye puteshestviya v Tavridu: P. I. Sumarokov, I. M. Murav'ev-Apostol* [Sentimental journeys to Taurida: P. I. Sumarokov, I. M. Muravyov-Apostol]. Ed. By I. S. Abramovskaya, A. A. Okhremenko; scientific ed. by V. A. Koshelev. Veliky Novgorod-Simferopol – N. Novgorod: LLC «Rastr», 2016. 507 p.
26. Tarkhova N. A. *Griboedovskie mesta* [Griboyedov's places]. Moscow: Past, 2007. 510 p.

**P. P. SVINYIN'S LETTER TO «OTECHESTVENNYE ZAPISKI» AS A**

**MATERIAL FOR A COMMENT ON "TRAVEL NOTES" BY**

**A. S. GRIBOYEDOV**

*Orekhova L. A., Pervykh D. K.*

The letter of the publisher of «Otechestvennye zapiski» to the editor B. M. Fedorov «Dating and meetings on the Southern bank of Tavrida» informed readers about the Crimean journey of P. P. Svinyin in the summer of 1825 and was immediately published in the magazine. The genre of «private» letters to the editor became more and more established as the most operational, suggesting a wide thematic and stylistic range of «correspondent» publications. P. P. Svinyin vividly spoke about the achievements in the development of the Crimea, about «wonderful meetings» with outstanding people, including A. S. Griboyedov, who traveled to the Crimea at the same time, as well as with the commander of the Balaklava Greek infantry battalion F. D. Revelioti, the hero of the second Archipelago expedition. Today, the description of these meetings becomes an important evidence of the era and a necessary material for commenting on the Crimean «Travel Notes» of A. S. Griboyedov, a fragment of which about the stay of the playwright in Balaklava on July 1 – 2, 1825 becomes the subject of analysis in the article. The local-historical N. P. Antsiferov's method in the text analysis allows to represent the process of formation of the author's «image location» (Balaklava, settlements of the South-Western coast of Crimea) depending on an author's understanding of the deep historical, geographical, ethno-cultural processes, event experiences, psychological perception of parts of reality. For all its brevity, Griboyedov's Balaklava notes are imbued with the author's emotional attachment to the historical question of the Crimean Greeks, the joy of restoring Greek ethnoculture in the Crimea. The article presents for the first time the documents of the State Archive of the Republic of Crimea about the military fate of the «Head of the Balaklava» F. D. Revelioti.

**Keywords:** «Otechestvennye zapiski», genre «letter to the editor», P. P. Svinyin, A. S. Griboyedov, F. D. Revelioti, «the image of Balaklava».

УДК 070.11:94(477.75)

## ВОЕННЫЙ ЛУБОК КАК ЖАНР ЖУРНАЛИСТИКИ

*Первых Д. К.*

Таврическая академия (структурное подразделение)  
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,  
Симферополь, Россия  
E-mail: dianavasileva@yandex.ru

Популярность лубка в простонародной среде обусловлена не только яркостью гиперболизированных изображений, но и нехитрой тематикой, «простодушными» сюжетами, что обеспечивало этому искусству доступность, «развлекательность» и, несомненно, коммуникативный потенциал: картинки (как правило, с подписанными «пояснениями», подчас рифмованными, легко запоминающимися) вызвали активную реакцию, обсуждались, пересказывались, «обрастали» новыми «сюжетами», аналогиями, становились своеобразным средством информации в ситуации, когда газеты и журналы для неграмотного населения России были недоступны. В годы Крымской войны интерес к военному лубку сохранялся не только у простонародья, но и среди всего населения России. Выход лубочных картинок и даже альбомов с лубочными иллюстрациями регулярно анонсировался в периодике. В статье представлены материалы журнала «Современник» Н. А. Некрасова и И. И. Панаева, отражающие оценки лубочных изданий периода Крымской войны, что позволяет судить о востребованности этого творчества и масштабах издательских инициатив. Постепенно складывающиеся в середине XIX в. критерии эстетических и документально-исторических требований к «военному» лубку как к актуальному и оперативному коммуникативному жанру продиктованы устойчивостью традиций жанра, возрастающими уровнями его исторической информативности, идеологической значимости, убедительности, что доказывается и проверенным издательским опытом в периоды Отечественной войны 1812 г. и Крымской (Восточной) войны, и новым этапом популярности военного лубка в годы Первой мировой и Великой Отечественной войн.

**Ключевые слова:** военный лубок, жанры журналистики, журнал «Современник», Синопское сражение, В. И. Даль.

### ВВЕДЕНИЕ

Традиционно лубок принято относить к жанру изобразительного искусства. В XIX в. в России наблюдалось массовое появление лубочных картинок, а также книг, составивших в этом смысле определенный «издательский репертуар» [2]. Лубок – это раскрашенный вручную бумажный оттиск с рисунка, гравированного на деревянной или металлической доске. Считается, что в России народные картинки произошли от бумажных иконок, которые продавались на ярмарках за небольшие деньги. Со временем «светские сюжеты» практически вытеснили религиозные; простенькие потешные рисунки полюбились населению, раскупались большими тиражами, ими с удовольствием украшали дома: лубочные картинки отличались незатейливым

юмористическим сюжетом, гармонично вписывались в атрибутику непрехотливого крестьянского быта. Популярность этого явления «массовой» культуры обусловлена не только яркостью изображений, но и нехитрой тематикой, «простодушными» сюжетами, что обеспечивало ей доступность, «развлекательность» и, несомненно, коммуникативный потенциал. В простонародной среде картинки обсуждались, пересказывались, «обрастали» новыми «сюжетами», аналогиями (в соответствии с житейским опытом), становились своеобразным средством информации. Поэтому во время Отечественной войны 1812 г. и особенно во время Крымской войны (1853–1855 гг.) лубок стал выполнять важную идеологическую функцию. **Цель** статьи – выявить информационную и идеологическую (религиозную, эстетическую, иллюстративную и др.) функции военного лубка, его потенциал в выстраивании коммуникативных связей, присущих журналистике.

#### **ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ**

Военный лубок, как правило, имел единый пафос: изображаемые на картинке противники всегда выглядели глуповатыми неудачниками, русские – героями, а бой, положенный в основу сюжета и задававший тон русскому военному лубку в целом, непременно заканчивался победой русских. Картинки были снабжены надписью или небольшим шуточным рассказом (даже стихотворением). Газеты и журналы для неграмотного населения России были недоступны, а изображение понимал каждый. Поэтому очень скоро издание лубочных картинок было поставлено на массовое производство. К созданию лубка в годы Отечественной войны 1812 г. [1] привлекались известные художники А. Г. Венецианов, И. А. Иванов, И. И. Тербенёв, С. П. Шифляр и другие. Уже тогда лубок делился на портретный и событийный. Портретный лубок изображал известных русских полководцев, простых воинов, особо отличившихся в боях, событийный – мгновенно откликался на те или иные военные события и, как правило, в сатирическом духе изображал противника [5]. Но лубочные картинки были призваны не «развлечь» население, а рассказать о подвигах русских воинов, настроить на победу и развенчать страх по отношению к врагу. Такие картинки не только шли на продажу, но, как пишет

М. Е. Захарова, вывешивались на всеобщее обозрение в людных местах, преимущественно на оградах церквей, на рынках и ярмарках [3]. В нашей статье мы остановимся на изучении военного лубка периода Крымской войны, но не как явления массовой культуры, а как явления массовой информации, как жанра не искусства, а журналистики.

Интерес к военному лубку сохранялся не только у простонародья, но и среди всего населения России. Выход лубочных картинок и даже альбомов с лубочными иллюстрациями регулярно анонсировался в периодике. Так, в 1854 г. в тяжелейшие месяцы Крымской войны популярный журнал «Современник» Н. А. Некрасова и И. И. Панаева [7] в рубрике «Внутренние известия» приводит детальное описание гравюр неизвестного автора, выполненных в формате большого листа с распространенным в лубочном искусстве заголовком – «Рак». Каждый лист имел свое название: «Рекрутский набор», «Сны султана», «Синопское сражение». Под каждым рисунком была «довольно пространная» подпись «сказочным тоном в духе народного русского остроумия». Стоили такие картинки 15 коп. серебром. Журналист не берется комментировать художественные достоинства или недостатки гравюр, но высказывает опасение, что эти картинки обойдут даже самые отдаленные уголки России и разнесут «кое-какие» искаженные исторические сведения. Безусловно, судить по лубочной картинке о достоверности изображаемых событий не приходилось, однако следует учитывать, что и задача лубка лишь частично состояла в документировании исторических фактов. Для убедительности редакция «Современника» без сокращений приводит текст рисунка «Синопское сражение», произошедшее под командованием П. С. Нахимова 18 (30) ноября 1853 и закончившееся блестящей победой русских: «Как в Азии было не в Европе, при городе при Синопе, что стоит на Черном море, отведали турки лютого горя, и доселе не образумятся мусульмане, все ходят, словно в тумане. Дело было этак далеко за ночь, как наш родной Павел Степаныч вздумал по морю поплавать, паруса у корабликов порасправить и посмотреть хозяину не мешает: все ли на море в порядке пребывает, не мутят ли его воды вражьи корабли и пароходы. Вот видит он вдали в тумане, что по морю гуляют мусульмане, в облаках играют их ветрила, а их –

несметная сила! <...> Добро пожаловать, непростенные гости, быть вам сегодня на погосте...». Далее автор лубка описывает сам бой: «Турецкие канониры палят в пушки и мортиры, только из дыма все палили мимо, море волнуется – турки беснуются. Наши все крепились да молчали, да вдруг разом отвечали. Как грохнули с корабля Константина – погибла турок половина, а как начали палить остальные – стали турки словно шальные. Со страху взмолились Аллаху, звали Магомеда с того света, а Магомед их самих зовет на тот свет. <...> Важно гостей угощали, много кораблей у них взорвали! Одни полетели на воздух за птицами, другие – на дно морское за рыбами, а люди разбежались во дремучий лес зверье ловить, и от всего турецкого флота остались сито да решетка, а сам их Адмирал Осман-Паша сидит, едва дыша; наши же его приютили, да с собой захватили, Турок отщелкали, отхлопали и пошли домой к Севастополю». Рисунок, по мнению критиков, соответствует надписи, потому что турки представлены зрителю «летающими и висющими вниз головой» [14, т. 46, с. 85–86]. Как можно понять по описанию, текст и изображение «простоваты», но лубок и не был рассчитан на высокообразованную публику. Во время войны он стал своеобразным проводником политических идей и ценностей, которые с помощью искусства доносились адресату. И хотя в большинстве случаев лубочные картинки были незатейливыми в исполнении и сегодня к ним применялся бы термин «кич», но все это художественное несовершенство компенсировалось выразительностью изображения и – главное – идеей.

К тому же, художественные «пробелы» лубка, как утверждали современники, не влияли на популярность народных картинок. «Подобные народные картины, – справедливо заметил действительный член Императорского Одесского Общества Истории и Древностей Д. И. Ленц, – появляются обыкновенно в такое время, когда народ во всех своих слоях глубоко заинтересован событиями, затрагивающими самые глубокие его чувства». Описывая пятую иллюстрацию «Райка» – «Бомбардирование Одессы (16 апреля 1854 года)» (которая, к слову, не привлекла внимание «Современника» – Д. П.), Д. И. Ленц приходит к выводу, что народные картинки являются «истинною школою для народа, возвышая его душу от сердечного понимания высоты подвига – до стремления подражать ему, укрепляя в нем любовь

к родине и к ее выдающимся деятелям» [4, с. 2]. В этой фразе точно обозначена цель, с которой выпускались такие картинки: тронуть сердца людей, поддержать в трагической ситуации войны, настроить на победу.

Думается, создатели лубка и заказчики-издатели не задумывались над тем, чтобы оставить лубочные картинки в истории искусств, военный лубок был нужен именно в драматичный момент, когда русские терпели поражения, когда армия несла огромные потери, когда боевой дух солдат и населения необходимо было всеми способами поддерживать. Между тем, следует признать, что рисунок, о котором говорит Д. Л. Ленц (изображение приморской части Одессы, легендарной батареи Александра Щеголева) выполнен «довольно верно» и «ничем не грешит действительности». Лишь герои, которые даже одеты «исторически верно», напоминают «игрушечных солдатиков», так как в них «нет движения» [4, с. 3]. Замечание справедливое, однако, схожесть с неправдоподобным («игрушечные солдатик»), сказочным началом не противоречит жанру «лубка» и встречается практически в каждой народной картинке, поэтому нередко лубок из-за его жанровой специфичности называют «наивом». В то же время, как можно заметить, «наивность» картинок разрушают сопроводительные тексты, которые, хоть и написаны в жанре «былин», сказаний, в большинстве своем основаны на реальных исторических фактах с учетом хронологии событий, а их персонажи – реальные люди.

Так, текст к картине «Бомбардирование Одессы», подмечает Д. И. Ленц, изложен в стихотворной форме, «народным тоническим размером», при котором берется в основу стиха «не количество слогов и грамматических ударений, а ударения логические – на целых словах и предложениях» [4, с. 4]. Нетрудно понять, что составитель райка знал народный эпос, ориентировался в политической ситуации, умел расставить нужные смысловые акценты. Судя по тексту, которым снабжена лубочная картина «Бомбардирование Одессы», можно предположить, что автор – очевидец бомбардировки, и «былина составлена под живым впечатлением», «по свежим следам»: «Как по морю по Черному / Приплыли прилетели / Чуть не тридцать корабликов / Ко Одессе городу славному, / Ко его торговой пристани, / Где стояли суда купецкие, / Нагружены всякими товарами. / Хорошо кораблики украшены, /

А два корабля получше всех <...>». Д. И. Ленц удовлетворенно подмечает, что рассказчик то ускоряет, то замедляет темп речи, «сообразно с самим ходом действия» [4, с. 5]. Другое дело, что исполнители картин (резчики, художники) допускали грамматические ошибки, но и это невольно добавляло картине простоту «народности». Несмотря на все художественные огрехи, лубок учил зрителя смотреть и думать, переживать и сопереживать, верить в победу и не сдаваться.

Авторство лубка в большинстве случаев установить трудно. Известен исторический эпизод, подтверждающий, что к созданию лубочных картинок привлекались историки, писатели и публицисты. Так, в январе 1855 г., в разгар Крымской войны, русский писатель, этнограф и лексикограф, автор «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даль получил от Великого Князя Константина Николаевича письмо с предложением издавать лубочные картинки, «изображающие боевые подвиги русских моряков на Дунае, Кавказе, в Крыму и на Камчатке» [8]. Лубок на тему Крымской войны, по замыслу Князя, вызовет в народе сочувствие к воинам и сделает известными их имена и подвиги: «Я желал бы, чтобы имена Нахимова, Корнилова, Завойки и других сделались у нас народными, чтобы их повторяли в избах крестьян так же, как и в жилищах нашего дворянства». Оговаривались в письме и условия выпуска: «Издать в огромном числе экземпляров и разослать по всей России для продажи по самой ничтожной цене, дабы сделать доступными каждому крестьянину» [12, с. 37–38]. Идея предложить издание именно Далю пришла Великому Князю не случайно. Накануне он получил в подарок от В. И. Даля собрание лубочных картинок, выполненных на сюжеты Отечественной войны 1812 г. В России Даль был признан автором, глубоко постигшим народную психологию [6] «По совершенному знанию народного языка, юмора и вообще нрава русского человека, никто лучше вас не исполнит подобного предприятия», – пишет В. И. Далю в кн. Константин Николаевич 13 января 1855 г. [12, с. 38].

Однако В. И. Даль, находясь в Нижнем Новгороде, не решается браться за издание лубка, ссылаясь на «хилость» и объективные трудности: отсутствие в городе подходящих художников. Причины В. И. Даль подробно излагает в письме А. В. Головнину (от 22 января 1855 г.), занимавшему в 1855 г. пост правителя

канцелярии генерал-адмирала Е. И. В. Великого Князя Константина Николаевича: «Составитель и издатель должен жить в Москве, где найдет все необходимые пособия для рисовальщиков и самую дешевую печать и бумагу. Я не рисую, а здесь годного для этого человека нет» [12, с. 38]. Вместо себя В. И. Даль рекомендует князя В. В. Львова (бывшего цензора, издателя народных сказок) и обещает убедить в сотрудничестве своего сына Льва, будущего зодчего, студента Академии художеств. Все же в феврале В. И. Даль вышлет на прочтение Великому Князю рассказ «нижегородского райка» о победе русских войск в Синопском сражении.

Картину «в народном вкусе» на присланный Далем текст А. В. Головнин поручает историку, публицисту, сотруднику журнала «Москвитянин» С. П. Шевыреву, который в то время служил в Московском художественном училище живописи и ваяния. С. П. Шевырев охотно соглашается найти художников, но вскоре напишет Головнину (19 февраля 1855 г.), что мастера не могут приступить к работе: им требуются эскизы одежды и амуниции моряков и полков, защищающих Севастополь. На что А. В. Головнин незамедлительно ответит (письмо от 23 февраля 1855 г.): «Е<го> В<ысочество>, желая, чтобы подвиги моряков наших были изображены для народа в так называемых лубочных картинах, полагает, что для этого не нужно точности в изображении мундиров, тем более что в Севастополе от главнокомандующего и Великих Князей до рядового – все ходят в солдатских шинелях. Мундиров и вообще другого одеяния там нет» [12, с. 41]. Резонные доводы «мастеров», как видим, в расчет не взяты, между тем в письме А. В. Головнина нелогично «соединены» два разных исторических действия (битва при Синопе и защита Севастополя), требующих, соответственно, различного художественного атрибутирования. Не этой ли поспешности и нелогичности опасался В. И. Даль, осторожно отказавшись от предложения Великого Князя Константина Николаевича издавать военный лубок?

Вскоре, однако, эскизы были готовы, но крайне возмутили Великого Князя: «Рисунки совершенно неудовлетворительны, и их публиковать невозможно. Я совсем не этого ожидал, а более в лубочном юмористичном роде» [12, с. 42]. Одобрения Константина Николаевича заслужила лишь одна картина – «Воевода

Пальмерстон». Как видим, ключевым требованием к созданию народных картинок был юмор, не документальная фиксация в изображении событий, а настроение.

Можно предположить, что именно это юмористическое изображение английского премьер-министра Генри Пальмерстона стало впоследствии одной из самых известных лубочных картинок периода Крымской войны [9]. «Воеводу Пальмерстона» многократно переиздавали, дополняя стихами «На нынешнюю войну» малоизвестного поэта В. П. Алферьева. Приведем несколько строк: «Вот, в воинственном азарте, / Воевода Пальмерстон / Поражает Русь на карте / Указательным перстом <...>» [10, с. 284]. Следует сказать, что фраза прочно вошла в обиход как современных историков, так и журналистов-документалистов, которые любят использовать в своих журналистских работах это четверостишие. На этом история участия В. И. Даля в создании лубочных картин прерывается. Известно, что Даль собирал народные картинки, его коллекция была передана на хранение в Императорскую публичную библиотеку и вошла в издание «Русские народные картинки» Д. А. Ровинского [11].

Что конкретно не понравилось Великому Князю в рисунках мастеров художественного училища, из писем непонятно. Однако ситуация показывает, что к незамысловатым, на первый взгляд, наивным лубочным картинкам предъявлялись определенные требования. Несмотря на злободневность, далеко не каждая лубочная картинка выглядела удачной и находила одобрение. Объективными на этот счет выглядят критические замечания в прессе. Так, требования к лубку одного из самых популярных журналов в России журнала «Современник», просты: юмор, остроумие и никакого «шапкозакидательства». В журнальном обзоре карикатур Н. А. Степанова находим ремарку: «Герои, обещавшие в 24 часа взять Кронштадт, и в три дня – Севастополь, представляют для карикатуристов поле обширное... Тут есть где разгуляться юмору, надобно только владеть им!» [14, т. 50, с. 292]. Эта фраза лишь подтверждает мысль о том, что юмор и сатира признавались главными чертами военного лубка.

В годы Крымской войны лубочные картинки выходили объемными тиражами, притом нередко одно и то же изображение печаталось разными типографиями.

Например, рисунок о переправе русских войск через Дунай 11 марта 1854 г. был одновременно выпущен типографиями Шамина, Арапина, Васильева, Лиле, Хитрово, Руднева и Белянкина [13, с. 5–6]. Народные картины не подразумевали авторства, а потому в большинстве случаев имена их создателей оставались неизвестными. Сведения об авторах лубка можно встретить на страницах печатной периодики того времени. В «Современнике» сохранились отзывы на авторские карикатуры Н. А. Степанова, Я. Лаппинга, П. М. Боклевского и В. Ф. Тима, а высказанные журналистами критические замечания помогают определить, какие именно требования предъявлялись к лубочному искусству.

Тема войны объединяла лубочные картинки, в то же время они были совершенно разные по сюжету, технике, стилю, манере и даже качеству исполнения. На картинках (размером 33 x 42 см, 35,3 x 44 см, 42,4 x 58,5 см.) под изображением справа или слева стояла подпись цензора «Печать допускается». В цензурный комитет тогда входили: журналист, публицист Н. Ф. фон Крузе, историк и этнограф И. М. Снегирев, «сторонний цензор» Московского цензурного комитета В. П. Флеров, переводчик И. И. Безсамыкин, чиновник Министерства народного просвещения М. Н. Похвиснев, цензор Д. С. Ржевский и др. [13].

#### **ВЫВОДЫ**

В годы Крымской войны военный лубок воспринимался журналистикой как актуальный и действенный жанр, способный, наряду с публицистикой, стать своеобразным и доступным для народа «информационным сопровождением» военно-политических событий. Не требовавшие высокой художественной техники и дорогостоящих материалов лубочные картинки можно было издавать в сжатые сроки. Вместе с тем приведенные материалы журнала «Современник» убеждают, что, при всем понимании роли лубочного искусства как «оперативного» жанра для народа, редакция журнала осторожно высказывается за необходимость следовать в лубке исторической достоверности и использовать принципы визуализации истории, формирующие массовое сознание, добросовестно и качественно. Представляется, что такие же требования предъявлял к военному лубку как важному

коммуникативному жанру и В. И. Даль, не решившийся на создание собственного лубочного альбома даже по просьбе в. кн. Константина Николаевича. Лубочная визуализация военных событий, выполнившая функцию коммуникации со зрителем, легла в основу не только военного лубка, карикатуры, «летучих листков» периода Отечественной войны 1812 г., Крымской войны, но и положила начало созданию агитационных плакатов, ставших в годы Первой мировой войны и Великой Отечественной войны мощным информационным оружием. В то же время военный лубок, как видим, имел разные «боевые задачи». Одни лубочные листы настраивали на победу, высмеивая противника, другие фиксировали в истории знаковые исторические события, оставляли в памяти реальные исторические лица, бытовые сцены военной жизни, фрагменты сражений и боевых подвигов. Можно утверждать, что военный лубок соединил в себе черты как изобразительного искусства, так и журналистики, установив надежную и оперативную коммуникативную связь со зрителем (читателем). Информационно-воспитательное назначение военного лубка преобладало над историческим. Если анализировать военный лубок как жанр журналистики, то необходимо выделять в нем признаки и первой военной документалистики, и фольклора, и репортажа, зарисовки, карикатуры, комикса, шаржа и анекдота. Черты разных жанров, объединенные авторами в военном лубке, создавали неповторимое своеобразие военной и политической иллюстрации.

#### **Список литературы**

1. Война 1812 года и концепт «отечество». Из истории осмысления государственной и национальной идентичности в России: исследования и материалы [Текст] / науч. ред. М. В. Строганов. – Тверь : СФК-Офис, 2012. – 688 с.
2. Гордеева, Е. Ю. История книжного дела: Практикум [Текст] / Е. Ю. Гордеева. – Нижний Новгород : Нижегородский госуниверситет, 2016. – 21 с.
3. Захарова, М. Е. Лубок как явление российской массовой культуры XIX века [Текст] / М. Е. Захарова // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. – № 27. – С. 634–637.

4. Ленц, Д. И. Бомбардирование Одессы (16 апреля 1854 года) [Текст] / Д. И. Ленц // Записки Императорского Одесского общества Истории и Древностей. Одесса, 1906. – С. 1–108.
5. Орехов, В. В. Французская армия у стен Севастополя : 1854–1855 гг. [Текст] / В. В. Орехов. – Симферополь: «Таврия-Плюс», 2003. – 280 с.
6. Орехова, Л. А. Этюды народного миропонимания в языковой картине мира В. И. Даля [Текст] / Л. А. Орехова // Далевские чтения-2014. Материалы Международной научной конференции, посвященной 213-й годовщине со дня рождения Казака Луганского (22 ноября 2014 г.), Луганск, 2014. – С. 180–186.
7. Орехова, Л. А., Орехов, В. В., Первых, Д. К., Орехов, Д. В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников : литература, архивы, пресса [Текст] / Л. А. Орехова, В. В. Орехов, Д. К. Первых, Д. В. Орехов. – Симферополь : СГТ, 2010. – 480 с.
8. Первых, Д. К. Публикации журнала «Современник» как комментарий к позиции В. И. Даля [Текст] / Д. К. Первых // Далевские чтения-2014. Материалы Международной научной конференции, посвященной 213-й годовщине со дня рождения Казака Луганского (22 ноября 2014 г.). – Луганск, 2014. – С. 137–148.
9. Первых, Д. К., Первых, В. В. Политическая карикатура и лубок периода Крымской войны (на материале журнала «Современник» 1854–1856 гг.) [Текст] / Д. К. Первых, В. В. Первых // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – Симферополь, 2015. – Т. 1. – № 4. – С. 73–79.
10. Петрунина, Ж. В., Шунейко, А. А. «Воевода Пальмерстон»: образ английского политика в России XIX в. [Текст] / Ж. В. Петрунина, А. А. Шунейко // Диалог со временем. 2011. – Вып. 37. – С. 283–290.
11. Ровинский, Д. А. Русские народные картинки. Посмертный труд напечатан под наблюдением Н. Собко в 9-ти т. [Текст] / Д. А. Ровинский. – СПб., 1900. – Т. 5. – 231 с.
12. Русская старина [Текст]. – СПб., 1889. – Т. 62. – № 4. – С. 35–42.

13. Русский батальный лубок середины XIX века. Крымская война 1853–1855 годов [Текст] / Составление, подготовка текста, комментарии и указатели Я. В. Зверевой, Г. В. Маркелова. – СПб., 2010. – 176 с.
14. Современник. Литературно-политический журнал, издаваемый с 1847 г. И. Панаевым и Н. Некрасовым [Текст]. – СПб., 1854–1856. – Т. 46, 47, 50, 52, 59.

#### References

1. *Voina 1812 Goda i Kontsept Otechestvo. Iz Istorii Osmysleniya Gosudarstvennoi i Natsionalnoi Identichnosti v Rossii: Issledovaniya i Materialy* [The War of 1812 and the Concept of Fatherland. From the History of Understanding State and National Identity in Russia: Research and Materials] / Ed. by M. V. Stroganov. Tver: SFK-Office Publ., 2012. 688 p.
2. Gordeeva E. Yu. *Istoriya Kniznogo Dela: Practicum* [History of Publishing Industry. Practice]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University Publ., 2016. 21 p.
3. Zakharova M. E. *Lubok kak Yavleniye Rossiiskoi Massovoi Kultury XIX Veka* [Lubok as a Phenomenon of Russian Mass Culture of the 19<sup>th</sup> century]. *V. G. Belinskii PSPU Izvestiya*, 2012, no 27, pp. 634–637.
4. Lents D. I. *Bombardirovanie Odessy (16 Aprelya 1854 Goda)* [Bombardment of Odessa (April 16, 1854)]. *Zapiski Imperatorskogo Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*, Odessa, 1906, pp. 1–108.
5. Orekhov V. V. *Frantsuzskaya Armiya u Sten Sevastopolya: 1854–1855 Gg.* [The French Army at the Walls of Sevastopol in 1854–1855]. Simferopol: Tavriya-Plyus Publ., 2003. 280 p.
6. Orekhova L. A. *Jetyudy Narodnogo Miroponimaniya v Yazykovoii Kartine Mira V. I. Dal'* [Etudes of Folk Worldview in the Language Picture of the World by V. I. Dal']. *Dalevskie Chteniya-2014. Materialy Mezhdunarodnoi Nauchnoi Konferentsii, Posvyashhennoi 213-i Godovshhine so Dnya Rozhdeniya Kazaka Luganskogo (22 Noyabrya 2014 G.)*, Lugansk, 2014, pp. 180–186.
7. Orekhova L. A., Orekhov V. V., Pervykh D. K., Orekhov D. V. *Krymskaya Iliada. Krymskaya (Vostochnaya) Voina 1853–1856 Godov Glazami Sovremennikov:*

- Literatura, Arkhivy, Pressa* [Crimean Iliad. Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the Eyes of Contemporaries. Literature, Archives, Press]. Simferopol: SGT Publ., 2010. 480 p.
8. Pervykh D. K. *Publikatsii Zhurnala Sovremennik kak Kommentarii k Pozitsii V. I. Dalya* [Publications of the Magazine *Sovremennik* as a Commentaries on the Position of V. I. Dal']. *Dalevskie Chteniya-2014. Materialy Mezhdunarodnoi Nauchnoi Konferentsii, Posvyashhennoi 213-i Godovshhine so Dnya Rozhdeniya Kazaka Luganskogo* (22 Noyabrya 2014 G.), Lugansk, 2014, pp. 137–148.
  9. Pervykh D. K., Pervykh V. V. *Politicheskaya Karikatura i Lubok Perioda Krymskoi Vojny (Na Materiale Zhurnala Sovremennik 1854–1856 Gg.)* [Political Caricature and Lubok of the Crimean War Period (Based On the Material of The Magazine *Sovremennik* (1854-1856))]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federalnogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki*, Simferopol, 2015, Vol. 1, no 4, pp. 73–79.
  10. Petrunina Zh. V., Shuneyko A. A. *Voevoda Palmerston: Obraz Angliiskogo Politika v Rossii XIX V.* [Voevoda Palmerston. The Image of an English Politician in Russia in the 19<sup>th</sup> Century]. *Dialog so Vremenem*, 2011, iss. 37, pp. 283–290.
  11. Rovinsky D. A. *Russkie Narodnye Kartinki. Posmertnyi Trud Napechatan pod Nablyudeniem N. Sobko* [Russian Folk Pictures. The Posthumous Work Was Published under the Supervision of N. Sobko]: in 9 Vols. SPb., 1900. Vol. 5. 231 p.
  12. *Russkaya Starina* [Russian Antiquity], St. Petersburg, 1889, Vol. 62, no. 4, pp. 35–42.
  13. *Russkii Batlnyi Lubok Srediny XIX Veka. Krymskaya Voina 1853–1855 Godov* [Russian Battle Lubok in the Middle of the 19<sup>th</sup> Century. 1853–1855 Crimean War]. Com., prep., comm. by Ya. V. Zvereva, G. V. Markelova. SPb., 2010. 176 p.
  14. *Sovremennik. Literaturno-Politicheskii Zhurnal, Izdavaemyi s 1847 G. I. Panaevym i N. Nekrasovym* [Sovremennik. Literary and Political Magazine Published Since 1847 by I. Panaev and N. Nekrasov]. SPb., 1854-1856. Vol. 46, 47, 50, 52, 59.

---

**MILITARY LUBOL AS A GENRE OF JOURNALISM**

*Pervykh D. K.*

The popularity of lubok among common folks is caused not only by the brightness of hyperbolized images, but also by simple themes and subjects, which ensured it availability, entertainment and, of course, the communicative potential. Moreover, images (usually signed as explanations, often rhymed, easy to remember) cause a strong reaction. Being discussed and retold, these overgrown new storylines and their analogies became a kind of medium in a situation, when newspapers and magazines for the illiterate people of Russia were not available. During the Crimean war interest in military lubok remained not only among common folks, but also among the entire population of Russia. The release of lubok images and even albums with illustrations was regularly announced in periodicals. The article presents materials of the magazine *Sovremennik* by N. A. Nekrasov and I. I. Panaev, reflecting the assessment of popular publications of the Crimean war period, which allows us to judge the demand for this work and the scale of publishing initiatives. Gradually formed in the middle of the 19<sup>th</sup> century, the criteria for aesthetic and documentary-historical requirements for military lubok as an actual and operational communicative genre are dictated by the stability of the genre's traditions, increasing levels of its historical informativity, ideological significance and credibility. It is proved by the publishing experience during the Patriotic war of 1812 and the Crimean (Eastern) war, and a new stage in the popularity of military lubok during the First World War and the Geat Patriotic War.

**Keywords:** military lubok, genres of journalism, magazine *Sovremennik*, Battle of Sinop, V. I. Dal.

УДК 82(091)

## ФЕНОМЕН ДЕТСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

И. С. ШМЕЛЕВА 1910–1914 ГГ.

*Шестакова Е. Ю.*

Центральная библиотека имени Н. В. Гоголя  
Северодвинск, Россия  
E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru

Статья посвящена исследованию феномена детства в произведениях русского писателя первой половины XX века И. С. Шмелева, относящихся к 1910–1914 гг. Актуальность научной статьи обусловлена возросшим интересом в современном литературоведении к изучению творчества писателя. Объект исследования – рассказы «Однажды ночью» (1910), «Одной дорогой» (1912), «Солдат Кузьма» (1914), повесть «Росстани» (1913), драматическая сказка «Догоним солнце» (1914). Предмет исследования – авторское понимание уникальности природы детства, раскрытие особенностей детского мировидения и мирозерцания.

В результате проведенного анализа выявлено, что преимущественно в исследуемых текстах представлены образы взрослых и детей из народа, показано, какие художественные приемы используются автором для передачи специфики детского мировосприятия. В ценностном смысле детство в исследуемых произведениях является важным периодом формирования духовно-нравственных, мировоззренческих взглядов человека. Природоописания, образы животных, птиц и растительного мира становятся ключевой концептуальной доминантой анализируемых текстов. Понимание и описание феномена детства в произведениях И. С. Шмелева отмечено преемственностью с литературными текстами XIX века.

**Ключевые слова:** И. С. Шмелев, феномен детства, произведения 1910–1914 гг., рассказ, повесть, пьеса, образ ребенка, детские образы.

### ВВЕДЕНИЕ

Творческий путь русского писателя первой половины XX века Ивана Сергеевича Шмелева (1873–1950) ознаменован пристальным интересом к теме детства, заявившем о себе уже в ранних произведениях. Писатель начинал публиковаться в журналах «Детское чтение» и «Русская мысль». Феномен детства, своеобразие детского мировидения и мировосприятия, становится главным предметом художественного изображения в рассказах «Однажды ночью» (1910), «Одной дорогой» (1912), «Солдат Кузьма» (1914), повести или, по определению И. А. Ильина, «большой бытовой поэме» [3, с. 10] «Росстани» (1913), драматической сказке «Догоним солнце» (1914).

### ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Воспоминания о детстве главного героя повести «Росстани» играют важную роль в идейно-художественном замысле произведения. Текст наиболее ярко демонстрирует понимание феномена детства И. С. Шмелевым, его ценностно-смыслового значения. Центральный герой, старый подрядчик Данила Степанович Лаврухин, предчувствуя скорую кончину, возвращается из Москвы в родную деревню Ключевую, где прошли его детские годы. Как отмечал И. А. Ильин, все образы «Росстаней» «вздыхают вздохами отпевания и разлуки» [3, с. 7]. Образ Ключевой, связанный с темой детства, обретает идиллическую тональность, получающую развитие в мотиве тишины, образе летнего дня («И тихо было – ни ветров, ни гомона», «И так было тихо, что, если выйти летним погожим утром и сесть на завалинке, ясно услышишь, как играют бегущие из-под берега ключики»), мотиве изобилия («Потому, должно быть, и птиц было много всяких. Даже нелюдимые зимородки многими парами водились по речке, потрескивали по плетням и сараям сороки, и в редком дворе не торчали в березах скворешни... А соловьев было там, по речке!...», «Понесут его березничком, полным орешника...»), образе золотого цвета («И уже видел Данила Степанович, как верха Медвежьего врага золотятся») [13, с. 234–245]. Мотив святости места, связанного с детством («А тут и монастырь» [13, с. 235]), определяет восприятие детских лет Данилой Степановичем временем душевной чистоты, света и радости. Стиль рассказа, «примирено созерцающий» [3, с. 10], передает состояние внутреннего успокоения героя, оказавшегося на своей «малой» родине.

Лаврухин, вернувшись к истокам, мечтает исправить течение своей жизни, повернуть его на «настоящую дорогу» и пойти «верно и покойно» [13, с. 238] дальше. Цель накопления богатства, которой он руководствовался до сих пор, стала казаться ложной, ненастоящей, пустой. Для героя обнажается «постепенно осознаваемое расхождение между положением богатого и удачливого дельца и внутренним миром, истинной сутью» [5, с. 17]. Воспоминания о детских драках с Сенькой Морозом и «Данилке», «ревевшем о горошине», помогает на мгновение забыть «все черное и

тяжелое» [13, с. 241], что было в жизни. Постаревшему Сеньке, встретившему друга детства, годы, проведенные «на водокачках и у банных котлов», «смертный страх», испытанный на реке и в метельную стужу, то, как «отмяло ему колесом три пальца» [13, с. 241], стали казаться сном.

Воспоминания о детстве делают Данилу Степановича мягче, добрее, человечнее, окружающие люди видятся ему родными и близкими. Душа старика чутко отзывается на бедность «молодухи в белом платочке и голубой баске», его глубоко трогает вид «пугливого сиротки» Ванюши, которого он вместе с матерью, неожиданно для себя, приглашает жить в дом. Данила Степанович ощущает, как в нем растет что-то «теплое» [13, с. 250], трогательное и нежное. «Тихая радость» и умиление овладели стариком настолько, что он расплакался «от радости, что любят его (близкие люди – Е.Ш.)» [13, с. 264].

Прожив всю жизнь в городе, Данила Степанович с наслаждением возвращается к природе и земле, в близости с которыми прошло детство. В нем внезапно «пробудилась давняя, от поколения зачатая страсть – сажать, сажать, сажать» [13, с. 251]. Запахи родной деревни – «сырой земли» и березы», «сочной густой травы, прогретой солнцем», «росистого июньского утра», воспоминания о том, как в детстве в огороде росли «крупные огурцы-семянки» и «черно-золотые зонтики душистого укропа» [13, с. 251], наполняют умирающего старика молодой энергией.

Тема поэтизации деревенского детства получила развитие в следующем рассказе И. С. Шмелева «Однажды ночью», представляющим собой ряд небольших сенок из жизни крестьянских мальчиков. Пейзажная зарисовка, открывающая произведение, полна олицетворенных образов солнца («Солнце бросило в небо последние багровые полосы огня, мигнуло искрой и погасло»), кустов («И кусты уснули») и ночи («Ночь идет») [10, с. 127]. Мотив тишины («Тихие сумерки укрыли поля с темной зеленью овсов и желтеющими хлебами» [10, с. 144]) звучит в зачине произведения, создавая умиротворенное настроение, внезапно нарушаемое звуками детских голосов. Речевые характеристики становятся ключевыми в создании образов мальчиков. Их речь экспрессивна, обилие восклицательных предложений передают возбужденное состояние детей, почувствовавших начало клева рыбы: «– Васюк, не скрипи! Поставь

ведерко! Тебе говорят, поставь!!», «– Да ладно!.. В норе она теперь...» [10, с. 128–144]. Мальчики употребляют выражения «детской клятвы» («Умру – не совру!»), интонационно выделяют слово *как* («... только Петька ка-ак ахнет, она и сорвалась...») [10, с. 128–129]. Вместе с тем речь героев выдает их принадлежность к крестьянскому сословию: «... У кусту-то, братцы... под кореньями... Забирай к кусту-то, забирай!», «– Не дери глотку-то!», «За ногу чтой-то», «Кака роса-то, братцы-ы! Завтра вёдро будет» [10, с. 128–137].

В фокусе авторского внимания находятся три героя-ребенка – Васютка, Николка и Сенька, отправившиеся ночью ловить рыбу. Центральным из них является маленький Васютка, образы других мальчиков лишь слегка очерчены, читатель может только понять, что они старше Васютки. Так, Николка приказывает ему вести себя тише, чтобы не испугать рыбу, Сенька грозит кулаком слишком громко говорящему мальчику. Из детских разговоров становится понятно, что именно Николка и Сенька являются зачинщиками всех проказ. Образ Васютки раскрыт более объемно, важной его характеристикой становится портретное описание. Впервые перед читателем маленький герой предстает «в одной рубахе» и «прыгает по песку, постукивая зубами от холода» [10, с. 128]. Говорящая портретная деталь – «на плече у него мотаются штаны, снятые в подражание» – выражает стремление мальчика казаться взрослее и значительнее своего возраста. Авторский комментарий подробно раскрывает характер ребенка – «рыболова по страсти», который «свою речку знает тонко, особенно с берега», «у него на примете все омуточки, заводинки и бочажки, „рыбные“ кустики и отмели» [10, с. 129–130]. Мальчик душевно близок природе, на реке он проводит почти все свободное время: «...Самое любимое его дело – бродить по берегам и следить, как задумчиво, темными палками постаивают у осочки щуки, как в глубоких омутах ходят поверху аршинные головли, показывая на солнце синеватые спины. Спустив с кручи загорелые ноги, он замирал и осторожно забрасывал нитку с булавкой – “на хлеб”» [10, с. 129]. Непосредственность, чувствительность героя-ребенка, его доброта, умение сочувствовать и сопереживать, выражается в том, что он горько расплакался после сообщения других мальчиков о «стриженной кошке» и «побитом петухе» [10, с. 133].

Особенности детского мировосприятия наиболее ярко раскрыты в эпизоде, изображающем ночной мост, который кажется мальчикам «черным, страшным», где «длинные ледорезы выставились, как громадные зубы допотопного зверя» и «торчат концы свай, точно поднялись над водой чьи-то неподвижные головы и смотрят» [10, с. 130]. Богатое детское воображение проявляется и в многочисленных проделках маленьких героев, когда они «остригли кошку», оборвали горох, украли «брედень у дяди Степана» и порвали его, «начисто оборвали смородину... у Василисы, а один куст даже с корнями выхватили» [10, с. 133–134]. Воспоминания ребят о своих шалостях, страх перед наказанием изображены автором с юмором. Единственный «взрослый» герой произведения – Микита Иваныч – настроен благожелательно к мальчикам, ласково журит их за проступок, помогает распутать и зашить бредень, скрыв проделку от «дяди Степана». Главным средством его характеристики становится речь. Диалог старика с испуганной Васюткой, заставляющим «побожиться» [10, с. 137], что он его не накажет, вызывает смех читателя. За полными притворной строгости и гнева фразами Микиты Иваныча («– Иди, готово! Хуже будет... Не укрывайся!», «– Тьфу, ты! Не хочу я с тобой, мошенником и толковать-то... Только годи ужо!..») скрывается любовь и жалость к детям, оказавшимся в непрестом положении. Виноватый, растерянный вид мальчиков смягчает старика: «... примиряющее что-то почуялось в голосе... Покрутил головой ... и улыбнулся» [10, с. 140]. Глядя на детей, у которых впереди долгая жизнь, он с особенной остротой ощущает свою старость и неизбежность приближающейся смерти.

С образом Микиты Иваныча в текст входят мифопоэтические мотивы, звучащие в рассказах о «водянике», который способен «ухватить в омуточке... за озорство» [10, с. 141]. Старик, обладающий даром слова и убеждения, с легкостью преодолевает недоверие детей, приводящих в качестве довода слова учителя Ивана Андреевича о том, что кроме «разных моржей, китов» в воде обитать никто не может. Микита Иваныч предстает носителем народно-мифологических представлений о китах, которые «землю держат» [10, с. 141]. Старик слывет в деревне талантливым рассказчиком, с его уходом утратится традиция талантливо и захватывающе

рассказывать сказки. Вместе с этим он является глубоко верующим христианином, отказывается взять пойманную мальчиками рыбу из-за нежелания нарушить пост.

Общая благостная атмосфера рассказа поддерживается спокойными и умиротворенными пейзажными описаниями, рассыпанными по всему тексту, полными нежной, утонченной красоты. Картины природы наполнены разнообразными звуками («Трещат веселые кузнецы в росистой траве, гремят грачи в стаях»), мычание коров и образ «пастуха на взгорье, наигрывающего вздрагивающие трели» [10, с. 133], вводят в текст идиллические мотивы. Пейзажные зарисовки содержат яркие и разнообразные краски, среди которых выделяется бело-синяя гамма («А восток все белел, и все шире росла прежде едва заметная беловатая полоска. Сине-сине на западе. Там уже мерцали звезды»), зеленая («Темно-зеленые полосы бегут по лугам, курятся», «Изумрудом сверкает в лугах»), золотая («И тонет все, и млеет в золотом свете росистого утра», «Бегут в золотом утре», «Жаворонки в золотистой синеве бьют трелями, журчат, переливаются», «... убогие избы с почерневшими, тронутыми гнилью крышами, кажется, золотятся под косыми, еще пурпурными лучами», «Золотятся леса») [10, с. 127–147]. Метафорический образ, основывающийся на сравнении росы с драгоценными камнями («... бриллиантами брызжет роса из-под ног» [10, с. 134]), передает авторский восторг перед великолепием и очарованием природного мира.

Душевная чистота героев-детей, искренность в проявлении чувств и совершении поступков соотносится с лиричностью пейзажного фона: «А ночь совсем упала всей своей темной массой. Треск ночных кузнецов лился с лугов» [10, с. 133]. Гармония окружающего мира выражается и в «скрипучей песни» лягушек, и в «неуловимой струйке света», исходящего от «белеющего чуть-чуть востока» [10, с. 143]. Образ наступившего вслед за ночью «яркого и свежего утра», когда так «чист и далек воздух» и «все на земле и в небе затопило солнце» [10, с. 145], выражает «легкость души» маленьких героев, ассоциативно связан с представлениями о начале жизни и наполненностью радостью и счастьем. Детство в рассказе осмысливается периодом безмятежности, и «черные призраки жизни еще не тревожат сердце» [10, с. 145].

Тема природы, тесно связанная с образами крестьянских мальчиков, воспринята И. С. Шмелевым от И. С. Тургенева, рассказ «Однажды ночью» демонстрирует преемственность литературных традиций, сложившихся в сборнике «Записки охотника» и, прежде всего, в рассказе «Бежин луг» (1851). Рассуждения Ю. В. Лебедева о «поэтическом чувстве природы у Тургенева» [6, с. 75] вполне применимы и к шмелевскому тексту. Т. М. Миллионщикова, анализируя работу Я. О. Дзыги, посвященной взаимосвязям творчества И. С. Шмелева с произведениями русской литературы XIX века, отмечала: «Пушкин, Гоголь, Достоевский, Тургенев, Гончаров, Л. Толстой – эти творческие миры не только получили высокие оценки Шмелева-читателя, но и дали мощный импульс к познанию национальной истории, русских характеров, приковали внимание к значительным проблемам жизни, отозвались в его многогранном наследии, повлияли на внутреннюю структуру в целом и на отдельные элементы поэтики» [8, с. 158].

Отдельно отметим, что исследователи Я. О. Дзыга и Ю. У. Каскина выявили черты «тургеновских традиций» в таких произведениях И. С. Шмелева, как «Журавли», «Пути небесные», «История любовная», «Записки не-писателя». Рассказ «Однажды ночью» может занять полноценное место в этом ряду. Мотивы тишины, характерные для природных описаний, «череда подчеркнуто повторяющихся образно-знаковых деталей, создающих представление об идиллическом мире, исполненном гармонии, меры и абсолютно комфортном для человека» [2, с. 9], речевая и авторская характеристики образов крестьянских мальчиков, мифопоэтическое начало их разговоров сближают произведения писателей. Детские образы в обоих рассказах полны духовной красоты, чистоты, неподдельной искренности и чуткости к окружающему миру.

Однако образ «взрослого» героя в рассказе И. С. Шмелева иной, нежели в произведении его литературного предшественника. Обратимся к наблюдениям исследователя Г. М. Ибатуллиной: «Перед нами не земледелец, а охотник, к тому же, настрелявший слишком много дичи, < ... > оказавшийся в символическом плане повествования нарушителем гармонии и меры» [2, с. 12]. Тургеневский рассказчик оказывается внешним наблюдателем жизни крестьянских мальчиков, пришедший из

иного мира, во многом чуждого народному мировосприятию героев-детей. Напротив, Микита Иваныч в шмелевском рассказе – человек из народа, близкий и понятный мальчикам, живущий с ними одинаковыми представлениями.

Трогательные отношения героя-ребенка и простого человека из народа описаны в рассказе И. С. Шмелева «Солдат Кузьма». Повествовательная структура произведения выстроена ретроспективно, взрослый рассказчик вспоминает о событиях своего детства. События в рассказе даны из перспективы ребенка, который, полюбив банного парильщика Кузьму, с трепетом описывает его «большие, жесткие руки», присказки («Много лет, сударь, здравствовать – не помирать, мылиться-париться, крыс-мышей не бояться, с легким паром оставаться» [12, с. 40]), ласковое обращение. Мальчик не может объяснить, почему так привязан к солдату, может быть, оттого что ему «весело: он всегда смешно говорит и рассказывает про англичанина, который подарил ему трубочку» [12, с. 40].

Когда Кузьма подходит к ребенку, его сердце замирает от радости. Портретное описание героя выдает в нем бывшего солдата, одетого просто и бедно: «высокий-высокий худой», «в опорках на босу ногу, хотя на дворе мороз, в ситцевой рубахе, в кафтане внакидку, в солдатской кепке с доньшком наверху», «в одном ухе беленькая серьга – солдатская» [12, с. 43]. Яркими портретными деталями образа Кузьмы становятся постоянное забавное «кряканье» и курительная трубка, с которой он никогда не расстается. «Смеющиеся глаза» [12, с. 40] и дружеское подмигивание, обращенное к мальчику, выдают добродушный характер солдата.

Рассказ наполнен юмором, связанным с особенностями детского мировосприятия. Так, маленький рассказчик авторитетно заявляет: «Я знаю, что они говорят не так: надо говорить – азумруд. Так велела мне говорить нянька, когда я рассказал ей про Солдатову трубочку» [12, с. 44]. Ребенок, напуганный рассказами о «банном хозяине», искренне верит в то, что он «швыряется по ночам шайками», «выпускает из кранов воду – балуется», «а сверчи у него заместо музыкантов» [12, с. 45]. «Водяные крысы», живущие «под полом, под щелями, куда стекает вода», по мнению мальчика, вполне способны, «если остаться одному в бане», «загрызть на смерть» [12, с. 45].

По-детски открытая, искренняя, эмоциональная натура Кузьмы, его любовь к хвастовству тоже служит источником юмора: «Солдат тычет себя в грудь и в бока, у ноги. Я знаю, что это значит: там у него пули от врага. А в боку и сейчас еще сидит вражья пуля, которую он называет шельмой, и которую ему подарил на память в какую-то севастопольскую кампанию англичан, – носи, не забывай!» [12, с. 44]. За этими рассказами угадывается непростая судьба человека, прошедшего войну, получившего ранения и много пережившего. Ребенок интуитивно улавливает этот подтекст, понимая, что раны Кузьмы – «не сказка» [12, с. 45], и за внешне смешным повествованием скрываются страшные подробности. Ключевым в военных рассказах солдата становится эпизод, посвященный его диалогу с «врагом»-англичанином, оказавшимся с ним в общей траншее. С удивлением Кузьма узнает, что англичанин – такой же простой парень из народа, как и он, и, по сути, убивать им друг друга не за что. Война оказывается навязана народу, обычные люди хотят жить и дружить, в знак чего русский и английский солдаты закурили «трубки мира» и ими обменялись.

Еще одной важной характеристикой героя является то, что он – настоящий воин Христов. Когда начинается война с Турцией на Балканах, Кузьма идет защищать страдающих болгар и православную веру. В этом новом походе он полностью полагается на Божью волю: «За хорошее дело хочу постоять, а там что Бог даст...» [12, с. 55].

Образ ребенка из народа, как и в произведении «Однажды ночью», находится в центре рассказа «Одной дорогой». Главной героиней здесь является четырехлетняя девочка Катюша – дочь бедной женщины Матрены, постоянно скитающейся в поиске заработка. Место действия рассказа – дом гречанки Марфин, сдающей на лето комнаты приезжим южного приморского городка. Жизнь героинь складывается непросто: смерть мужа-кормильца от скоротечной чахотки привела семью на грань нищеты, матери приходится заниматься самой тяжелой работой – «копать сады», «вязать табак» [11, с. 12], мыть посуду и убирать за гостями дома гречанки. Болезнь Катюши (слабое развитие речи и отсутствие возможности самостоятельно передвигаться) усугубляет трудное положение женщины.

Основное содержание рассказа составляет описание внутреннего мира маленькой героини. Авторское внимание сосредоточено на передаче мыслей, чувств и ассоциаций девочки. Эта цель достигается с помощью художественного приема «остранения», когда очевидные предметы окружающего мира и действия людей воспринимаются непонятными, поддаются необычной логической оценке. Отметим, что впервые об этом принципе написал Виктор Шкловский в статье «Искусство как прием» (1919): «Целью искусства является дать ощущение вещи, как видение, а не как узнавание; приемом искусства является прием “остранения” вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как воспринимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен; *искусство есть способ пережить деланье вещи, а сделанное в искусстве не важно*» [9, с. 60]. В качестве наиболее очевидного примера использования этого приема в художественной литературе критик называет тексты Л. Н. Толстого. В связи с этим можно с уверенностью утверждать, что в рассказе «Одной дорогой» И. С. Шмелев развивает и продолжает литературные традиции писателя XIX века.

Так, процесс мытья матерью посуды осмысливается Катюшей как «игра белыми блюдечками», перстни с драгоценными камнями «у тети на пальцах» называются «сверкающими кусочками стекла», запах духов воспринимается цветочным ароматом, платье заменяется звуком, им издающим («А за ней зашумело что-то – шур-шур-шур...»), зонтик от солнца видится «красной крышей над головой», ветер осознается «чем-то невидимым», что время от времени «начинало щекотать по лицу» [11, с. 22]. Пышные белые облака, медленно плывущие по «синему небу», сравниваются с «плавающими огромными гусями», которые без отдыха «махали, махали крыльями», собачьи ошейники воспринимаются «маленькими блестящими игрушками» [11, с. 23, 33]. Все это свидетельствует об ограниченном знании ребенка об окружающем мире, неспособности в полной мере понять происходящее.

Внимание Катюши сосредоточено на мелких предметах, ее окружающих, детский взгляд замечает то, что не представляет никакого интереса для взрослых, – «блестящие кусочки», разбросанные «кругом на земле», «камешки и громкие светлые коробки, которые так хорошо постукивали» [11, с. 23]. В сознании ребенка, как в

сказке, «оживают» «гусиные перья и белые пушинки», которые вдруг «начинали подпрыгивать выше и выше и, наконец, улетали совсем» [11, с. 23]. Старый нищий старик-грек с палкой волшебным образом преобразуется в «черного человека», «страшного старика, который всех сажает в мешок и уносит» [11, с. 28]. Анималистическую трактовку получают и «камешки в коробке»: они «сыпались и что-то рассказывали», «начинали вертеться и шуметь в ней» [11, с. 39]. Прием звукоподражания, использованный автором для раскрытия специфики детского восприятия, передает движение камешков («так-так») и «смех» коробки: «Коробка подкидывала их и смеялась громко-звонко: гри-гри-гри...» [11, с. 39].

Образу маленькой героини свойственна широкая палитра чувств и переживаний. Катюша остро ощущает свое одиночество, оставленная постоянно занятой работой матерью сидеть в тени двора, испытывает сильный страх при громких звуках, исходящих от бочки, по которой ударил палкой проходивший мальчишка, жалуется на боль в ноге, обожженной раскаленной на солнце смолой. «Установившаяся дружба» [11, с. 20] с собакой Норкой впервые за долгое время скитаний, нужды и одиночества вызывает в ребенке «смех счастья» [11, с. 34]. Метафорический образ «детского серебряного смеха» получает развитие в эпизоде, описывающем игру Катюши и собаки. Мотив тишины и благой гармонии природы соотносится с образом радостного смеха ребенка, который «рассыпается нежным серебром... в тихом вечернем воздухе» [11, с. 34]. Неудивительно, что смех девочки сравнивается автором с «весенним небесным серебром» и «брызгами весеннего дождя» [11, с. 34]. Как весенняя природа оживает после суровой холодной зимы, так и душа Катюши раскрывается навстречу неожиданному счастью.

Образы животных и птиц занимают важное место в художественной структуре рассказа. Каждый из них наделен индивидуальным характером и особенностями поведения, сойки проказливы («... прилетали сойки и дразнились: –... Ав-ав! ав-ав!»), гусь строг («Где-то проснувшийся гусь сказал строго: –... Га-га!»), петух эмоционален и криклив («На утро петух первый заметил собаку, в волнении заплясал на своей жерди и затокал: – Ток-то-то-то-то-то...») [11, с. 4, 9]. С петухом, курицами

и гусями, в изобилии живущими во дворе дома Марфин, у Катюши складываются прохладные отношения, они пугают ее своей жадностью и отсутствием деликатности.

Центральным среди образов животных является собака Норка, ее образ олицетворяется, наделяется способностью мыслить, говорить, глубоко переживать (ночной вой собаки после гибели щенков). Произведение открывает повествование о тяжелой судьбе собаки. Норка вынуждена постоянно скитаться в поисках заботливого хозяина и еды, она практически лишена личного имени, в каждом новом доме «ее звали Альмой, потом Норкой, потом Султаном», а «мальчишки на базаре кричали: – Кутька! Фьйю!» [11, с. 19]. Читатель знакомится с животным в момент потери очередного пристанища из-за смерти человека, который ее приютил. Вновь начатый поиск жилья и возможности прокормиться приводит Норку в дом гречанки, где происходит встреча с Катюшей. Жизнь собаки полна унижений и оскорблений, исходящих от людей. Она знала и болезненные удары ногой, и крики с призывом уходить, а «раз за ней гнался страшный человек с палкой и кричал: – Султан, Шайтан!» [11, с. 19]. Человек, руководствуясь разумными доводами, спокойно совершает убийство щенков – «детей» Норки, только начавших «тянуться к солнцу» [11, с. 25].

Привыкнув к равнодушию и жестокости людей, Норка испытывает к ним сильнейший страх и недоверие. В этом отношении показательное поведение собаки, когда щенки начали выбираться со двора и были замечены людьми: «Норка стояла поодаль, виновато помахивая хвостом и, поглядывая исподлобья, спрашивала покорно: – Можно?...» [11, с. 25]. Протянутые сахар и хлеб она берет не сразу, до конца не веря в доброе отношение к себе, торопливо глотая куски после ухода толпы.

Искренность и непосредственность Катюши покорили Норку, «в (зовущем – *Е. Ш.*) тонком голоске послышалось знакомое, ласковое» [11, с. 19]. Девочка и собака ощущают внутреннюю близость, выражающуюся в трогательной беспомощности перед непонятным и часто жестоким окружающим миром. Норка, как и Катюша, воспринимает происходящие вокруг нее события и поведение людей «остраненно»: она не понимает, куда исчез любимый хозяин, а в его доме поселился чужой человек

с рыжим псом; змею собака опознает как «врага, похожего на блестящую вертлявую веревку»; трубка хозяина видится предметом, в котором «вспыхивает огонек и идет дым, как из трубы домика, только поменьше» [11, с. 4–5]. Отметим, что использование приема «остранения» для передачи восприятия животного встречается в рассказе Л. Н. Толстого «Холстомер» (1886). Собаку и девочку роднит робкое, трогательное взаимное уважение, невозможность защититься от бед, напастей и зла окружающего мира. Они тянутся друг к другу, чтобы обменяться любовью. Причем Норка подтверждает свою привязанность открыто, жертвуя своей жизнью и спасая Катюшу от смертельного укуса змеи.

Мотивы бесприютности, бездомности, звучащие в описании судеб Катюши и Норки, получают развитие в ключевом образе рассказа – дороге. Образ дороги в тексте обретает символическое значение, осмысливается как жизненный путь каждого живого существа, полный скитаний, испытаний, страданий и одиночества. Трагичность этого пути можно преодолеть только любовью, участием и заботой, которыми люди и животные могут делиться друг с другом. Финал рассказа остается открытым: Норка отправляется вслед за Матреной, уносящей Катюшу из дома гречанки, в надежде обрести понимание и тепло, исходящие от людей. Женщина, девочка и собака идут в неизвестность, объединенные общим желанием взаимной любви.

С образом дороги связано своеобразие природных описаний рассказа, постоянная устремленность Катюши к «синему простору внизу, под горой, далекому простору, по которому ползли большие белые крылья» [11, с. 4], указывает на неизбежность ухода, продолжения пути. Неизвестность направления, цели, жизненных поворотов раскрывается автором через повтор риторического вопроса («Куда?»), следующих за ним образами-мотивами «синего моря» и плывущими по нему «большими белокрылыми птицами» [11, с. 10]. Образ моря служит устойчивым пейзажным фоном всех событий рассказа. Его переменчивость, зимой «черного, как чернила», «грозно шумящего, бьющего в берега тяжелыми мутными валами», а летом «тихого-тихого и синего, как небо», «сонно поплескивающегося в нагретые солнцем берега» [11, с. 10], выражает неустойчивость судеб главных героинь рассказа.

Природа, окружающая Катюшу, ее мать и Норку во время пребывания в доме гречанки, насыщена идиллическими мотивами и образами: «синие горы в туманной дымке», «серебряные снега», «белые домики» в «густой зелени акаций и кипарисов», «сады» с «алыми щечками персиков», «пышные мальвы», «знойно-алые розы», «душистые снежные плети вьющегося лимонеса» [11, с. 10]. В результате возникает образ рая, из которого героини неизбежно будут изгнаны, а надежды на возвращение в него призрачны. Вместе с тем пейзаж, завершающий рассказ, окрашивается в розовые тона: «Дорога круто повернула к холмам. Шли, шли. И шел вечер за ними. И солнце уже опускалось в море. И белые паруса далеких лодок стали совсем розовыми, как крылья фламинго» [11, с. 47]. У читателя появляется вера в то, что героини наконец обретут свой дом, который защитит их от невзгод и бед окружающего мира.

В основе художественной структуры драматической сказки «Догоним солнце» также находится принцип соотнесенности судеб человека и природного мира. Пьеса включает широкий ряд образов животных, растений (Журлик, Журочка, Журавль, Журавлиха, кот Мурзик, Петухи, Лягушонок, Бабочка, Медведь, Мухомор, Дождевик, Ласточка, Рябина, Стрекоза, Сверчок, Кузнечики, Зайцы, Пень, Опятки, Филин, Калека-Ворон, Светляк, Львиный Зев, Хворост, Капустница, Паутинки, Иволга, Калина и др.) и сказочных персонажей (Дедушка Лесовик, Болотные Огоньки), говорящих, мыслящих, наделенных способностью чувствовать и переживать. Каждый из этих персонажей индивидуализирован, обладает своим неповторимым характером и темпераментом. Опятки – «веселый народ» [12, с. 3] – обожают петь, Лягушонок радуется их песенке и дразнит Старого Пня – вечного ворчуна, Филин собирает сведения обо всех происшествиях в лесу. Дедушка Лесовик предстает заботливым, любящим хозяином своего лесного царства: «Все дороги вы мне: и старая сосна, и дряхлый гриб, и бабочка лесная, и мошка, и комар, и мелкий лягушонок. Всех вас люблю я» [12, с. 4]. Он направляет замерзающую бабочку в трещину со мхом в пустом дупле, где она сможет проспать до весны, медведю устраивает берлогу, повалив сосну, приводит Журлика к родной стае, когда тот заблудился.

События, описанные в пьесе, обращены к ситуациям, характерным для человеческого общества. Журавль и его семья (Журочка, Журлик, Журавлиха) живут мечтой о полете к солнцу, стремясь как можно скорее выбраться из ледяного сырого болота. Они – беспокойные искатели, никогда не сидящие на месте, благородные скитальцы. Цель жизни семьи журавлей – обретение света, тепла, их путь пролегает к «синему морю» – стране счастья и вечного лета. Старый Пень и гриб Шлюпик предпочитают тихое, спокойное, безбедное существование в родном болоте, неизменно пребывая в холоде и темноте. Как простые «обыватели», они искренне недоумевают, зачем журавлям каждый год улетать за какой-то призрачной мечтой, преодолевая множество опасностей и часто находясь на грани жизни и смерти. Их мнение близко Лягушонку и Болотным Огонькам, предпочитающим мирный сон в теплой норе, лейтмотивом речей героев становятся слова: «Как тихо... Как хорошо...» [12, с. 8]. Лесовик, напротив, поддерживает «мечтателей»: «Летите, смелые! Люблю я смелых. И я бы побежал за вами, да заботы...» [12, с. 8].

Образы домашних животных и птиц, воссозданные в пьесе, противопоставляются, Кот Мурзик насмехается над Журликом и его постоянными разговорами о «море», завидует, откровенно издевается над наивным и трогательным «мечтателем», воруя еду из его миски. Петух предлагает Журлику не стремиться к неведомым далям, не пребывать в грезах, а смириться со своей судьбой и ожидать повара Архипа с ножом. Калека-Ворон предупреждает юного журавля о злых кознях Кота Мурзика, и одновременно с этим предлагает как можно скорее улетать, пока он «не отяжелеет» и «крылья не ослабнут, и тогда... поздно будет!» [12, с. 19]. Именно Ворон, когда-то умевший летать и знакомый с чувством свободы, помогает Журлику осуществить свою мечту, не дать «подрезать крылья».

Образы людей также включены в оппозиционные отношения, определяемые особенностями мировоззрения и разными духовно-нравственными ценностями. Охотники стреляют в летящих на юг журавлей, убивают спящего в берлоге медведя ради жестокой забавы, Лесник и его семья берегут и любят природу, стремятся сохранить ее, помочь зверям и птицам, оказавшимся в беде. Лесовик, осуждающий людей за равнодушие и вред, наносимый природе, тем не менее, дает такую

характеристику Леснику: «Хоть человек он – я его люблю: мои леса он любит» [12, с. 13]. Дочь Лесника Любочка, как и отец, заботлива и внимательна к Журлику, кормит его, не позволяет волноваться и летать, пока тот не окреп. Одновременно с этим автор указывает, что вмешательство людей в жизнь природы должно быть ограничено, нельзя препятствовать птицам, желающим вернуться в естественное для них существование, помещать в «золотую клетку», не давая возможности летать.

### **ВЫВОДЫ**

Детство в произведениях И. С. Шмелева 1910–1914 гг. предстает лучшей порой человеческой жизни, полной счастья и безмятежности. Воспоминания о детстве позволяют взрослому человеку сохранить в себе самые светлые и добрые качества, способствуют возрождению души, очищению ее от всего наносного, лишнего. Тема детства в творчестве писателя неразрывно связана с образом русского народа, излюбленными героями автора становятся крестьянские дети и дети бедняков. Эта литературная традиция воспринята И. С. Шмелевым от И. С. Тургенева. Взрослыми персонажами часто являются простые люди из народа, сохраняющие по-детски чистый, радостный взгляд на мир, обладающие глубокой верой в Бога. События в произведениях разворачиваются на фоне природы, который отражает внутреннее состояние героев или является символическим воплощением их судеб. Природа поэтизируется, наделяется богатством красок и звуков. Образы животного и растительного мира включены в развитие действия произведений и выполняют разнообразные функции: показывают беззащитность животного перед произволом человека; раскрывают для маленького читателя сложный мир человеческих отношений, в которых существуют зависть, злоба, жестокость, несправедливость. Для передачи мировосприятия героя-ребенка и собаки И. С. Шмелев прибегает к художественному приему «остранения», сохраняя преемственность с литературными текстами Л. Н. Толстого. Важными средствами раскрытия образов героев становятся портретные и речевые характеристики.

Список литературы

1. Дунаев, М. М. Вера в горниле сомнений : Православие и русская литература в XVIII – XX веках [Текст] / М. М. Дунаев. – М. : Издательский совет Русской Православной церкви, 2002. – 1055 с.
2. Ибатуллина, Г. А. Историсофский миф в рассказе И. С. Тургенева «Бежин луг» [Текст] / Г. А. Ибатуллина // Современные исследования социальных проблем. – 2014. – № 3 (35).
3. Ильин, И. А. Творчество И. С. Шмелева [Текст] / И. А. Ильин // Шмелев И. С. Собрание сочинений в одной книге. – М. : ЗАО Фирма «Бертельсманн Медиа Москау АО», 2013. – С. 5–56.
4. Каскина, Ю. У. Тургеневская традиция в творчестве И. С. Шмелева [Текст] / Ю. У. Каскина // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, 2020. – 1 (26). – С. 1–23.
5. Кияшко, Л. Н. Бытовая проза И. С. Шмелева (повесть «Росстани») [Текст] / Л. Н. Кияшко // Рема. – 2012. – № 3. – С. 15–23.
6. Лебедев, Ю. В. В середине века : Историко-литературные очерки [Текст] / Ю. В. Лебедев. – М. : Современник, 1988. – 384 с.
7. Любомудров, А. М. Иван Сергеевич Шмелев. Биография [Текст] / А. М. Любомудров // Духовный путь Ивана Шмелева : статьи, очерки, воспоминания. – М. : Сибирская Благовонница, 2009. – С. 9–20.
8. Миллионщикова, Т. М., Дзыга, Я. О. О творчестве И. С. Шмелева в контексте традиций русской литературы [Текст] / Т. М. Миллионщикова, Я. О. Дзыга // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение. – 2014. – № 3. – С. 157–162.
9. Шкловский, В. Б. Гамбургский счет : Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933) [Текст] / В. Б. Шкловский. – М. : Советский писатель, 1990. – 121 с.
10. Шмелев, И. С. Однажды ночью [Электронный ресурс] / И. С. Шмелев // Творчество Ивана Сергеевича Шмелева. Кафедра русской литературы. Петрозаводский университет. – Режим доступа: <http://www.philolog.ru>. – (Дата обращения: 01.12.2020).

11. Шмелев, И. С. Одной дорогой [Текст] / И. С. Шмелев. – М. : Издание редакции журнала «Юная Россия», 1912. – 48 с.
12. Шмелев, И. С. Догоним солнце. Солдат Кузьма [Текст] / И. С. Шмелев. – М. : Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. – 67 с.
13. Шмелев, И. С. Собрание сочинений в одной книге [Текст] / И. С. Шмелев. – М. : ЗАО Фирма «Бертельсманн Медиа Москау АО», 2013. – 832 с.

#### References

1. Dunaev M. M. *Vera v Gornile Somnenii: Pravoslavie i Russkaya Literatura V XVIII – XX Vekakh* [Faith in the Crucible of Doubt. Orthodoxy and Russian Literature in the 18–20<sup>th</sup> Centuries]. Moscow: Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi Publ., 2002. 1055 p.
2. Ibatullina G. A. *Istorijskii Mif v Rasskaze I. S. Turgeneva Bezhin Lug* [Historiosophical Myth in the Story Bezhin Meadow by I. S. Turgenev]. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem*, 2014, no 3 (35).
3. Ilin I. A. *Tvorchestvo I. S. Shmeleva* [Creative Work of I. S. Shmelev]. Shmelev I. S. *Sobranie Sochinenii v Odnoi Knige*. Moscow, Bertelsmann Media Moskau AO Publ., 2013, pp. 5–56.
4. Kaskina Yu. U. *Turgenevskaya Traditsiya v Tvorchestve I. S. Shmeleva* [The Turgenev Tradition in the Works of I. S. Shmelev]. *Uchenye Zapiski Novgorodskogo Gosudarstvennogo Universiteta Imeni Yaroslava Mudrogo*, 2020, no 1 (26), pp. 1–23.
5. Kiyashko L. N. *Bytovaya Proza I. S. Shmeleva (Povest Rosstani)* [Domestic Prose of I. S. Shmelev (Story Rosstani)]. *Rema*, 2012, no 3, pp. 15–23.
6. Lebedev Yu. V. *V Seredine Veka: Istoriko-Literaturnye Ocherki* [In the Middle of the Century. Historical and Literary Essays]. Moscow, Sovremennik Publ., 1988. 384 p.
7. Lyubomudrov A. M. *Ivan Sergeevich Shmelev. Biografiya* [Ivan Sergeevich Shmelev. Biography]. *Dukhovnyi Put Ivana Shmeleva: Stati, Ocherki, Vospominaniya*. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2009, pp. 9–20.
8. Millionshchikova T. M., Dzyga Ya. O. *O Tvorchestve I. S. Shmeleva v Kontekste Traditsii Russkoi Literatury* [About the Work of I. S. Shmelev in the Context of the Traditions of

- Russian Literature]. *Sotsialnye i Gumanitarnye Nauki. Otechestvennaya i Zarubezhnaya Literatura*. Ser. 7. *Literaturovedenie*, 2014, no 3, pp. 157–162.
9. Shklovskii V. B. *Gamburgskii Schet: Stati – Vospominaniya – Jesse (1914–1933)* [Hamburg Count. Articles – Memoirs – Essays (1914–1933)]. Moscow, Sovetskii Pisatel Publ., 1990. 121 p.
  10. Shmelev I. S. *Odnazhdy Nochyu* [One Night]. Tvorchestvo Ivana Sergeevicha Shmeleva. Kafedra Russkoi Literatury. Petrozavodskii Universitet. Available at: <http://www.philolog.ru>. (accessed 01 December 2020).
  11. Shmelev I. S. *Odnoi Dorogoi* [One Road]. Moscow, Yunaya Rossiya Publ., 1912. 48 p.
  12. Shmelev I. S. *Dogonim Solntse. Soldat Kuzma* [Catch Up with the Sun. Soldier Kuzma]. Moscow, Knigoizdatelstvo Pisatelei v Moskve, 1914. 67 p.
  13. Shmelev I. S. *Sobranie Sochinenii v Odnoi Knige* [Collected Works in One Book]. Moscow, Bertelsmann Media Moskau AO Publ., 2013. 832 p.

## THE PHENOMENON OF CHILDHOOD IN THE WORKS OF I. S. SHMELEV 1910–1914

*Shestakova E. Yu.*

The article is devoted to the study of the phenomenon of childhood in the works related to 1910–1914 of I. S. Shmelev, Russian writer of the first half of the 20<sup>th</sup> century. The relevance of the scientific article is caused by the increased interest in the writer's work within modern literary studies. The object of research is the stories One Night (1910), One Road (1912), Soldier Kuzma (1914), Rosstani (1913), and dramatic fairy tale Catch Up with the Sun (1914). The subject of the research is the author's understanding of the uniqueness of the nature of childhood, revealing the features of children's worldview and perception of the world.

As a result of the analysis, it is revealed that in the studied texts images of adults and children are presented, and it is shown what artistic techniques are used by the author to convey the specifics of children's perception of the world. In the value sense, childhood in the works under study is an important period of formation of spiritual and moral views of a person. Nature descriptions, images of animals, birds, and flora become the key conceptual dominant of the analyzed texts. Understanding and description of the phenomenon of childhood in the works of I. S. Shmelev is marked by the continuity with literary texts of the 19<sup>th</sup> century.

**Keywords:** I. S. Shmelev, phenomenon of childhood, works of 1910–1914, short story, novel, play, image of a child, children's images.

## 2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 811.161.1

### ИЗУЧЕНИЕ ЭМОТИВНОСТИ В АСПЕКТЕ РКИ

*Дроздова С. А.*

Таврическая академия (структурное подразделение)  
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,  
Симферополь, Россия  
E-mail: stellad@rambler.ru

В статье рассматриваются некоторые вопросы выражения эмоций в языке, обсуждаются проблемы взаимосвязи речевой и неречевой деятельности, эмоций, языка и мышления в процессе обучения РКИ. Обосновывается необходимость тщательного отбора художественных текстов для изучения в иностранной аудитории, исследования эмоциональных характеристик автора и героев художественного произведения, что находит отражение в формировании предтекстовых, притекстовых и послетекстовых заданий для иностранных обучающихся. Все это в итоге позволяет выстраивать модели взаимовосприятия наций, что является, по сути, одной из целей изучения любого иностранного языка. Эмоции как регулятор поведения и деятельности человека репрезентируются в языке, тем самым формируя так называемую «эмоциональную языковую картину мира», которая представляет собой лишь часть «концептуальной эмоциональной картины мира». Непосредственно процесс оценивания эмоциональной информации, связанной с мыслительной деятельностью человека, реализуется посредством выявления экспрессивных маркеров эмоций, отражающих авторскую, читательскую и персонажную эмотивность. В статье предлагается рассмотрение эмоциональности как когнитивной составляющей художественного текста на материале рассказа А. П. Чехова «Орден».

**Ключевые слова:** эмоциональные наслоения, экспрессивные маркеры эмоций, эмотивность, словесное/несловесное выражение, эмоциональная концептосфера.

#### **ВВЕДЕНИЕ**

Обучение русскому языку иностранных обучающихся на основе оригинального художественного текста представляется весьма актуальной проблемой, поскольку «национальные литературы способны не только защищать и корректировать имидж своего этноса в восприятии прочих народов, но и создавать рациональные модели взаимовосприятия и сосуществования наций» [цит. по: 7, с. 10]. Следовательно, тщательно отбирая художественные произведения в качестве учебного материала для преподавания РКИ, методисты самым непосредственным образом оказывают влияние на формирование представления о русской нации, культуре, русской

языковой картине мира и мира эмоций, в частности, то есть, в принципе, можно говорить о том, что личностные эмоциональные характеристики автора/героя художественного произведения так или иначе определяют особенности восприятия «своего» и «не-своего» мира у иностранных обучающихся. Задачами данной статьи является рассмотрение эмоциональности как когнитивной составляющей, взаимосвязанной с языковой и мыслительной деятельностью, и исследование художественного текста в процессе обучения РКИ в данном аспекте.

В зависимости от предполагаемых задач в статье использованы следующие общелингвистические и частные методы: для изучения языковой единицы в контексте применялся метод контекстологического анализа текста; для рассмотрения слов в их образной перспективе при учете всех контекстуальных средств, позволяющих поддержать ассоциативно-смысловое содержание языковой единицы, которая является объектом анализа, применялся метод слово-образ в исследовании текста.

Эмоции занимают в жизни человека безусловное, лидирующее место. Человек входит в эту жизнь с первым эмоциональным криком и заканчивает ее, как правило, с явными или скрывающимися эмоциями. Эти «точки отсчета» человеческой жизни как эмоциональные «вершины» рано или поздно найдут свою расшифровку, равно как показатели состояния человека в эти кульминационные моменты считаются медицинскими приборами.

*Цель* предлагаемой статьи – рассмотрение взаимодействия процессов мышления, словесной речи, языка тела и их отражения в эмоциях; исследования, относящиеся к антропоцентрической и когнитивной парадигме, подтверждают, что речь человека, репрезентируемая единицами любого языка, представляет собой лишь небольшую часть всего «мыслительного массива». Это же можно сказать и об эмоциях.

#### **ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ**

Эмоции как регулятор поведения и деятельности человека всегда вызывали интерес ученых разных направлений наук, в последнее время, помимо

лингвистических, появились и междисциплинарные исследования (В. И. Шаховского, С. Ю. Перфильевой, Мягковой Е. Ю., Д. А. Романова, Лазариди М. Н. и пр.). Это, в определенной степени, может объясняться тем, что современная лингвистика для получения результата требует интегративного подхода, позволяющего объединить порой несовпадающие факты и оценить их.

В настоящее время в современной лингвистике при изучении взаимоотношений языка, сознания и мышления используются понятия – языковая картина мира, концептуальная картина мира и концептосфера, находящиеся в определенных взаимоотношениях между собой. Как отмечается в научной литературе, языковая картина мира репрезентирует ту часть концептуальной картины мира (иными словами, отражение окружающей действительности в мышлении человека), которая реализуется посредством языковых единиц. Однако стоит помнить о том, что концептуальная картина мира намного богаче языковой, поскольку не все поддается вербальной репрезентации.

По аналогии с термином «эмоциональная языковая картина мира», предложенным Н. А. Красавским, можно предположить, что существует концептуальная эмоциональная картина мира, поскольку концепты являются универсальными хранителями информации, эмоций, чувств, следовательно, любые эмоции, получившие вербализацию, функционируют в языке, взаимодействуют друг с другом и формируют концепты иного рода – эмоциональные. Их особенность заключается в оценочном, более чувственном, субъективном восприятии, в отличие от универсальных. Как отмечают исследователи (Шаховский В. И., Красавский Н. А., Погосова К. О. и пр.), для эмоциональной концептосферы свойственна этноспецифичность, так как эмоционально-оценочная лексика отражает опыт, традиции, культуру носителей разных этнокультур.

Эмоциональная концептосфера репрезентирует наши чувства, эмоции более расплывчато, в отличие от универсальных концептов, вербализующихся в языке. Так, А Кемпински отмечает, что «...когда приходится давать определение таких понятий, как, например, страх, ужас, боязнь, тревога и т. п., то, несмотря на то, что, как правило, можно чувствовать правильность или неправильность употребления

термина, дать его точное определение не удастся. Впрочем, обычно так бывает всегда, когда речь идет о понятиях, касающихся наиболее личных переживаний. Их можно чувствовать, но трудно определять. Собственный мир, в противоположность миру окружающему, как бы ускользает от попыток классификации и интеллектуальной манипуляции» [цит. по: 5, с. 2].

Эмотивная компетенция, в определенном смысле предполагающая наличие знаний лингвокультурных кодов эмоционального общения, неких общих эмоциональных доминант, образующих, по сути, эмоциональные концепты, а также владение средствами номинации эмоций, соответственно подразумевает формирование у человека концептуальной эмоциональной картины мира, не всегда реализуемой посредством языка и речи. Таким образом, можно утверждать, что одной из стратегических целей обучения иностранному языку, в частности русскому, оказывается формирование иноязычной коммуникативной компетенции, предполагающей владение средствами изучаемого языка (языковая компетенция), знание страноведческой и социокультурной информации (социокультурная компетенция), привитие навыков и умений выхода из неожиданной ситуации при недостатке языковых средств (компенсаторная компетенция), а также понимание и правильное восприятие эмоций носителей другой культуры и языка (эмотивная компетенция).

Как утверждает П. Жане, эмоциональная ситуация в целом предполагает наличие речевых и неречевых факторов действий всех участников общения, что можно объяснить их тем или иным эмоциональным состоянием. Таким образом, эмоция, по сути, представляет собой реакцию личности и организма в целом, это своеобразный отклик на определенную ситуацию, то есть поведение [4].

Кроме того, существует и точка зрения, согласно которой все скрытые переживания человека можно рассматривать как чувства, а чувства, имеющие явную, выраженную внешне природу, понимаются как эмоции. В нашем исследовании данное разграничение не является целью, для нас важно проследить, как многосторонние связи процессов мышления и речи словесной (вербальной) и

несловесной (языка тела) находят отражение в эмоциональной составляющей мышления и ее языковой/неязыковой реализации.

В связи с этим следует рассмотреть методические приемы работы с русской эмотивной лексикой, а также с паравербальными средствами выражения эмотивности в иноязычной аудитории.

Поскольку одним из принципов обучения эмотивной лексике можно считать принцип положительного эмоционального фона обучения, следовательно, намеренное использование различных эмоциональных ситуаций при работе с новой иноязычной эмотивной лексикой (предтекстовая работа) оказывается важным методическим приемом в обучении.

Вторым, не менее важным, принципом, который направлен на эффективное овладение языковыми единицами, вербализующими эмоции, является так называемый принцип понимания всей концептосферы эмоций носителей определенного языка и культуры, под ней понимается «совокупность эмоциональных концептов» [6, с. 6]. Изучение иностранными обучающимися средств-репрезентантов эмоций позволяет снизить возможные затруднения в межкультурном общении, поскольку намеренное формирование эмотивной компетенции способствует дальнейшему развитию эмпатии в ситуациях речевого взаимодействия. Это может достигаться посредством целенаправленного обучения лексическим единицам (содержащим в семантической структуре эмотивный компонент), интонационным средствам, способствующим передаче основных эмоций, а также видам темпа речи.

Паравербальные средства общения позволяют не только реализовывать намерения говорящего, но и осознанно /неосознанно вызывать у собеседника те или иные эмоции, поскольку то, как именно подается информация посредством голоса, иногда оказывается важнее ее содержания. Поскольку паравербальная коммуникация опирается на тональные и тембровые характеристики языка, для достижения эффективности межкультурного общения необходимо обучать иностранных слушателей паравербальным средствам в том числе.

Возвращаясь к собственно лексической репрезентации языковой эмоциональной картины мира, следует отметить, что первоначально она была представлена

В. И. Шаховским, который, помимо описания процессов изъятия и оценивания эмоциональной информации, заложил основы комплексной характеристики эмоции, находящейся в тесной связи с мыслительной деятельностью человека. Безусловно, морфологический и синтаксический уровни языка также позволяют фиксировать чувства и эмоции человека; исследователи отмечают, что наиболее частотны в этом отношении субстантивы и адъективы, характеризующиеся яркой «метафорической подвижностью и семантической емкостью» [2], особенно в художественных текстах. Интересной, на наш взгляд, является точка зрения А. Вежбицкой, связывающей использование русских безличных конструкций, репрезентирующих чувства и эмоции, с фатализмом, который свойственен для носителей русского языка [3]. Данные лингвистические аспекты еще раз подтверждают методическую целесообразность обучения иностранных студентов пониманию «языка» эмоций, выраженных словесно и несловесно (например, на основе русских художественных текстов) для повышения уровня знания изучаемого языка в целом.

Сегодня в российской лингвистике эмотиология как дисциплина, возникшая на стыке психологии и языкознания, исследует связь эмоций и языка. При использовании термина «язык» нами понимается не только кодирование информации любыми графическими знаками, но и невербальный язык тела, так или иначе выражающий эмоции, то есть вторичные языковые знаки.

Таким образом, при анализе эмоционального в художественном тексте, отмечается тесная взаимосвязь эмоций и языка. Для преподавателя РКИ при изучении художественного текста в иностранной аудитории интерес представляет выявление тех языковых средств, которые, с одной стороны, выражают эмоции адресанта и, с другой - воздействуют на адресата (это так называемые «эмоциональные наслоения» [12], «эмотивные значения» [7], «категории эмотивности» [11] и др.

Эмоциональность как категорию связывают с понятием «оценочность», что, безусловно, позволяет шире раскрыть потенциал эмоционального слоя художественного текста. Обычно эмоциональность в художественной речи выражается совокупностью языковых средств разных уровней. Представление

эмоций в языке позволяет репрезентировать то или иное эмоциональное состояние человека, что возможно рассматривать как реализацию эмоционального аспекта когнитивной доминанты – эмотивности, которая является средством создания эмоционального фона текста, обуславливающим определенное эмоциональное воздействие и на читателя.

Следуя концепции Л. Г. Бабенко о трех типах эмотивных смыслов, в тексте возможно выделение читательской, персонажной и авторской эмотивности. Читательская эмотивность достигается путем усиления экспрессивности синтаксических конструкций, повторов, риторических вопросов. Эмотивность персонажа реализуется, как правило, посредством прямого и косвенного описания эмоций героя, его внутреннего состояния с помощью первичных и вторичных языковых знаков. Авторская эмотивность проявляется в оценочной лексике, которая характеризует поступки героя, его внутренние переживания. Три типа эмотивных смыслов, безусловно, работают в триединстве, но, как правило, преобладающей является все же авторская эмотивность [1]. Кроме того, ярким приемом является повторение эмоциональной лексики в пределах одного семантического поля, что способствует ее накоплению и созданию дополнительного эмоционального смыслового фона всему тексту.

Таким образом, теоретический материал по теме «Выражение эмоционального состояния» достаточно обширный, поэтому желательно проведение отдельного спецкурса в аспекте обучения РКИ. Вследствие этого на занятиях «Практического курса русского языка» в иностранной аудитории при рассмотрении данной темы преподавателю следует, адаптировав теоретический материал, использовать примеры из оригинального русского художественного текста.

В качестве иллюстрации фрагмента практической части занятия в аудитории иностранных обучающихся по изучению темы «Выражение эмоционального состояния» предлагается краткое рассмотрение рассказа А. П. Чехова «Орден» в изучаемом аспекте [10].

Предварительно разобрав с иностранными обучающимися теоретические положения изучаемой темы (категории «эмоциональность», «оценочность»,

«эмотивность», понятия «текст», «подтекст», «эмотема» и др.), предполагается перейти непосредственно к разбору текста рассказа и выявлению экспрессивных маркеров эмоций, отражающих авторскую, читательскую и персонажную эмотивность.

Рассказ начинается с описания визита учителя военной прогимназии, коллежского регистратора Льва Пустякова к поручику Леденцову с целью попросить у последнего ордена Станислава на время новогоднего обеда у купца Спичкина. Из первого монолога Пустякова мы узнаем, что купец Спичкин – *«подлец»*, что *«он страшно любит ордена и чуть ли не мерзавцами считает тех, у кого не болтается что-нибудь на шее или в петлице...»*, да к тому же у него две дочери. Судя по всему, все это для Пустякова немаловажно (а вдруг?!). Это сразу бросается в глаза, однако из этой же сцены мы можем понять, что поручик Леденцов, которого Пустяков считает своим другом, не такой уж и друг: Пустяков разговаривает *«с ним заикаясь, краснея и робко оглядываясь на дверь»*.

Таким образом, А. П. Чехов, описывая чувства главного героя посредством реализации специальных языковых единиц одной семантической группы, показывает его самую важную проблему – проблему собственной неуверенности, боязни не соответствовать, с одной стороны, и страстного желания быть на уровне, быть «своим» - с другой.

По мере развития сюжета маркеры эмоций буквально нанизываются на стержень-тему текста, тем самым подводя нас к кульминации: вот завладев вожделенным Станиславом, Пустяков, *«распахнувши чуточку шубу»* и побрякивая от удовольствия, едет к Спичкиным; вот он, *«самодовольно кашляя»*, позволяет извозчику заметить орден и с удовольствием следит за его реакцией; вот – *«выставил вперед грудь, поднял голову и, потирая руки»* входит в зал и – о, ужас! – полное изменение запланированного сценария – встречается с Трамбляном, коллегой по службе. Эта встреча обрушивает шквал эмоций на главного героя, все мысли, смятенные чувства буквально проносятся в его голове: если показать французу орден – значит *«вызвать массу самых неприятных вопросов..., осрамиться навеки, обесславиться...»*; может, сорвать орден, бежать назад; но он крепко пришит, и

отступление невозможно. Осознав безвыходность ситуации, Пустяков *«быстро прикрыв правой рукой орден, сгорбился, неловко отдал общий поклон и, никому не подавая руки, тяжело опустился на свободный стул, как раз против сослуживца-француза»*. Теперь ему совсем не до еды. С этой сцены начинается очередной эмоциональный спад: не зная, как вести себя в этой ситуации, главный герой с нетерпением ждет окончания обеда, все больше конфузаясь. Душа его, проваливаясь все дальше в эмоциональную пустоту внутреннего одиночества, наполняется *«... щемлящей тоской и злобствующей досадой»* на себя и окружающих. Таким образом, лингвистическая организация текста посредством экспрессивных маркеров оказывает на читателя определенное эмоциональное воздействие и способствует дальнейшему смысловому развитию текста.

Раскрывая имплицитный потенциал характера главного героя в сцене вынужденного обнаружения ордена, А. П. Чехов снова показывает, как *«великий ужас»* накатывает на Пустякова, он *«бледнеет», «опускает голову», «робко глядит в сторону француза»*, но вдруг видит и на его груди орден, *«целую Анну!»* Эмоции меняются прямо на противоположные, Пустяков *«смеется от удовольствия, садится на стул и разваливается... Теперь уже нет надобности скрывать Станислава! Оба грешны одним грехом, и некому, стало быть, доносить и бесславить...»*.

Именно сейчас для Пустякова наступает триумф: он уверенно ходит *«по всем комнатам»*, показывает *«барышням орден. На душе у него... легко, вольготно, хотя и пощипывает под ложечкой голод»*. Единственное, что его *«томучивает»*, как он не догадался *«нацепить Владимира»*. *«В остальном же он совершенно счастлив»*.

Выявление экспрессивных маркеров эмоций является одним из этапов формирования эмотивной компетенции иностранных обучающихся. Последующие задания могут предполагать включение упражнений для аудиторной работы с текстом, в частности, на выявление эмотивной лексики, заданий, направленных на эмотивное общение в форме коммуникативной игры, на обучение применению эмотивной лексики в подготовленной письменной речи и пр.

### **ВЫВОДЫ**

Таким образом, изучение эмотивности на занятиях по русскому как иностранному с опорой на оригинальный русский художественный текст, в частности его аналитическое чтение, дает возможность не только обучать иностранных слушателей языку, но и способствует развитию у них эмотивной компетенции. Все это в итоге позволяет выстраивать модели взаимовосприятия наций.

Эксплицитно выраженная ведущая сюжетная линия художественного текста постоянно коррелирует с описанием внутреннего мира главного героя, раскрываемым посредством эмоциональных маркеров. Это позволяет перенести движение сюжета из внешнего во внутренний мир героя, репрезентируя эмоциональную языковую картину мира и понимая эмотивность как важную когнитивную составляющую текста. Все это, безусловно, требует дальнейшего исследования эмотивности в аспекте преподавания русского как иностранного на основе не только русских художественных текстов, но и живой разговорной речи.

### **Список литературы**

1. Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке [Текст] / Л. Г. Бабенко. – Свердловск : Издательство Уральского университета, 1989. – 184 с.
2. Бабкина, А. Ю. Отражение семантических особенностей наименований чувств и эмоций человека в женской и мужской картинах мира [Текст] / А. Ю. Бабкина // В. А. Богородицкий : научное наследие и современное языковедение : тр. и матер. Междунар. науч. конф. (Казань, 4–7 мая 2007 г.). – Т. 1. – Казань: Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2007. – С. 210–215.
3. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. – М. : Рус. словари, 1997. – 410 с.
4. Жане, П. Психологическая эволюция личности [Текст] / П. Жане. – М. : Академический проект, 2010. – 399 с.

5. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства [Текст] / Е. П. Ильин. – Санкт-Петербург, 2001. – 752 с.
6. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах [Текст] / Н. А. Красавский. – М. : Гнозис, 2008. – 374 с.
7. Новиков, Л. А. Семантика русского языка: учебное пособие / Л. А. Новиков. – М. : Высшая школа, 1982. – 272 с.
8. Орехов, В. В. Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге) [Текст] / В. В. Орехов. – Симферополь : АнтикВА, 2006. – 608 с.
9. Пак, Е. В. Этимология концепта «гнев» в английском языке [Текст] / Е. В. Пак // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 96. – С. 215–218.
10. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений в 30 томах [Текст] / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1975. – Т. 2. [Рассказы. Юморески], 1883–1884. – С. 302–305.
11. Шаховский? В. И. Лингвистическая теория эмоций [Текст] / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.
12. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики [Текст] / Д. Н. Шмелев. – М., 1973. – 274 с.
13. Яблокова, Т. Н. Выражение гнева и восторга в современном английском языке [Текст] : автореф. дис. канд. филол. наук : 10. 02. 04 / Т. Н. Яблокова. – М., 2006. – 23 с.

#### References

1. Babenko L. G. *Leksicheskie Sredstva Oboznacheniya Jemotsii v Russkom Yazyke* [Lexical Means of the Denotation of Emotions in the Russian Language]. Sverdlovsk: Izdatelstvo Uralskogo Universiteta, 1989. 184 p.
2. Babkina A. Yu. *Otrazhenie Semanticheskikh Osobennostei Naimenovanii Chuvstv i Jemotsii Cheloveka v Zhenskoi i Muzhskoi Kartinakh Mira* [Reflection of the Semantic Features of the Names of Human Feelings and Emotions in the Female and Male Pictures

- of the World]. Vol. 1. Kazan: Kazanskii Gosudarsvennyi Universitet Imeni V. I. Ulyanova-Lenina Publ, 2007, pp. 210–215.
3. Vezhbickaya A. *Yazyk. Kultura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkiye Slovarei Publ., 1997. 410 p.
  4. Zhane P. *Psihologicheskaya Jevolyutsiya Lichnosti* [Psychological Evolution of the Personality]. Moscow: Akademicheskii Projekt Publ., 2010. 399 p.
  5. Ilin Ye. P. *Jemotsii i Chuvstva* [Emotions and Feelings]. Saint Petersburg, 2001. 752 p.
  6. Krasavskii N. A. *Jemotsionalnye Koncepty v Nemetskoj i Russkoj Lingvokulturakh* [Emotional Concepts in German and Russian Linguocultures]. Moscow: Gnozis Publ., 2008. 374 p.
  7. Novikov L. A. *Semantika Russkogo Yazyka: Uchebnoe Posobie* [Russian Semantics. The Textbook]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 1982. 272 p.
  8. Orekhov V. V. *Russkaya Literatura i Natsionalnyi Imidzh (Imagologicheskii Diskurs v Russko-Frantsuzskom Literaturnom Dialoge)* [Russian Literature and National Image (Imagological Discourse in the Russian-French Literary Dialogue)]. Simferopol: AntikVA Publ., 2006. 608 p.
  9. Pak E. V. *Jetimologiya Kontsepta Gnev v Angliiskom Yazyke* [Etymology of the Concept of Fear in English]. *Izvestiya Rossiiskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta Imeni A. I. Gertsena*, 2009, no 96, pp. 215–218.
  10. Chekhov A. P. *Polnoe Sobranie Sochinenii v 30 Tomakh* [Collected Works in 30 Volumes]. Vol. 2. Moscow: Nauka Publ., 1975, pp. 302–305.
  11. Shakhovskii V. I. *Lingvisticheskaya Teoriya Jemotsii* [Linguistic Theory of Emotions]. Moscow: Gnozis Publ., 2008. 416 p.
  12. Shmelev D. N. *Problemy Semanticheskogo Analiza Leksiki* [Problems of the Semantic Analysis of the Lexis]. Moscow, 1973. 274 p.
  13. Yablokova T. N. *Vyrazhenye Gneva i Vostorga v Sovremennom Angliiskom Yazyke: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Expressions of Anger and Delight in Modern English. Abstract of Thesis]. Moscow, 2006. 23 p.

**STUDYING EMOTIVENESS IN THE ASPECT OF  
RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE**

*Drozдова S. A.*

The article deals with some issues of the emotions` expression in the language, discusses the problems of the relationship of verbal and non-verbal activities, emotions, language and thinking in the process of teaching Russian as a foreign language.

The necessity of artistic texts` careful selection for studying in a foreign audience, the study of the emotional characteristics of the author and the heroes of an art`s work are substantiated, which are reflected in the formation of pretext, text and posttext assignments for foreign students. All this ultimately allows building a model of mutual nations` perception, which actually is one of the goals of studying any foreign language. Emotions as a regulator of human behavior and activity are represented in the language, thereby forming the so-called emotional linguistic picture of the world, which is only part of the conceptual emotional picture of the world. The process of emotional information evaluating associated with human mental activity is directly implemented through the identification of emotions` expressive markers reflecting the author's, reader's and character emotiveness. The article proposes the emotionality`s consideration as a cognitive component of a literary text based on the material of the story Order by A.P. Chekhov

**Keywords:** emotional overlays, expressive markers of emotions, emotiveness, verbal / non-verbal expression, emotional concept-sphere.

УДК 81'373.211

**ПОНЯТИЯ «ДВОЙНИК» И «БЛИЗНЕЦ»  
(НА ПРИМЕРЕ УРБАНОНИМИКОНА Г. ДОНЕЦКА)**

*Жуков А. Е.*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Донецк, ДНР

E-mail: Myself.myself@mail.ru

В статье рассмотрены дублирующиеся названия городских объектов в урбанонимиконе города Донецка. Представлен обзор исследований в области онимного состава языка, научных работ, связанных с процессом трансонимизации как одним из важных источников возникновения дублирующихся городских наименований. В статье рассмотрены понятие и типология урбанонимов, формулируются и обосновываются понятия «двойники» и «близнецы» как части урбанонимикона города Донецка. На основе анализа урбанонимов города определены сочетания «двойников» в группах годонимов и агоронимов, годонимов и хоронимов, годонимов и ойкодомонимов, хоронимов и ойкодомонимов, агоронимов и хоронимов. Представлены причины появления, этимология, исторические особенности, местоположение годонимов, агоронимов, хоронимов, йокодомонимов как факторы, определяющие появление «двойников» и «близнецов», проанализированы «двойники» и «близнецы» в урбанонимиконе Донецка с точки зрения их местоположения и истории. Определены виды «близнецов» в группах годонимов, агоронимов и хоронимов. В исследовании даны количественные характеристики всех видов «двойников» и «близнецов», определены детерминанты, влияющие на количественное соотношение «двойников» и «близнецов», отмечены сходства и различия между «двойниками» и «близнецами» в урбанонимиконе города Донецка.

**Ключевые слова:** урбанонимия, «двойник», «близнецы», годонимы, агоронимы, хоронимы, ойкодомонимы, трансонимизация.

**ВВЕДЕНИЕ**

Современная ономастика характеризуется освоением ранее мало изученных областей онимного пространства, одной из которых долгое время оставалась урбанонимия.

Урбанонимия – совокупность названий внутригородских объектов (от латинского «urbanus» – «городской»). К урбанонимам относятся названия улиц и переулков (годонимы), площадей (агоронимы), микрорайонов (хоронимов), отдельных домов, магазинов, кафе, ресторанов (ойкодомонимов) и т.д. [6, с. 44].

Урбанонимы помогают проследить историю развития города и являются источником ценной лингвистической и лингвокультурной информации. Особенности ландшафта Донбасса позволяют углубить представления о протекании живых процессов в языковой действительности города. Сегодня достаточно много объектов

в этой области еще не изучено, например дублирующиеся названия городских объектов, которые мы условно называем «двойниками» и «близнецами». Дублирование присутствует в урбанонимии любого города, но в истории города Донецка они особенно ярко проявились, особенно в советское время: в 60–70-е годы даже специально проводились мероприятия по переименованию некоторых городских наименований в связи с переизбытком дублирующихся урбанонимов.

В актуальных исследованиях онимного состава языков заслуженным вниманием все больше пользуются явления, связанные с семантикой имен собственных. Предпосылкой усиленного интереса к этому аспекту онимии является ряд существенных заключений ученых в области теоретической ономастики, значительно изменивших представления о характере семантики онима. Прежде всего это касается ономастических наблюдений Е. С. Отина относительно способности определенных собственных имен в течение своего бытования в речи «приобретать целый пучок значений или коннотем» [5]. Е. С. Отин наглядно показал механизмы преобразования семантики при переходе имени из одного состояния в другое. Похожие явления перехода онима из одного разряда в другой были названы трансонимизацией. По определению В. М. Калинин, трансонимизация – это процесс, при котором «внешняя форма имени остается неизменной, но меняются и денотативно-сигнификативный комплекс, и референт» [3]. Ю. А. Карпенко отметил, что «трансонимизация представляет собой самую распространенную, массовую разновидность применения лексико-семантического способа» в образовании топонимов [4]. Процесс трансонимизации освещается в работах М. М. Габорака [2], М. В. Горбаневского [3], Т. В. Чуб [9], М. В. Яковенко [10] и др. Трансонимизация является важным источником возникновения дублирующихся городских наименований, однако в большом количестве случаев дублирование является случайным, ничем не мотивированным.

**Цель работы** – обосновать понятие «двойников» и «близнецов» в урбанонимии на примере города Донецка.

**Материалом** исследования послужили наименования улиц города Донецка (2026 единиц).

**Объектом** изучения являются урбанонимы как языковые единицы, обнаруженные в ономастическом пространстве города Донецка.

**Предметом** исследования выступают «двойники» и «близнецы» в урбанонимиконе города Донецка.

#### ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В лингвистике иногда «двойниками» называют омонимы, то есть слова одинаковые по написанию и звучанию, но разные по значению [5, с. 55]. Однако для урбанонимов такая трактовка неприменима.

Основываясь на понятиях «близнецов» и «двойников» в других науках, в частности – в биологии, антропологии и т.д., попытаемся дать определения этим двум терминам и обосновать использование их в отношении к урбанонимам. Для этого необходимо обратиться к типологии урбанонимов.

Н.В. Подольская выделяет несколько типов городских наименований [6, с. 57]:

1. Годоним – название линейного объекта в городе, в том числе проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной (улица *Горького*, проспект *Мира*).

2. Агороним – название городской площади; рынка (площадь *Дзержинского*, рынок *Заперевальный*).

3. Ойкодомоним – имя собственное здания (*Донецк-Сити*).

4. Хороним городской – собственное имя части территории города, в том числе района, квартала, парка (*Буденовка*).

5. Экклезионим – собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии; в том числе церкви, часовни, креста, монастыря (*Преображенка*, *Церковь Николая*).

Некоторые названия городских объектов повторяются, например, в Донецке – микрорайон *Мирный* и переулок *Мирный*, улица *Киевская* и переулок *Киевский* и т.д. Они могут дублироваться как в одной группе урбанонимов, например в группе годонимов (улица и переулок *Засядько*), так и в разных (например *проспект Киевский* и *Киевский район*).

Городские объекты с одинаковым или однокоренным названием, но относящиеся к разным типам объектов можно объединить в группу «двойников», т.к. они имеют достаточные отличия для определения их как объектов, практически не связанных друг с другом. Как правило, эти объекты находятся в разных частях города и не имеют общей истории именования (улица *Октябрьская* и поселок *Октябрьский* в Донецке).

В то же время одинаковые городские наименования, относящиеся к одному типу объектов, можно объединить в группу «близнецов». Как правило, эти объекты расположены рядом и имеют общую историю и общие корни названия (улица *Комсомольская* и проспект *Комсомольский* в Донецке).

«Двойниками» и «близнецами» мы считаем не только омонимичные единицы, но и слова, созданные путем грамматической трансонимизации, например *улица Куйбышева* и *район Кубышевский*.

Проанализируем «двойников» и «близнецов» в урбанонимиконе города Донецка с точки зрения их местоположения и истории.

#### 1. Двойники в урбанонимии города Донецка.

1) В качестве примера двойников в группах годонимов и агоронимов можно рассмотреть улицу и площадь Коммунаров. В 1968 году Донецк пережил тотальное переименование улиц. Постановление об этом было принято Донецким горисполкомом 21 марта 1968 года «Об упорядочении названий площадей, бульваров, проспектов, улиц и переулков города Донецка». Но до населения судьбоносный документ довели только в начале апреля. Причиной топографической революции сверху было объявлено наличие многочисленных одноименных объектов. Кроме того, как отмечено в постановлении, «многим улицам присвоены случайные наименования, не соответствующие их особенностям или историческим фактам» [8]. В результате этого процесса площадь Горсада стала называться площадью Коммунаров. Площадь Коммунаров находится в центре Донецка в Ворошиловском районе. Улица Коммунаров находится в Кировском районе. История ее названия связана с переименованием в 1975 году, в связи с реконструкцией и переименованиями городских объектов (к 30-летию победы в Великой

Отечественной войне). Хотя оба объекта названы в честь живших и работавших в Донецке коммунаров, переименование происходило в разные годы и связано с разными историческими событиями [8]. Итак, улица и площадь Коммунаров имеют общее наименование, но разное местоположение и историю названия.

К «двойникам» годонимов и агоронимов относятся площадь Ленина и Ленинский проспект.

Площадь Ленина в Донецке является главной площадью города. Она находится в Ворошиловском районе. Она появилась на месте Сенного рынка, находившегося на окраине Юзовки. Архитектурный ансамбль площади создавался с 1927 года по 1967 год. До начала работ по формированию современного архитектурного облика площадь была окружена одноэтажной жилой и промышленной застройкой. В 1927 году на площади построили Дом Советов, после чего площадь переименовали в Советскую. Затем площадь называлась Центральной, так как она стала центральной площадью разрастающегося города. В середине 1960-х годов площадь получила свое нынешнее название в связи с тем, что на ней был установлен памятник В. И. Ленину.

Ленинский проспект является одним из центральных проспектов города и находится в Ленинском районе. Проспект так же, как и площадь, назван в честь вождя пролетариата. До 1953 года он назывался проспектом Metallургов в честь рабочих-металлургов Донецкого металлургического завода. Проспект Metallургов перестал существовать в 1953 году – его объединили с Ждановской улицей. Получилась длинная магистраль с новым именем. До 1980-х годов Ленинский проспект имел другое направление. Он проходил от площади Коммунаров до улицы Олимпиева и далее шёл через частную застройку вдоль трамвайного маршрута № 8. К нему примыкала Ждановская улица, которая шла от ОЦКБ (Областная центральная клиническая больница) до южной границы города. Затем улица Жданова стала частью Ленинского проспекта, который изменил своё направление. Однако дома в частном секторе по маршруту 8-го трамвая остались приписаны к Ленинскому проспекту.

В урбанонимах Донецка были отмечены 7 пар «двойников» данного типа.

2) «Двойники» в группах годонимов и хоронимов: микрорайон Солнечный и улица Солнечная. Микрорайон Солнечный расположен в Куйбышевском районе, название получил в связи с концепцией градоименования – построения новых микрорайонов с позитивными именами, например Солнечный, Голубой, Мирный [8]. Улица Солнечная находится в Пролетарском районе, появилась еще в 50-е годы. Её название связано с тем, что улица часто была освещена с солнечной стороны.

К данному типу «двойников» следует отнести улицу Кирова и Кировский район.

Улица Кирова – самая длинная улица Донецка, ее протяженность 19,6 км. До 50-х годов улица называлась Мясницкой. В 50-е годы улица получила своё название в честь С. М. Кирова – русского революционера, советского государственного и партийного деятеля. На сегодняшний день в мире существует более 3000 улиц, названных в его честь. Как правило, улица с данным названием является одной из центральных в городе: на ней обычно расположены парки, аттракционы и т.д. Улица Кирова начинается в Ленинском районе, образуя Т-образный перекресток с улицей Ткаченко, и заканчивается на границе Донецка и поселка Старомихайловка.

Кировский район города Донецка был основан в 1937 году. Район вырос из шахтерского поселка, который назывался Рутченковка. В 1930 году поселок вошел в состав города Донецка (в то время – Сталино). Далее поселок стремительно разрастался, и на его территории уже было несколько предприятий и шахт. А в 1936 году вновь была проведена реорганизация административных поселков, в результате чего был создан Кировский райсовет, под управлением которого оказался и поселок Рутченково.

В урбанонимах Донецка были отмечены 45 пар «двойников» данного типа.

3) «Двойники» в группах годонимов и ойкодомонимов: улица Южная и автовокзал Южный. Улица Южная находится в Ленинском районе, появилась в 50-е годы, название получила от направления выезда из города [8]. Автовокзал Южный находится в Ворошиловском районе, построен в 1959 году, название связано с направлением движения автобусов, которые выезжали с автовокзала.

В данной группе «двойников» обнаружены объекты, которые находятся рядом и связаны исторически. Как правило, один из объектов назван в честь второго,

например шахта им. Засядько и проспект Засядько. Но их типологическое различие дает возможность отнести их к двойникам, а не к близнецам.

В урбанонимах Донецка были отмечены 3 пары «двойников» данного типа.

4) «Двойники» в группах хоронимов и ойкодомонимов: микрорайон Боссе и завод Боссе – неофициальные урбанонимы. В данном случае отмечается название поселка Боссе в честь завода как градообразующего предприятия, т.к. в поселке проживали люди, которые работали на этом заводе [8]. Данные объекты находятся рядом и имеют общую историю названия, но являются «двойниками», т.к. имеют разную типологию.

К данной группе относятся поселок Смолянка и Дворец культуры «Смолянка».

Название поселка произошло от фамилии дворян Смольяниновых, которые проживали на данной территории до революции. Один из самых мощных и качественных угольных пластов назывался Смольяниновским (его разработка началась на смольяниновских землях). Позднее здесь появился рудник Смольяниновский и поселок, в котором жили шахтеры, стал называться Смолянкой. А за бывшей землей Смольяниновых в народе закрепилось название Смолгора.

Намного позднее, уже в 50-е годы в Куйбышевском районе построили Дом культуры (позднее Дворец Культуры), название которого для повышения популярности среди населения назвали созвучно с названием поселка Смолянка, на территории которого он находился.

В урбанонимах Донецка отмечены 43 пары «двойников» данного типа.

5) Двойники в группах агоронимов и хоронимов: поселок Победы и площадь Победы. Площадь Победы находится в Петровском районе и названа в 1985 году в честь тридцатилетия Победы над фашизмом. Поселок Победы, который находится в Буденновском районе, возник значительно раньше: его построили в 1945 году как поселок для фронтовиков, вернувшихся на работу на коксохимический завод. Новоселье выпало как раз на 9 мая, и поэтому решено было назвать поселок в честь Победы [8].

Примером двойников агоронимов и хоронимов являются площадь Октябрьская и поселок Октябрьский. Оба объекта названы в честь Октябрьской революции. Но

история появления и развития данных объектов не связана друг с другом. Площадь Октябрьская расположена в центре города Донецка в Ворошиловском районе возле исполкома. Это название ей было дано в честь 50-летнего юбилея Октябрьской революции в 1967 году. Поселок Октябрьский находится в Куйбышевском районе и назван созвучно шахте Октябрьской, для работников которой и был построен этот поселок.

В урбанонимах Донецка были отмечены 3 пары «двойников» данного типа.

Итак, анализ «двойников» урбанонимов города Донецка показал, что наиболее часто встречающейся группой двойников являются двойники, формирующие пару «годоним и хороним» (45%), далее идут «хороним и ойкодомоним» (43%), «годоним и агороним» (7%), «ойкодоним и годоним» (2,5%) и «агороним и хороним» (2,5%). «Двойники» имеют общее наименование, но различаются местоположением и историей названия, что существенно отличает их от «близнецов».

## 2. «Близнецы» в урбанонимах города Донецка

«Близнецы» в урбанонимах города Донецка были выделены в группах годонимов, агоронимов и хоронимов.

1) «Близнецы» в группе годонимов: проспект и переулок *Засядько*. Объекты расположены в Киевском районе и имеют одинаковую историю названия – в честь министра угольной промышленности СССР Александра Засядько и от названия одноименной шахты на указанной улице.

В данной группе присутствуют и «близнецы», имеющие одинаковое название, аналогичное происхождение, но расположенные в разных районах города: *Школьная* улица и бульвар *Школьный*.

Улица *Школьная* расположена в Ленинском районе, и её название произошло от школы № 39, которая была открыта в 1966 году.

Бульвар *Школьный* расположен в Ворошиловском районе и назван в честь также близлежащей школы, но уже школы № 5. Школьный бульвар в Донецке появился в середине 60-х годов на месте деревни Семеновка.

Итак, представленные «близнецы» хотя и имеют разное месторасположение, историю названия, но названы в честь одной и того же объекта – школы.

2) «Близнецы» в группе агоронимов: рынок *Привокзальный* и площадь *Привокзальная*. Оба объекта находятся в Киевском районе возле железнодорожного вокзала, с чем и связано название урбанонимов.

3) «Близнецы» в группе хоронимов: кольцо *Смолянка* – новая парковая зона и поселок *Смолянка* – неофициальный урбаноним. Оба хоронима находятся в Куйбышевском районе и (их) название происходит от фамилии дворян, которые владели этими землями до революции.

Анализ «близнецов» урбанонимов города Донецка показал, что наиболее часто встречаются «близнецы» в группе годонимов (68%).

### ВЫВОДЫ

Итак, «двойники» – это урбанонимы, которые имеют одинаковое название, но относятся к разным типам урбанонимов, а «близнецы» – урбанонимы, которые имеют одинаковое название и относятся к одному типу. Анализ урбанонимов города Донецка показал: «двойники» встречаются значительно чаще, чем близнецы. Это обусловлено тем, что количество урбанонимов, принадлежащих к разным группам значительно больше, чем урбанонимов в одной группе. В Донецке наиболее распространенными являются «двойники» в группах годонимов и хоронимов, а также хоронимов и йокодонимов «Близнецы» наиболее часто встречаются в группе годонимов. Отмечено, что «двойники» имеют общее наименование, но разное местоположение и историю названия, что их существенно отличает от «близнецов».

### Список литературы

1. Винникова-Закутняя, Т. С. Транспозиция и трансонимизация в русском языке XIX – начала XXI века в речевой деятельности и лингвистических исследованиях [Текст]: автореф. дис. ...д-ра филол. наук: 10. 02. 01 / Т. С. Винникова-Закутняя. – Донецк, 2018. – 39 с.

2. Габорак, М. М. Семантико-словотвірні типи ойконімів Прикарпаття (XII–XX ст.) [Текст]: дисс... канд. філол. наук: 10.02.01 / М. М. Габорак. – Івано-Франківськ, 1999. – 290 с.
3. Горбаневский, М. В. Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания [Текст]: автореф. дис. ... д-ра фил. наук: 10.02.01 / М. В. Горбаневский. - М., 1994. – 39 с.
4. Карпенко, Ю. О. Синхронічна сутність семантичного способу словотвору [Текст] / Ю. О. Карпенко // Мовознавство. – 1992. – № 4. – С. 5–10.
5. Отин, Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка [Текст] / Е. С. Отин // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 55–57.
6. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Н. В. Подольская. – М.: Наука, 2014. – 199 с.
7. Суперанская, А. В. Что такое топонимика? [Текст] / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1985. – 177 с.
8. Федько, А. Топонимика донецких улиц [Электронный ресурс] / А. Федько // Инфодон. – 2020. – 20 апр. – Режим доступа: <https://infodon.org.ua/donetsk/392>. – (Дата обращения 01.08.2020)
9. Чуб, Т. В. Трансонимизация как явление языка и средство поэтики онимов [Текст] / Т. В. Чуб // Логос ономастики. – 2006. – № 1. – С. 121–126.
10. Яковенко, М. В. Трансонимизация в свете общей теории номинации / [Текст] / М. В. Яковенко // Восточноукраинский лингвистический сборник. - 2007. - № 11. - С. 133–139.

#### Reference

1. Vinnikova-Zakutnyaya T. S. *Transpozitsiya i Transonimizatsiya v Russkom Yazike XIX – Nachala XXI Veka V Rechevoy Deyatelnosti i Lingvisticheskikh Issledovaniyakh: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Transposition and Transonymization in the Russian Language of the 19<sup>th</sup> – Early 21<sup>st</sup> Century in Speech Activity and Linguistic Research]. Donetsk, 2018.

2. Gaborak M. M. *Semantyko-Slovotvirni Typy Oykonomiv Prykarpattya (XII-XX St.): Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Semantic and Word-Forming Types of Oikonyms of the Carpathian Region (12<sup>th</sup>–20<sup>th</sup> Centuries)]. Ivano-Frankivsk, 1999.
3. Gorbanevsky M. V. *Russkaya Gorodskaya Toponimiya: Problemy Istoriko-Kulturnogo Izucheniya i Sovremennogo Leksikograficheskogo Opisaniya: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Russian Urban Toponymy. Problems of Historical and Cultural Study and Modern Lexicographic Description]. Moscow, 1994.
4. Karpenko Yu. O. *Synhronichna Sutnist Semantichnogo Sposobu Slovtvoru* [Synchronic Essence of the Semantic Method of Word-Formation]. *Movoznavstvo*, 1992, no 4, pp. 5–10.
5. Otin Ye. S. *Konnotativnie Onimi i Ikh Proizvodnye v Istoriko-Jetimologicheskom Slovare Russkogo Yazika* [Connotative Onyms and Their Derivatives in the Historical and Etymological Dictionary of the Russian Language]. *Voprosi Yazikoznaniya*, 2003, no 2, pp. 55–72.
6. Superanskaya A. V. *Chto Takoe Toponimika?* [What is Toponymy?]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 177 p.
7. Podolskaya N. V. *Slovar Russkoy Onomasticheskoy Terminologii* [Dictionary of the Russian Onomastic Terminology]. Moscow: Nauka Publ., 2014. 199 p.
8. Fedko A. *Toponimika Donetskikh Ulits* [The Toponymy of the Streets of Donetsk]. Infodon. 2020. Available at: <https://infodon.org.ua/donetsk/392>. (accessed 1 August 2020).
9. Chub T. V. *Transonimizatsiya kak Yavlenie Yazika i Sredstvo Poetiki Onimov*. [Transonymization as a Phenomenon of Language and a Means of Poetics of Onyms]. *Logos Onomastiki*, 2006, no.1. pp. 121–126.
10. Yakovenko M. V. *Transonimizatsiya v Svete Obshey Teorii Nominatsii* [Transonymisation in the Light of the General Theory of Nomination], *Vostochnoukrainskiy Lingvisticheskiy Sbornik*, 2007. no.11, pp. 133–139.

**THE CONCEPT OF DUPLICATE AND TWIN IN URBAN NAMES OF THE CITY  
OF DONETSK**

*Zhukov A. E.*

The article deals with duplicate names of urban objects in the urbanimicon of the city of Donetsk. It presents an overview of the researches in the field of the onym composition of the language and scientific works related to the process of transonymization as one of the important sources of duplicate urban names. The article examines the concept and typology of urbanity, substantiates and formulates the concept of duplicates and twins being a part of the urbanimicon of the city of Donetsk. Consequently, combination of duplicates in groups of godonyms and agoronems, godonyms and horonyms, godonyms and oikodomonyms, horonyms and oikodomonyms, agoronyms and horonyms is determined. Etymology, historical features, reasons behind them, and location of godonyms, agoronems, horonyms, and oikodomonyms are presented and analyzed as factors determining their occurrence. The types of twins in groups of godonyms, agoronyms and horonyms are determined. The quantitative characteristics of all types of duplicates and twins and the determinants that influence the proportion between them are identified. The similarities and differences between duplicates and twins in urban names of the city of Donetsk are noted.

**Keywords:** urban name, duplicate, twins, godonym, agoronym, horonym, oikodomonym, transonimization.

*УДК 81'373.612Белый А.*

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА  
ОККАЗИОНАЛИЗМОВ, НАЗЫВАЮЩИХ ЧАСТИ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА  
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А. БЕЛОГО «МОСКВА»)**

*Петров А. В., Сова Ю. А.*

**Таврическая академия (структурное подразделение)  
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»  
Симферополь, Россия  
E-mail: sovayulia8@gmail.com**

В романе А. Белого «Москва» отражены события и настроения, важные для понимания особенностей кризисного предреволюционного периода и начала новой эпохи в истории России. Представленное исследование вносит вклад в изучение идиостиля А. Белого как одного из ведущих писателей-символистов «серебряного века», характерной чертой которого является включение в тексты произведений синонимических рядов и лексических единиц, взятых из Словаря В. Даля. Словарь имеет непреходящее значение для русского словотворчества, что неоднократно подчеркивал А. Белый. В исследовании отражены результаты изучения словообразовательной структуры и семантики окказиональных наименований частей тела человека. Данная тематическая группа в романе представлена производными, служащими для обозначения глаз, носа, рта, морщин, рук, ног, груди и различных типов волос тех или иных персонажей. Номинации человека в романе отражают особенности его внешнего вида, походки, моральных качеств и умственных способностей. Часть лексем, созданных для характеристики действующих лиц, образована при помощи сравнения человека с животным и несет отрицательную коннотацию. С опорой на «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля были разграничены диалектные лексические единицы и индивидуально-авторские новообразования, что позволило также установить соответствие исследуемых производных семантическому типу окказиональности.

**Ключевые слова:** А. Белый, роман «Москва», Словарь В. Даля, окказионализм, семантический окказионализм, словообразовательная структура окказионализма, тематическая группа, соматизмы, идиостиль.

**ВВЕДЕНИЕ**

Изучение окказионального слова в семантическом, словообразовательном, лексикологическом, стилистическом и других аспектах представляет интерес для отечественных и зарубежных лингвистов. Исследование индивидуально-авторских новообразований, их словообразовательной структуры, семантики и стилистических особенностей является необходимым для глубокого понимания «системы принципов моделирования индивидуально авторской картины мира», или идиостиля писателя [13].

Романы «Московский чудак» (1926), «Москва под ударом» (1926) и «Маски» (1930) А. Белый объединяет в два тома одного произведения, которое отражает видение современных для писателя событий первой половины XX века. Характеристика идиостиля Андрея Белого как одного из ведущих деятелей русского символизма и модернизма предоставляет ключи к осмыслению общих тенденций в литературе Серебряного века. Наиболее известными являются работы Н. А. Кожевниковой, Л. А. Новикова, В. В. Селезнёвой, раскрывающие новообразования в прозе Андрея Белого с семантической и функциональной точек зрения.

Часть соответствий романной диалогии «Москва» и словарных статей В. Даля, а также некоторые лексические новообразования были описаны Н. А. Кожевниковой. В ряде публикаций ученый подчеркивает связь «Толкового словаря живого великорусского языка» с творчеством А. Белого. Исследователь выделяет лексемы из Словаря В. И. Даля, значение которых было переосмыслено писателем, отмечает изменение значений, но не формулирует их [8]. Н. А. Кожевникова выделяет характерное для романа объединение в одном предложении, абзаце или соседних абзацах однокоренных слов, которые могут быть как окказиональными, так и лексемами из Словаря В. Даля. Использование синонимических рядов, взятых из словарных гнезд, в художественных произведениях является одной из особенностей идиолекта В. И. Даля, которое было поддержано А. Белым в тексте романа.

Попытка описать словообразовательную структуру окказионализмов в мемуарных и прозаических произведениях А. Белого и М. Цветаевой была предпринята А. В. Горелкиной. Новообразования из романов «Москва» и «Петербург» в словообразовательном аспекте с учётом принадлежности к определенной части речи были классифицированы С. В. Кошелевой. В диссертации «Новообразования в идиолекте Андрея Белого (на материале романов “Петербург” и “Москва”)» лингвист предлагает классификацию окказиональной лексики по способу словообразования с учётом частеречной принадлежности. Ученый не ставит целью описать семантику авторских новообразований и рассматривает некоторые из узуальных, но устаревших лексем, выделенных в Словаре В. И. Даля, как

окказиональные, например, слово «глазопял». Некоторые семантические новообразования, например, «расскок», без обращения к лексикографическим источникам лингвист ошибочно относит к разряду лексических [9].

Таким образом, семантика большей части окказиональных слов остается неисследованной, а словообразовательные способы требуют уточнения с опорой на «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, значимость которого для словотворчества была высоко оценена Андреем Белым. Учет материалов данного лексикографического источника дает возможность для более точного выявления окказионализмов семантического типа, разграничения просторечной, региональной и устаревшей лексики от авторских новообразований и разъяснения их значений.

*Цель исследования* – уточнить словообразовательную структуру и изучить семантику окказиональных соматизмов и наименований человека на материале романа А. Белого «Москва».

В исследовании предложена классификация окказиональной лексики по тематическим группам, в которые может быть объединена лексика с неодинаковой частеречной принадлежностью, обладающая «нейтральными» семантическими отношениями, но относящаяся к одной сфере наименования (например, тематическая группа «части человеческого тела»). В работе были использованы практические рекомендации для классификации слов в тематические группы, которые предлагает Л. П. Крысин. Ученый считает необходимым в качестве основания для тематического отнесения принимать не наименование реалии, а сам предмет, понятие или представление. Слова, входящие в одну тематическую группу, могут соотноситься на основании связей: 1) родо-видовых (гиперонимы и гипонимы); 2) как части и целого (*окно – дом*); 3) предмета и его характерного признака (*лёд – холодный*); предмета и его предназначения (*нож – резать*); смежности или сходства понятий (*вход – выход, кожура – оболочка*) и др. [10].

#### **ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ**

В ходе исследования была выявлена одна из многочисленных тематических групп, включающая окказиональные наименования частей тела человека. Часть

новообразований связана с обозначением волос, например, в пределах одного предложения с узуальным словом «волос» соседствует окказиональное существительное «волосята», образованное при помощи суффикса **-ят-**, придающего оттенок уменьшительности. Об этом свидетельствует эпизод, описывающий встречу профессора Коробкина с японским коллегой Исси-Нисси: *Выдается ... черным стриженным волосом усиков и **волосятами** вместо бородки под очень сухую губую* [16, с. 208]. А. Белый уточняет значение авторского окказионализма, используя слово «бородка», в семантической структуре которого преобладает дифференциальная сема 'небольшой'. Таким образом, «волосята» – это 'малое количество волос, меньшее чем в бородке'.

Для характеристики математика из Японии рассказчик создает экспрессивное новообразование «задохлец»: *...стоит долгоухий японец, **задохлец лимонно-оливковый*** [16, с. 208]. Слово «задохлец» было зафиксировано в Словаре В. И. Даля как региональное с двумя связанными значениями: владимирское 'задохнувшийся в яйце цыпленок или вообще птенец; недосиженное яйцо' и нижегородское 'человек с душием' [5, I, с. 575]. Согласно классификации окказиональной лексики Н. Г. Бабенко [1], данный окказионализм должен быть отнесен к семантическому типу, так как в контекстуальном значении наблюдается актуализация сем 'нездоровый, слабый'. Таким образом, новообразование «задохлец» служит для характеристики человека, имеющего болезненный вид.

Широко представлены в романе новообразования, служащие для обозначения кудрявых волос. А. Белый при помощи суффиксации образует окказионализм «кудря» как синоним литературному слову «кудерь» в значении 'курчавая прядь волос, локон, букля; завиток, витушек': *Белеющая **кудря** волос задопятавских ... мягчайшей волною омыла завялую щеку.*

Характерной особенностью идиостиля А. Белого является использование окказиональных лексем, называющих лицо по отличительному внешнему признаку. Например, при описании Задопятава писатель создает окказионализм 'кудряен', образованный при помощи суффикса **-е/ян-**. В одном предложении автор приводит одноструктурные образования «милован», «кудряен» и «пушан»: *...делался вдруг*

*милованом почтенным, – очаровательным кудреаном, пушаном, выкатывая огромное око и помавая опухшими пальцами* [16, с. 56]. В значении окказионализма ‘пушан’, производного от субстантива «пух», наблюдается актуализация семы ‘мягкий’, в контексте слово характеризует проявляющееся качество личности и близко по семантике сочетанию «милован почтенный».

Окказиональное существительное «курчавик», образованное от прилагательного «курчавый» при помощи суффикса **-ик-**, передает значение ‘тот, кто имеет кудрявые, завитые волосы’ и служит для характеристики Ивана Ивановича Коробкина: *Попричесался, загладил махры; и казался, представьте, курчавиком...* [16, с. 233].

Окказиональное существительное «густоросль», образованное при помощи сложения основ слов «густой» и «расти» с суффиксацией (формант **-л’-**), в контексте имеет значение ‘густые волосы’: *И она [Надя] распустила перед зеркалом густоросль мягких, каштановых прядей* [16, с. 257].

В значении ‘безволосая, лысая голова, лысина’ в тексте используется окказионализм «безволосье», образованный от прилагательного «безволосый» при помощи суффикса **-ј-** со значением собирательности: *Поскреб безволосье куриною лапой* [16, с. 245].

В тексте формируются новые синтагматические связи лексических единиц, что приводит к сдвигу семантики лексем. Так, переосмысливается значение слова «ахиня». В портрете Ивана Ивановича Коробкина А. Белый подчеркивает волосы: *...макушечный клоч ахиней волос стоял дыбом.* У В. Даля «ахиня» – это ‘вздор, чепуха, бессмыслица, нелепица и т.п.’ [5, I, с. 31]. Таким образом, в семантическом окказионализме «ахиня» наблюдается индуцирование семы ‘беспорядочный’, слово использовано для обозначения не приведенной в порядок, не расчесанной и не уложенной части волос на макушке.

Особенностью окказионального словотворчества А. Белого является конструирование отымённых глаголов, производных от узуального наименования части тела. Например, писатель создает однокорневые префиксальные окказионализмы «отбородатить» и «набородатить». В контексте «отбородатить» имеет значение ‘громко, быстро и невыразительно произнести что-либо’: *Задонятов*

придав гармонический вид себе, **отбородатил** приветственно... [16, с. 57]. Слово образовано префиксально-суффиксальным способом, при помощи приставки **от-** и суффикса **-ат/и-**, по аналогии с синонимичным ему в переносном значении разговорным словом «отбарабанить». Окказиональное слово «набородатить», образованное префиксально-суффиксальным способом, при помощи приставки **на-** и суффикса **-ат/и-**, имеет значение 'придумать, изобрести, отыскать мысленно': **Набородатил** идеечек, насеребрил седины, фраз начавкал, себе юбилеев насахарил, – хо! [16, с. 150]. На семантику новообразования оказывает влияние взаимосвязь производящего слова «борода» и мыслительного процесса, которая отразилась в народном творчестве. Например, у В. И. Даля приведена иллюстрация к слову «бородатеть»: «Люди бородачают, умнеют» [5, I, с. 116].

Для наименования глаз А. Белый использует семантическое новообразование «ерзунчики», которое выделено в Словаре В. И. Даля в статье с заглавным словом «ерзать» со значением 'малый ребенок, начавший ползать'. В романе окказионализм употреблен в значении 'беспокойно двигающиеся, ерзающие глаза': *Тут у профессора глазки сверкнули – ерзунчики: злые. Нацелясь на сына, он брызнул слюною* [16, с. 85].

В синонимический ряд Андрей Белый включает окказионализм «растараски», образованный от глагола «тарашить» при помощи префикса **рас-** и суффикса **-к(и)**. Новообразование «растараски» в контексте используется в значении 'широко раскрытые от страха глаза': *Холодным, липким покрывалась; глаза – ратараски – не видели* [16, с. 313].

Из словарной статьи В. Даля с заглавным словом «морщина» с изменением лексического значения взято слово «морщень»: *...и – прерассеянно тыкался он моргощурым, дерглявым лицом, собирая на лбу драматический морщень*. В Словаре В. Даля субстантив «морщень» зафиксирован в значении 'п.м. вят. бабий головной убор, в роде кокошника, пониже и закругленный, без острого края, собранный назади сборами' [5, II, с. 349].

Синонимичное значение слову «морщина» у А. Белого имеют семантические окказионализмы «морщуля» и «морщуха»: *Она появилась опять, расправляя*

*морщую* лица...; *Старик, отивырнув желтый том, нацепивши очки и морщуху какую-то сделав себе из лица...* Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка», данные слова применимы к тому, 'кто морщится'. С помощью лексического окказионального слова «моршан», образованного при помощи суффикса **-ан-**, а также замены **щ** на **ш**, выделяется лицо профессора Коробкина в эпизоде знакомства с Исси-Нисси: *...профессор стал вдруг просиявшим моршаном* [16, с. 209].

Новообразованием Андрея Белого является слово «морщ», образованное при помощи десуффиксации от узувального «морщина» [11; 15] и используемое для описания собравшегося морщинами, принявшего гримасу лица: *Профессор... сидел, из лица сделав морщ* [16, с. 198].

В пределах одного предложения А. Белый объединяет семантический окказионализм «грудашка» и одноструктурное лексическое новообразование «роташка» при описании Грибикова: *...роташка – полоска (съел губы): грудашка – черствинка: ну словом: весь – черствель*. Субстантив «грудашка» образован от слова «грудь». В Словаре В. Даля «грудашка» – существительное общего рода, применяется для обозначения 'грудастого животного' [5, I, с. 400].

В контексте с соматизмом сопряжены однокоренные окказионализмы «черствинка» и «черствель» со значениями соответственно 'часть высохшего тела' и 'высохшее тело'.

Для описания персонажей Андрей Белый использует прием метонимии. Так, для обозначения рук создаются окказионализмы «виляй», «висляи», называющие предмет по его свойству, образу движения: *Анкашин, Иван Псевдоподиев, семинарист переулочный (руки – виляй, к девицам – подлипа)...; Представился Митя, двоящий глазами, такой замазуля, в разъерзанной курточке, руки – висляи, весь в перьях...* [16, с. 167, 53].

Писатель создает окказиональное существительное «дерганог» и наречие «дерганогом». Лексема «дерганог» в контексте имеет следующее значение: 'совершающие резкие судорожные движения при ходьбе ноги': *...вдруг пошел – прямо к двери (ну, – ноги: совсем дерганог)*. Наречие «дерганогом» реализует

значение 'хромая походка с прерывистыми движениями': ...он пошел *дерганогом*, валяся набок и едва волоча свои кости в прожолккую комнатку, где охватил запах каши и клея [16, с. 196]. Источником слова «дерганог», с иным написанием, стала устойчивая фраза, зафиксированная в Словаре В. Даля: *Кутейники, дергоноги: не нашли пути дороги, дразнят семинаристов* [5, I, с. 429]. Здесь «дергоног» – синоним к слову «кутейник», которое использовалось как шуточное прозвище клириков, церковнослужителей, пономарей и звонарей.

Значительную часть портретных описаний Андрея Белого составляет обрисовка походки персонажей. Так, Иван Иванович «быстрым расскоком» ходит по кабинету «вымолачивая пальцами походя дробь» [16, с. 21]. Слово «раскок» исследователь С. В. Кошелева относят к морфологическому новообразованию, не учитывая наличие данного слова в Словаре В. Даля со значением 'разбег и разгон вскачь, разлет скоком' [5, IV, с. 47]. Отметим нетипичную сочетаемость наречия «расскоком», которое в узусе применимо для характеристики походки лошади, в контексте же употребляется для описания стремительного перемещения Коробкина. Таким образом, наблюдается расширение лексической сочетаемости и семантический сдвиг слова.

В тексте романа зафиксирована лексическая единица «мозгляк», которая, согласно Словарю В. Даля, используется для обозначения 'слабого, хилого, хворого, безвременно одряхлевшего, тщедушного' [5, II, с. 339]. В контексте новообразование служит синонимом узуального слова «умник» с оттенком пренебрежительности: *Тоже мозгляк, – а – за пазуху, барыне я вот пожалуюсь,*

Синонимический ряд Даля «мозглость, мозгловатость, мозглявость, мозглястость» расширен существительным «мозгляйство»: ...*в псине и в перхоти, в злом раскуряе гнилых табаков, в оплеваныи, в мозгляйстве словесном...* [16, с. 25]. Оказиональное сочетание «мозгляйство словесное» используется в значении 'болтовня, пустые и длительные разговоры'.

Автор создает портрет персонажей, используя лексемы, называющие животных. Так, семантический окказионализм «волковня» в контексте с негативной коннотацией используется для обозначения жизненных условий, в которых человеку приходится претерпевать лишения, находиться в острой вражде с кем-либо.

Окказионализм по значению соотносится с устойчивым сочетанием «волчья жизнь». В Словаре В. Даля «волковня» – это ‘яма, покрытая хворостом, с привадою на шесте, для ловли волков’ [5, I, с. 233]. В пределах одного предложения объединено узуальное слово «волк» в переносном значении ‘человек угрюмый, нелюдим, волчистый’ [5, I, с. 232] и однокоренной с ним окказионализм «волковня»: *Мы по жизни проходим волками, и жизнь есть волковня* [16, с. 311]. Окказиональное слово образовано при помощи суффикса **-овн’-**, который может вносить значение как совокупности названных животных (волков), так и места.

Объединены и однокоренные окказиональные слова «псеносый» и «псеносец». Прилагательное «псеносый», образованное при помощи сложения основ с нулевой суффиксацией, употреблено в сочетании с окказиональным существительным («человечец псеносый») в значении ‘имеющий нос, по форме напоминающий песий’ [16, с. 158]. Окказионализм «псеносец» в тексте романа выделен графически при помощи кавычек, образован путём сложения основ с добавлением суффикса **-ец-**. Окказиональное существительное «псеглавец», образованное по аналогии с «псеносец», подано автором без кавычек. В контексте оно используется в значении ‘о человеке, обладающем головой, по форме и внешним признакам напоминающей соответствующую часть тела собаки’ [16, с. 158].

Контактно автор располагает слова и с общей корневой морфемой **лис-**: узуальное «лисицы глазки» и окказиональное, служащее для характеристики выражения лица («лисовато-простецкий») [16, с. 234]. Новообразование используется в значении ‘простой, но вместе с тем обладающий небольшим количеством лукавых, хитрых черт’.

Окказиональное существительное «окрыс» образовано по аналогии с близким по значению узуальным словом «оскал». В контексте значение новообразования разъясняется: *Пан Ян, приседая, как будто собравшись прыгнуть – с окрысом, – став красным, и ртом, и зубами, сквозь воздух впивался...* [16, с. 448]. Корневая морфема **крыс-** выделяется и в окказионализме «раскрысятиться»: *Лицо раскрыятилось подсмехом* [16, с. 30]. Значение окказионализма построено на сходстве

насмешливого выражения лица с передней частью головы крысы и в контексте глагол означает 'при помощи мимики приобрести выражение лица, сходное с крысиным'.

### **ВЫВОДЫ**

Окказиональные соматизмы в романе обладают ярко выраженной экспрессией и образностью, с их помощью автор емко и ярко описывает внешность и манеру поведения героев. Особенностью идиостиля А. Белого является конструирование новообразований, номинирующих лицо, морщины и мимику персонажа по характерному внешнему признаку. Основу таких окказионализмов составляют производные, мотивированные названиями животных, таких, как «пес», «волк», «лисица» «крыса» и др. Лексика, служащая для обозначения глаз рук и ног, отражает информацию о совершаемом частью тела действии. Динамический портрет героев и их окружения дан писателем при помощи окказиональных наименований походки. С наибольшей частотностью в тексте встречаются производные, называющие вьющиеся волосы, а также человека, обладающего кудрявыми волосами, преимущественно с положительной коннотацией.

Для исследования индивидуального художественного стиля А. Белого не менее важен источник лексических окказионализмов, которым стал «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля. Некоторые региональные и просторечные слова, обладающие стилистической окраской и экспрессией, стали основой соматизмов.

Результаты исследования словообразовательной структуры окказиональных имен существительных свидетельствуют о том, что наиболее продуктивным является морфологический, суффиксальный способ. Окказиональные глаголы образуются при помощи конфиксов. В словотворчестве писателя преобладают узуальные способы, однако были зафиксированы случаи обратного словообразования.

**Список литературы**

1. Бабенко, Н. Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ : учебное пособие [Текст] / Н. Г. Бабенко. – Калининград : Калинингр. ун-т., 1997. – 81 с.
2. Болотнова, Н. С. Изучение идиостиля в современной коммуникативной стилистике художественного текста [Текст] // Тезисы II Международного конгресса русистов-исследователей. – М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, Филологический факультет, 2004.
3. Винокур, Г. О. О языке художественной литературы : учебное издание [Текст] / Г. О. Винокур. – М. : Высшая школа, 1991. – 445 с.
4. Горелкина, А. В. Словообразовательные окказионализмы в мемуарных прозаических произведениях М. Цветаевой и А. Белого : автореф. дис. канд. филол. наук [Текст] / А. В. Горелкина. – М., 1999. – 21 с.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. [Текст] / В. И. Даль. – М. : ТЕРРА, 1995.
6. Земская, Е. А. Активные процессы современного словопроизводства [Текст] / Е. А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1989–1995). – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 90–141.
7. Изотов, В. П. Неузואльные способы словообразования : Конспекты лекций к спецкурсу [Текст] / В. П. Изотов, В. В. Панюшкин. – Орёл, 1997. – 40 с.
8. Кожевникова, Н. А. Словообразовательные гнезда в романе А. Белого «Москва» [Текст] / Н. А. Кожевникова // Текст. Интертекст. Культура : сборник докладов международной конференции (Москва, 4–7 апреля 2001 года). – М. : Азбуковник, 2001. – С. 520–533.
9. Кошелева, С. В. Новообразования в идиолекте Андрея Белого (на материале романов «Петербург» и «Москва») [Электронный ресурс] : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук (10.02.01) / С. В. Кошелева. – Режим доступа : <https://www.dissercat.com/content/novoobrazovaniya-v-idiolekte-andreya-belogo-na-materiale-romanov-peterburg-i-moskva> (дата обращения : 12.04.2020).

10. Крысин, Л. П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений [Текст] / Л. П. Крысин. – М. : Издательский центр «Академия», 2007. – 240 с.
11. Лыков, А. Г. Обратное словообразование [Текст] / А. Г. Лыков // Русская речь, 1987. – № 2. – С. 66–70.
12. Новиков, Л. А. Стилистика орнаментальной прозы Белого [Текст] / Л. А. Новиков. – М. : Наука, 1990. – 181 с.
13. Старкова, Е. В. Проблема понимания феномена идиостиля в лингвистических исследованиях [Электронный ресурс] / Е. В. Старкова // Вестник ВятГУ. – 2015. – № 5. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ponimaniya-fenomena-idiostilya-v-lingvisticheskikh-issledovaniyah> (дата обращения : 09.04.2020).
14. Улуханов, И. С. Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы [Текст] / И. С. Улуханов // Вопросы языкознания. – 1984. – № 1. – С. 44–54.
15. Чепурина И. В. Редеривация как способ окказионального словообразования (на материале устной спонтанной речи жителей Крыма) [Текст] / И. В. Чепурина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – Том 6 (72). – № 2. – С. 116–134.

#### Источник

16. Белый, А. Москва [Текст] / Сост., вступ. ст. и примеч. С. И. Тиминой. – М. : Сов. Россия, 1989. – 768 с.

#### References

1. Babenko N. G. *Okkazionalnoe v Khudozhestvennom Tekste. Strukturno-Semanticheskii Analiz: Uchebnoe Posobie* [Occasional in the Literary Text. Structural and Semantic Analysis. The Textbook]. Kaliningrad: Kaliningradskii Universitet Publ., 1997. 81 p.
2. Bolotnova N. S. *Izuchenie Idiostilya v Sovremennoi Kommunikativnoi Stilistike Khudozhestvennogo Teksta* [Study of Idiostyle in Modern Communicative Stylistics of

- Literary Text] *Tezisy II Mezhdunarodnogo Kongressa Rusistov-Issledovatelei*. Moscow: MGU Imeni M. V. Lomonosova, Filologicheskii Fakultet Publ., 2004.
3. Vinokur G. O. *O Yazyke Khudozhestvennoi Literatury: Uchebnoe Izdanie*. [About the Language of Fiction. The Educational Edition]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1991. 445 p.
  4. Gorelkina A. B. Slovoobrazovatelnye Okkazionalizmy v Memuarnykh Prozaicheskikh Proizvedeniyakh M. Tsvetaevoi i A. Belogo: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk [Word-Building Occasionalisms in the Memoir Prose by M. Tsvetaeva and A. Belyi. Abstract of Thesis]. Moscow, 1999. 21 p.
  5. Dal V. I. *Tolkovyi Slovar Zhivogo Velikorusskogo Yazyka: v 4-kh Tomakh* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 Volumes]. Moscow: TERRA Publ., 1995.
  6. Zemskaya Ye. A. Aktivnye Protsessy Sovremennogo Slovoпроизводства. Russkii Yazyk Kontsa XX Stoletiya (1989–1995) [Active Processes of Modern Word Production. The Russian Language of the Late 20<sup>th</sup> Century]. Moscow: Yazyki Russkoi Kultury Publ., 2000, pp. 90–141.
  7. Izotov V. P. Panyushkin V. V. *Neuzualnye Sposoby Slovoobrazovaniya: Konspekty Lektsii k Spetskursu* [Unusual Ways of Word-Building. Lecture Notes for a Special Course]. Orel, 1997. 40 p.
  8. Kozhevnikova N. A. *Slovoobrazovatelnye Gnezda v Romane A. Belogo Moskva* [Word-Building Nests in A. Belyi's Novel Moscow]. *Tekst. Intertekst. Ku'tura: Sbornik Dokladov Mezhdunarodnoi Konferentsii (Moskva, 4–7 Aprelya 2001 Goda)*. Moscow: Azbukovnik, 2001, pp. 520–533.
  9. Kosheleva S. V. *Novoobrazovaniya v Idiolekte Andreja Belogo (na Materiale Romanov Peterburg i Moskva): Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Neologisms in the Idiolect of Andrei Belyi (Based on the Novels Petersburg and Moscow). Abstract of Thesis]. Available at: <https://www.dissercat.com/content/novoobrazovaniya-v-idiolekte-andreya-belogo-na-materiale-romanov-peterburg-i-moskva>. (accessed 12.04.2020).
  10. Krysin L. P. *Sovremennyi Russkii Yazyk. Leksicheskaya Semantika. Leksikologiya. Frazheologiya. Leksikografiya: Ucheb. Posobie dlya Stud. Filol. Fak. Vysshylh*

---

*Uchebnykh Zavedenii* [The Modern Russian Language. Lexical Semantics. Lexicology. Phraseology. Lexicography. The Textbook for Students of Philological Faculties of Universities]. Moscow: Akademiya Publ., 2007. 240 p.

11. Lykov A. G. *Obratnoe Slovoobrazovanie* [Reverse Word-Building]. *Russkaya Rech*, 1987, no 2, pp. 66–70.
12. Novikov L. A. *Stilistika Ornamentalnoi Prozy Belogo* [Stylistics of Belyi's Ornamental Prose]. Moscow: Nauka Publ., 1990. 181 p.
13. Starkova Ye. V. *Problema Ponimaniya Fenomena Idiostilya v Lingvisticheskikh Issledovaniyakh* [The Problem of Understanding the Phenomenon of Idiostyle in Linguistic Research]. *Vestnik VyaTGU*, 2015, no 5. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ponimaniya-fenomena-idiostilya-v-lingvisticheskikh-issledovaniyah>. (accessed 09.04.2020).
14. Ulukhanov I. S. *Uzualnye i Okkazionalnye Yedinitsey Slovoobrazovatelnoi Sistemy* [Usual and Occasional Units of the Word-Building System]. *Voprosy Yazykoznanija*, 1984, no 1, pp. 44–54.
15. Chepurina I. V. *Rederivatsiya kak Sposob Okkazionalnogo Slovoobrazovaniya (Na Materiale Ustnoi Spontannoi Rechi Zhitelei Kryma)* [Rederivation as a Way of Occasional Word –Building (Based on the Spontaneous Oral Speech of the Inhabitants of the Crimea)]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federalnogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki. Nauchnyi Zhurnal*. Tom 6 (72), no 2, pp. 116–134.

#### Source

16. Belyi A. *Moskva* [Moscow]. Comp and intr. by S. I. Timina. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1989. 768 p.

**WORD-BUILDING STRUCTURE AND SEMANTICS OF OCCASIONALISMS,  
NAMES OF THE PARTS OF THE HUMAN BODY (ON THE MATERIAL OF  
THE NOVEL MOSCOW BY A. BELYI)**

*Petrov A. V., Sova Yu. A.*

The novel Moscow by A. Belyi reflects the events and moods that are important for understanding the features of the crisis pre-revolutionary period and the beginning of a new era in the history of Russia. The presented research contributes to the study of A. Belyi's idiostyle as one of the leading symbolist writers of the Silver Age, a characteristic feature of which is the inclusion in the texts of works of synonyms and lexical units taken from the Dictionary of V. Dahl. The dictionary is of enduring importance for Russian word building, which A. Belyi always emphasized. The study reflects the results of studying the word building structure and semantics of occasional names of human body parts. This thematic group in the work is represented by derivatives that serve to denote eyes, nose, mouth, wrinkles, arms, legs, chest and various types of hair of certain characters. The person's nominations in the novel reflect the characteristics of his appearance, gait, moral qualities and mental abilities. Some of the lexemes created to characterize the characters are formed by comparing a person with an animal and have a negative connotation. Based on the Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by V. Dahl, dialectal lexical units and individual author's new formations were distinguished, which also made it possible to establish the correspondence of the studied derivatives to the semantic type of occasionality.

**Keywords:** A. Belyi, the novel Moscow, V. Dahl's Dictionary, occasionalism, semantic occasionalism, word building structure of occasionalism, thematic group, somatisms, idiostyle.

УДК 811.581.11

## ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА «ДРАКОН» КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

*Пляскина Е. А.*

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»  
г. Чита, Россия  
E-mail: [katyushao1989@mail.ru](mailto:katyushao1989@mail.ru)

Данная статья посвящена описанию понятий «значение» и «смысл» применительно к китайскому языковому знаку «дракон». Языковой знак как порождение трансцендентного и имманентного любой лингвокультуры представляет собой чрезвычайно интересный феномен отдельной культуры и языка. В этом смысле актуально проследить взаимосвязь и взаимопорождение значения и смысла языкового знака. Предметом исследования являются значение и смысл языкового знака «дракон» (*龍 lóng*) китайской лингвокультуры. Цель исследования: установить характер отношений между значением и смыслом рассматриваемого языкового знака. Актуальность настоящей работы обусловлена отсутствием подобного рода исследований применительно к конкретному знаку языка. В статье используются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, метод компонентного анализа, методы контекстуального анализа. В статье поднимается проблема соотношения понятий «значение» и «смысл», являющаяся одной из дискуссионных в лингвистике, психологии, логике, приводятся различные интерпретации данных терминов. Особый интерес для исследования представляют трансцендентные смыслы, не обусловленные внутренними свойствами объекта, представляющие результат конвенции, существующей в той или иной лингвокультуре. Смысл знака, как правило, мотивирован (хотя не всегда явно) его языковым значением, однако неоднократное употребление знака для передачи одного и того же смысла приводит к закреплению последнего в качестве одного из компонентов значения. Все это позволяет сделать вывод о взаимосвязи и взаимопорождении значения и смысла языкового знака. Результаты исследования могут способствовать дальнейшему изучению проблемы соотношения значения и смысла языкового знака в целом.

**Ключевые слова:** языковой знак, значение, смысл, дракон, китайская лингвокультура, трансцендентный, имманентный.

### ВВЕДЕНИЕ

Значение и смысл, являясь близкими по своей природе явлениями, нередко отождествляются. Вместе с тем, уже начиная со времен античности, учеными отмечалось наличие двух разных сущностей, взаимосвязанных и в то же время взаимно противопоставленных. На протяжении длительного времени проблемой разграничения рассматриваемых терминов занимались и продолжают заниматься представители различных научных направлений: лингвистики, философии, логики, психологии.

В данном исследовании акцент будет сделан в первую очередь на лингвистическом понимании значения и смысла. Теоретической базой статьи

послужили работы Ф. де Соссюра, А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко, А. В. Бондарко и др. Проблеме определения и соотношения данных категорий в современной лингвистике посвящены многочисленные исследования ([1; 10; 11; 18] и др.). Исходным для нашего исследования будет считаться факт о непризнании синонимичности терминов «значение» и «смысл». И тот, и другой характеризуют содержательную сторону языкового знака, однако отражают разные аспекты плана его содержания, в связи с чем требуют разграничения.

Предметом настоящего исследования являются значение и смысл языкового знака «дракон» (龍 *lóng*) китайской лингвокультуры. Цель исследования: установить характер отношений между значением и смыслом рассматриваемого языкового знака. Достижение поставленной цели предполагает решение ряда задач: 1) разграничение лингвистических терминов «значение» и «смысл»; 2) раскрытие значения и смысла китайского языкового знака «дракон» с использованием языкового материала; 3) установление характера взаимоотношений значения и смысла языкового знака «дракон».

Актуальность настоящей статьи обусловлена дискуссионностью и недостаточной степенью внятности в современной лингвистике таких терминов, как «значение» и «смысл». Кроме того, немалый интерес представляет проблема взаимодействия смысла и значения отдельного языкового знака, что возможно проследить на примере китайского языкового знака «дракон».

Китайская цивилизация, являясь одной из древнейших в мире, всегда отличалась своей самобытностью и обособленностью. Одной из характеризующих ее особенностей является глубокое уважение к традициям и обычаям, их неизменность на протяжении долгого времени. Разумеется, это не могло не наложить отпечаток и на язык, тесную связь которого с культурой вряд ли кто-то будет оспаривать. Поэтому языковые знаки китайской лингвокультуры представляют собой богатый материал для изучения. Особенно это касается знаков, возникших в древности и имеющих длительную историю, каким является и рассматриваемый языковой знак «дракон».

Представляя собой особый лингвокультурный феномен, языковой знак в своем значении аккумулирует элементы трансцендентного и имманентного отдельно

взятой лингвокультуры. Предполагается, что именно трансцендентное начало является основным источником расширения смысла при образовании языковых значений.

Результаты исследования могут быть применены в дальнейших исследованиях значения и смысла отдельных языковых знаков, а также способствовать решению проблемы соотношения терминов «значение» и «смысл» в целом.

В статье использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, метод компонентного анализа, методы контекстуального анализа. Материалом для исследования послужили тексты китайского классического романа «Речные заводи» на китайском и русском языках, фразеологические и лексические единицы.

#### **ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ**

Значение слова нередко определяют через понятие, вплоть до полного отождествления данных терминов: «...значение слова есть понятие» [17, с. 6]. Однако чаще их все же разграничивают, мотивируя это тем, что значение исследуется в языковой системе, в то время как понятие исследуется в системе отношений и форм и изучается различными науками [11, с. 239]. К тому же значение шире понятия [цит. по: 11, с. 239]. Значение принадлежит языку, понятие не ограничивается системой языка. Эта характеристика значения отличает его не только от понятия, но и от другого близкого к нему термина – «смысл».

Языковой знак, являясь результатом акта мышления и отражением внеязыковой действительности (или ее интерпретацией), вместе с тем представляет собой качественно новый, самостоятельный организм, живущий уже по законам языка. Сочетаясь с другими языковыми знаками в процессе вторичного семиозиса, он способен создать бесконечное множество новых смыслов, которых первоначально у него не было. Этим он отличается как от самой «стоящей» за ним вещи, так и от понятия об этой вещи, представляющего собой совокупность ее существенных признаков.

Несмотря на длительную историю изучения, «значение» и «смысл» можно по праву считать одними из наиболее спорных лингвистических терминов, имеющими

огромное множество определений. Так, даже в рамках одной работы Ч. Огдена и А. Ричардса «Значение значения» («The meaning of meaning», 1923) приводится 16 типов употребления слов mean и meaning [19].

Одно из первых научных осмыслений данная проблема получила в работе Г. Фреге «Смысл и денотат» (нем. «Über Sinn und Bedeutung»). Под смыслом знака автор понимал то, что отражает способ представления обозначаемого данным знаком [14, с. 354], под значением – денотат, то есть, вещь, которая обозначена данным знаком. Один и тот же денотат может обозначаться по-разному, а потому, иметь разный смысл.

Основоположник знаковой теории языка Ф. де Соссюр значением называет то, что находится в отношении соответствия (*contre-partie*) с акустическим образом [7, с. 114], отношение знака (означающего) к понятию (означаемому). Вслед за Соссюром данной позиции придерживались Л. Вейсгербер и Ст. Ульман, однако в их работах отношение между означающим (звуковой формой) и означаемым (содержанием, смыслом) трактуется не как ассоциативная (психическая), связь, а как функция, возводимая в закон знака [20; 21].

В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой значение определяется как «семантический состав слова, отображение предмета действительности в сознании, становящееся фактом языка вследствие установления постоянной и неразрывной его связи с определенным звучанием, в котором оно реализуется» [2, с. 155]. Смысл – то содержание (значение), которое слово получает в данном контексте употребления, в данной конкретной речевой ситуации (ситуации общения) [Там же, с. 423].

А. В Бондарко называет значением содержание единиц и категорий данного языка, включенное в его систему и отражающее ее особенности, план содержания языковых знаков [3, с. 53]. Смысл – это содержание, не связанное лишь с одной формой или системой форм данного языка, – то общее, что объединяет синонимичные высказывания и высказывания, сопоставляемые при переводе с одного языка на другой [Там же]. Таким образом, смысл представляет собой

конкретное содержание, которое необходимо передать как при переводе, так и в процессе коммуникации.

Значение и смысл противопоставляются как объективное абстрактное и субъективное конкретное содержание [5, с. 325]; как закрепленное за данной единицей языка относительно стабильное во времени и инвариантное содержание, знание которого входит в знание данного языка и связанная со словом информация, изменчивая во времени, варьирующая в зависимости от свойств коммуникантов, знание которой не обязательно для знания языка [6, с. 12]; как стабильная, постоянная и вариативная, переменная, динамическая части содержания языкового знака [1, с. 31]; как цель и средство [10, с. 139]. Смысл слова проявляется через отношения значения, которые слово устанавливает с другими словами в языке [18, с. 80]. Именно это объясняет столь важную роль контекста для раскрытия смысла. Отмечается, что понимание знаков происходит не изолированно друг от друга, а в определенном контексте [13, с. 503].

Исходя из вышеизложенного, под значением мы понимаем содержание языкового знака, закрепленное в языке, и неизменное в определенный период развития отдельного языка. Смысл же представляет собой конкретный вариант реализации значения в рассматриваемом контексте, в процессе понимания которого учитываются не только языковые, но и внеязыковые факторы (прагматические, субъективные и т. д.). Смысловое содержание языкового знака всегда шире значения, оно включает в себе потенциальные возможности использования данного знака, все варианты употребления, в том числе еще не реализованные, которые могут возникать в различных ситуациях общения.

Итак, языковой знак возникает как отражение определенного культурного феномена, являясь по отношению к нему вторичным. Для конкретной лингвокультуры он представляет собой порождение ее трансцендентного и имманентного, являющихся движущей силой процесса языкового семиозиса. Трансцендентное – это та сумма потенциальных смыслов, которой может быть наделен объект [12, с. 39]. Трансцендентные смыслы не обусловлены внутренними свойствами объекта, они – результат конвенции, существующей в той или иной

культуре. Именно трансцендентное зачастую обуславливает межкультурные различия в интерпретации имманентно неразличимых объектов. Механизм образования трансцендентных значений различен и с трудом поддается логическому анализу. Нередко он основывается на особых, понятных лишь носителю конкретной лингвокультуры ассоциациях, невидимых для стороннего наблюдателя.

Сумма потенциальных нереализованных семантических значений, имплицитно сокрытая в отчужденном объекте, мерцает как сфера трансцендентного [12, с. 39]. Применительно к языковому знаку в данном случае можно говорить не о значении, а о смысле, который данный знак напрямую не выражает, но потенциально может подразумевать при наличии соответствующего контекста. Соотношение трансцендентных и имманентных смыслов в содержании разных знаков неодинаково. Как правило, высоким уровнем трансцендентности обладают языковые знаки, существующие на протяжении достаточно длительного периода времени, означаемое которых представляет для данной лингвокультуры особую значимость.

Рассматриваемый языковой знак «дракон» в китайской лингвокультуре может обозначать весьма широкий круг предметов, как выводимых из свойств его первичного означаемого, так и не обусловленных ими напрямую. Дракон в Китае всегда занимал особое место, являлся одним из четырех священных животных. По одной из версий истоки подобного отношения кроются в древних представлениях о том, что дракон был тотемным животным древнекитайских племен (Вэнь Идо [цит. по: 25, с. 2], Э. М. Яншина [16, с. 42] и др.). Другое мнение (проф. А. А. Маслов) гласит, что изначально китайские лун (龍 *lóng*) были вовсе не драконами, то есть зооморфными мифическими существами, а духами, либо медиумами (шаманами), которые впускали в себя этих духов, перевоплощаясь, таким образом, в них [9, с. 104]; либо амбивалентным человеко-духом или человеко-стихией [Там же, с. 98].

С точки зрения соотношения трансцендентного и имманентного в содержании языкового знака последняя версия представляет особый интерес. Отмечается, что искусственный феномен (объект-медиатор) есть форма имманентизации трансцендентных принципов упорядочения в предметной форме [12, с. 173]. Объект-медиатор не равен самому себе, следовательно, он *a priori* имеет знаковую природу.

Если следовать данной версии, то можно сделать вывод о том, что то, что позднее «превратилось» в китайского дракона, первоначально представляло собой нечто, находящееся за гранью человеческого понимания, нечто «потустороннее». Позднее оно объективировалось в более понятном, имманентном: сначала это был шаман в маске, затем – гибридное существо, состоящее из частей тела разных животных. Так, по одной из версий, дракон имел голову верблюда, рога цилиня<sup>2</sup>, глаза черепахи, уши быка, тело змеи, ноги ящерицы, [передние] лапы тигра, когти орла, рыбью чешую, в уголках рта у него усы, а в низу лба жемчужина [28, с. 306]. Возможно, именно такое неясное, окутанное тайной происхождение означаемого языкового знака послужило одной из причин, по которым он обрел столь большое количество переносных значений.

В «Большом толковом словаре китайского языка» приводится 22 дефиниции лексемы «дракон». Каждая из них представляет собой самостоятельное значение. Автор высказывания, намереваясь передать тот или иной смысл, апеллирует к одному из значений языкового знака (в рамках данной статьи мы не будем выяснять, какие словарные дефиниции рассматриваемой лексемы являются значениями, а какие – вариантами употребления). Вместе с тем, не следует забывать о том, что, как уже упоминалось ранее, смысл не является простым воспроизведением одного из словарных значений, он лишь опирается на него, дополняя и обогащая, а в некоторых случаях – изменяя. Языковой знак, конкретизируясь в конкретном контексте, в окружении других знаков, становится обозначением именно того предмета, о котором идет речь, а не множества предметов, в отличие от своего языкового значения.

Рассматриваемый языковой знак не всегда имел столько значений, как в современной китайской лингвокультуре. Следует полагать, что первоначальным (насколько можно судить по данным лексикографических источников) является прямое номинативное значение: *«Мифическое сверхъестественное животное. Тело*

---

<sup>2</sup> Мифическое существо, называемое также «китайским единорогом», одно из четырех «благовещих» животных»

длинное, в форме змеи, имеет чешую и когти, может создавать тучи и дождь, глава водной фауны» [24, с. 1459-1460]. В процессе развития знака к первоначальному значению добавились новые, некоторые из них сохранялись, другие нет (например, устаревшие: блеск, слава, величие, почет; благосклонность, милость [Там же]). Вместе с тем, основным источником пополнения списка значений следует считать смыслы, имеющие, по всей видимости, трансцендентное начало.

Рассмотрим следующий пример. *今年祖龙死* (В этом году Предок-дракон умер) [26]. Смысл лексемы «предок-дракон» в данном случае вовсе не «мифическое сверхъестественное животное», а «первый император Китая Цинь Шихуан, правивший с 246 до 210 г. до н. э.». Одним из объяснений употребления языкового знака *龙 lóng* в данном случае служит то, что в династию Хань, когда выходец из крестьян Лю Бан стал императором, ему пришлось придумать себе тотем, в качестве которого и был официально объявлен дракон. При этом была создана версия о чудесном зачатии и о драконообразном облике, который будто бы имел Лю Бан при рождении и в отдельные моменты жизни [4, с. 38]. Интересно отметить, что в своем прямом номинативном значении *龙 lóng* является словесным знаком с пустым денотатом, поскольку отражает представление людей о вымышленном предмете (мифическом существе). Однако в рассматриваемом примере, будучи использованным для передачи смысла «Цинь Шихуан», он отсылает к вполне конкретному референту.

Позднее *龙 lóng* стал обозначать императора вообще. Так появились выражения *真龙天子 zhēn lóng tiān zǐ* «истинный дракон – сын неба», *金龙 jīnlóng* «золотой дракон» (об императоре), лексемы *龙衣 lóngyī* «одежда дракона» (одеяние императора), *龙旗 lóngqí*, «императорский штандарт» (знамя династии Цинь), *龙楼 lónglóu* «башня дракона» (императорская резиденция), *龙体 lóngtǐ* «тело дракона» (особа государя) и пр.

Однако помимо культурной традиции, истоки формирования значения «император» у *lóng* могут лежать и в собственно языковых закономерностях развития значения знака. Допустить подобное предположение позволяет обращение к

этимологии лексемы *lóng*. Существует мнение, что китайское *long* генетически связано с тюркским *ulug* ~ *uluw* «дракон». При этом в качестве доказательства приводятся эволюционные изменения в казахском: *ulug* > *uliq* «великий; правитель; чиновник» ~ *uli* «великий, большой» ~ *uluw* «крокодил (большой водный хищник); улитка» / монгольск. *luw* «змея, дракон» (каз. – *uluw jili* – «год дракона») [цит. по: 8, с. 20].

В данном случае обращает на себя внимание параллелизм в развитии значений в разноструктурных языках: каз. *uliq* «великий; правитель; чиновник» и кит. *lóng* «император», каз. *uluw* «крокодил (большой водный хищник)» (реальное пресмыкающееся) и кит. *lóng* (мифическое пресмыкающееся). Схожие значения могут быть результатом заимствования, однако могут быть обусловлены и параллельным самостоятельным развитием на основе выделения одного и того же признака (в данном случае «великий»). Косвенным подтверждением данной точки зрения можно считать появление в китайском языке лексем 恐龍 *kǒnglóng* динозавр (букв. «страшный дракон»); 魚龍 *yúlóng* ихтиозавр (букв. «рыба-дракон»); 巨龍 *jùlóng* титанозавр (букв. «огромный дракон»); 飛龍 *fēilóng* птерозавр (букв. «летающий дракон») и т. п. (перенос по признаку «пресмыкающееся»).

Наконец, употребление языкового знака 龍 *lóng* в смысле «император», позднее закрепившееся в языке как переносное значение, может быть обусловлено указанием на главенствующее положение означаемого в дефиниции, описывающей прямое номинативное значение («глава водной фауны» [23, с. 1459], «глава чешуйчатых» [22, с. 3605]). Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что употребление языкового знака «дракон» для обозначения императора было обусловлено мотивационным потенциалом смысла, заложенным в прямом номинативном значении знака. В то же время, закрепившись в языке в результате многократного повторения, смысл способствовал расширению значения слова, став его неотъемлемой частью.

身穿紫绣龙袍 [27] – Сам он был в халате, расшитом фиолетовыми драконами [о князе Дуань-ване] [15, с. 24] ... 把绣龙袍前襟拽起扎揣在条儿边. Полы его халата

были подоткнуты за пояс. В данном случае интерес представляет сравнение способа передачи смысла оригинала и перевода. В оригинале в обоих случаях употребляется одно и то же слово 龙袍 («драконовый халат»), имеющее переносное значение «парадное платье императора». В первом случае выражение 绣龙袍 переведено буквально «халат, расшитый драконами», во втором – просто «халат». Буквальный перевод в первом случае необходим для того, чтобы русскоязычный читатель мог представить внешний облик героя произведения, однако далее для понимания, о каком халате идет речь, нет необходимости использовать данную конструкцию, для русского языка достаточно громоздкую. Тогда как для китайского читателя 龙袍 – совсем не то же самое, что «халат», это особый лингвокультурный феномен.

为因学得一家道术，善能呼风唤雨，驾雾腾云，江湖上都称贫道做入云龙 [27].

Овладев также искусством волшебства, я легко могу вызывать дождь и ветер и даже летать на облаках. За это вольный люд окрестил меня «Драконом, летающим в облаках» [15, с. 219]. Согласно поверьям древних китайцев, дракон мог создавать тучи и гром, вызывать дождь, обладал способностью к полету. Однако в рассматриваемом примере речь идет о герое романа «Речные заводи» монахе Гун-Сунь Шэне, выражение «Дракон, летающий в облаках» употребляется в смысле «тот, кто может создавать тучи и дождь» [24, с. 1459-1460], то есть управлять стихиями. Кроме того, использование языкового знака «дракон» по отношению к Гун-Сунь Шэню может быть мотивировано также и тем, что он имеет переносное значение «выдающийся по уму и способностям; незаурядный человек; необыкновенный человек». Мы полагаем, что данное значение возникло вследствие использования семного поля «сверхъестественный (чудесный, удивительный)» (в оригинале «神异»):

八龙 bālong восемь драконов (обр.: восемь крупнейших талантов эпохи, рода, семьи);

犹龙 yóulong подобен дракону (обр. о гениальном человеке);

潜龙 qiánlong (прячущийся дракон) не проявивший себя еще гений, непроявленный талант;

卧龙 wòlóng спящий дракон (о выдающемся деятеле); лежащий дракон (прозвище Чжугэ Ляна).

只教智深; 脚尖起处, 山前猛虎心惊; 拳头落时, 海内蛟龙丧胆 [27]. Но они не знали Чжи-шэня: он мог так ударить ногой, что сам тигр испугался бы, а когда пускал в ход кулаки, то пугался даже морской дракон [15, с. 109]. В данном случае словосочетание «морской дракон» обозначает самое сильное и могущественное существо, какое можно представить. Обладая способностью управлять стихиями, дракон мог вызвать наводнение или засуху, что для земледельческой цивилизации, какой являлся Китай, было великим бедствием. Использование данного метафорического оборота дает понять, что герой романа, Чжи-шэнь, обладает огромной физической силой. Общий смысл фразы «был очень сильным противником» не выводится из прямых значений составляющих ее знаков, являясь полностью образным. Похожие мотивы легли в основу фразеологизма 老虎口里夺脆骨, 龙背上揭 lǎohǔ kǒulǐ duó cuìgǔ lóng bèishàng jiē shēnglín «из тигриной пасти вырвать хрящик, со спины водяного дракона сорвать чешую» (совершить опасное, безрассудное мероприятие).

Характерно, что при употреблении в смысле «сила, мощь» дракон, как правило, фигурирует вместе с другим священным животным – тигром. Тигр в Китае считается царем зверей, поэтому, само собой разумеется, что если кто и равен по силе дракону, то только он. Это нашло свое отражение в том числе и во многочисленных фразеологических оборотах. [23]:

龙争虎斗 – «битва дракона и тигра»; соперники стоят друг друга;

龙盘虎踞 – «здесь окопались драконы и тигры»; неприступный участок (позиция) ~ рус. как неприступная крепость;

降龙伏虎 «укрощать драконов и усмирять тигров» (обр. в знач.: обладать огромной силой, быть могущественным);

龙潭虎穴 – «пучина дракона и лежбище тигра» (опасное место) ~ рус. самое пекло.

### **ВЫВОДЫ**

Рассмотренные в статье компоненты содержательной стороны языкового знака – значение и смысл, соотносятся между собой как инвариант и вариант, как общее и частное, как устоявшееся, закреплённое и новое, изменчивое. Смысл языкового знака репрезентирует все возможные и потенциально возможные случаи его употребления. Вместе с тем, смысл знака, как правило, мотивирован его языковым значением, как основой, на базе которой формируется тот или иной смысл. Одновременно, неоднократное употребление языкового знака для передачи одного и того же смысла приводит к закреплению последнего в качестве одного из компонентов значения, приводя к его расширению, обогащая содержание языкового знака. Так, слово «предок-дракон», обозначавшее Цинь Шихуана, мотивировало появление у 龍 значений *«император»*, *«императорский»*. Все это позволяет сделать вывод о взаимосвязи и взаимопорождении значения и смысла языкового знака.

Трансцендентное начало языкового знака является основой, на которой формируется большая часть его переносных значений. Трансцендентные смыслы не связаны с первоначальным значением напрямую. Однако употребление знака для передачи нового, нехарактерного для него смысла, как правило, является мотивированным, даже если эта мотивация скрыта. Выявление связей переносных значений с первоначальным мотивационным потенциалом смысла способствует более глубокому раскрытию содержания последнего.

При возникновении нового денотата, требующего очередного обозначения, возникают два основных варианта развития событий. Первый – создание для данного денотата нового знака (первичный семиозис). Второй – использование для него уже имеющегося языкового знака, то есть явление вторичного, собственно языкового, семиозиса. Языковой знак «дракон» показал высокую продуктивность в образовании производных значений, что объясняется многогранностью обозначаемого им предмета в представлениях древних китайцев, его непостижимостью и тем отношением к нему, которое изначально сложилось в китайской лингвокультуре.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Когнитивная семантика в аспекте лингвосомиозиса [Текст] / Н. Ф. Алефиренко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – СПб., 2007. – С. 28–38.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – М. : Либроком, 2018. – 576 с.
3. Бондарко, А. В. О стратификации семантики [Текст] / А. В. Бондарко // Общее языкознание и теория грамматики : материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. – СПб., 1998. – С. 51–63.
4. Васильев, Л. С. Культы, религии, традиции в Китае [Текст] / Л. С. Васильев. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2015. – 488 с.
5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
6. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика [Текст] : учеб. пособие / И. М. Кобозева. – М. : Ленанд, 2019. – 352 с.
7. Курс общей лингвистики [Текст] / ред. Ш. Балли и А. Сеше / под общ. ред. М. Э. Рут. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.
8. Лебедев, Р. В. Интерпретация некоторых сакральных топонимов Саяно-Алтая в свете этногонических тюрко-монгольских мифов [Текст] / Р. В. Лебедев // Вестник БГУ. – 2017. – Вып. 1. – С. 16–28.
9. Маслов, А.А. Китай: укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз [Текст] / А. А. Маслов. – М. : Алетея : Культурный центр «Новый Акрополь», 2006. – 480 с.
10. Мирошникова, З. А. Лексическое значение и смысл [Текст] / З. А. Мирошникова // Вестник СГТУ. – 2011. – № 4. – Выпуск 3. – С. 135–140.
11. Никитина, В. В. Проблема разграничения: значение vs смысл vs понятие vs концепт как метаязык описания семантической структуры языкового знака [Текст] / В. В. Никитина // Грамота. – Тамбов. – 2020. – Том 13. – Выпуск 6. – С. 238–242.
12. Пелипенко, А. А. Культура как система [Текст] / А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко. – М. : Издательство «Языки русской культуры», 1998. – 376 с.

13. Сергеева Ю. М. К вопросу о смысловой структуре слова как знака языка / Ю. М. Сергеева // Преподаватель XXI век. – 2016. №4. – Том 2. – С. 500–509.
14. Фреге, Г. Смысл и денотат [Текст] / Г. Фреге // Семиотика и информатика. – М. – 1997. – Вып. 35. – С. 352–379.
15. Ши Най-ань. Речные заводи. Том 1 / пер. с кит. А. П. Рогачева / под ред. В. С. Колоколова. – Рига : Издательская фирма «Полярис», 1992. – 500 с.
16. Яншина, Э. М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии [Текст] / Э. М. Яншина. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. – 248 с.
17. Carnap, R. Meaning and Necessity. A Study in Semantics and Modal Logic. Chicago : University of Chicago Press, 1988, pp. 3–6.
18. Cruse, D. A. Language, meaning and sense: semantics. An encyclopaedia of language. Edited by N. E. Collinge. London: Routledge, 1990, pp. 78–93.
19. Ogden, C. K., Richards, J. A. The meaning of meaning: A study of the influence of language upon thought and of the science of symbolism. N.Y., 1927, pp. 185–208.
20. Ullman, St. The Principles of Semantics. Oxford, 1963, pp.160–161.
21. Weisgerber, L. Grundzüge einer inhaltbezogenen Grammatik. Dusseldorf, 1962, pp. 37–87.
22. 辞源. 上册 / 商务印书馆编辑. 修订本. 北京 : 商务印书馆, 2006. 3308 千字.
23. 汉语成语词典 / 何平主编. – 成都: 电子科技大学出版社, 2004. 1004 页.
24. 汉语大词典. 卷 12. 上海: 汉语大词典出版社, 1993. 1517 页.
25. 庞进. 八千年中国龙文化. 北京: 人民日报出版社, 1993. 590 页.
26. 史记 . 卷 六 . 秦始皇本纪 [Электронныйресурс]. Режим доступа: <http://www.guoxue.com/book/shiji/0006.htm>. – (Дата обращения: 01.10.2020).
27. 施耐庵, 罗贯中. 水浒传. 北京 : 人民文学出版社, 1989. 1394 页.
28. 说文解字 / «线装经典»编委会编. 昆明 : 云南教育出版社, 2010. 383 页.

References

1. Alefirenko, N. F. *Kognitivnaya Semantika v Aspekte Lingvosemiozisa* [Cognitive Semantics in the Aspect of Linguistic Semiosis]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. SPb., 2007, pp. 28–38.
2. Akhmanova, O. S. *Slovar' Lingvisticheskikh Terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. M.: Librokom Publ., 2018. 576 p.
3. Bondarko, A. V. *O Stratifikatsii Semantiki* [About Stratification of Semantics] // *General Linguistics: Proceedings of readings devoted to 90-th anniversary of S. D Katsnel'son*. Spb., 1998, pp. 51–63.
4. Vasil'ev, L. S. *Kul'ty, Religii, Traditsii v Kitae* [Cults, Religions, Traditions in China]. M.: Publishing Firm «Vostochnaya literatura» RAN, 2015. 488 p.
5. Karasik, V. I. *Yazykovoii Krug: Lichnost', Kontsepty, Diskurs* [Language Circle: Person, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena Publ., 2002. 352 p.
6. Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaya Semantika: Uchebnoe Posobie* [Linguistic Semantics]. M.: Lenand Publ., 2019. 352 p.
7. *Kurs Obshchei Linguistiki* [Course in General Linguistics] / edit. by Sh. Balli and A. Seshe / under the general edit. Of M. E. Rut. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo Universiteta, 1999. 432 p.
8. Lebedev, R. V. *Interpretatsiya Nekotorykh Sakral'nykh Toponimov Cayano-Altaya v Svete Etnogonicheskikh Tyurko-Mongol'skikh Mifov* [Interpretation of Some Altai-Sayan Sacred Toponyms in Light of Ethnogenic Turkic-Mongolian Myths]. *Vestnik BGU*, 2017. Iss. 1, pp. 16–28.
9. Maslov, A. A. *Kitai: Ukroshcheniye Drakonov: Dukhovnye Poiski i Sakral'nyi Ekstaz* [China: a Taming of Dragons. Spiritual Searches and a Sacred Ectasy]. M.: Aleteia: Kul'turnyi tsentr «Novyi Akropol'» Publ., 2006. 480 p.
10. Miroshnikova, Z. A. *Leksicheskoe Znachenie i Smysl* [Lexical meaning and meaning]. *Vestnik SGTU*, 2011, no. 4, issue 3, pp. 135-140.
11. Nikitina, V. V. *Problema Razgranicheniya: Znachenie vs Smysl vs Ponyatie vs Kontsept kak Metazyk Opisaniya Semanticheskoi Struktury Yazykovogo Znaka* [Problem of differentiation: meaning vs sense vs notion vs concept as Meta-Language to Describe

- Semantic Structure of Linguistic Sign]. *Gramota*. Tambov, 2020, volume 13, issue 6, pp. 238–242.
12. Pelipenko, A. A., Yakovenko, I. G. *Kul'tura kak Sistema* [Culture as a System]. M.: Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1998. 376 p.
  13. Sergeeva Yu. M. K Voprosu o Smyslovoi Struktire Slova kak Zhaka Yazyka [To the Issue of Semantic Structure of the Word as a Language Sign]. *Prepodavatel' XXI Vek*, 2016, no. 4, volume 2, pp. 500–509.
  14. Frege, G. *Smysl I Denotat* [Sense and Denotatum]. *Semiotika i Informatika*. M., 1997. Iss. 35, pp. 352–379.
  15. Shi Nai-an'. *Rechnye zavodi* [Water margin]. Volume 1. Riga: Polyaris Publishing Firm, 1992. 500 p.
  16. Yanshina, E. M. *Formirovaniye I Razvitie Drevnekitaiskoi Mifologii* [Formation and Development of Ancient Chinese Mythology]. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literaturny izdatel'stva «Nauka», 1984. 248 p.
  17. Carnap, R. *Meaning and Necessity. A Study in Semantics and Modal Logic*. Chicago: University of Chicago Press, 1988, pp. 3–6.
  18. Cruse, D. A. *Language, Meaning and Sense: Semantics. An Encyclopaedia of Language*, edited by N. E. Collinge. London: Routledge, 1990, pp. 78–93.
  19. Ogden, C.K., Richards, J.A. *The Meaning of Meaning: A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism*. N.Y., 1927, pp. 185–208.
  20. Ullman, St. *The Principles of Semantics*. Oxford, 1963, pp. 160–161.
  21. Weisgerber, L. *Grundzüge einer inhaltbezogenen Grammatik*. Dusseldorf, 1962, pp. 37–87.
  22. 辞源. 上册 / 商务印书馆编辑. 修订本. 北京: 商务印书馆, 2006. 3308 千字
  23. 汉语成语词典 / 何平主编. – 成都: 电子科技大学出版社, 2004. 1004 页.
  24. 汉语大词典. 卷 12. 上海: 汉语大词典出版社, 1993. 1517 页.
  25. 庞进. 八千年中国龙文化. 北京: 人民日报出版社, 1993. 590 页.
  26. 史记. 卷六. 秦始皇本. Available at: <http://www.guoxue.com/book/shiji/0006.htm>. (accessed 1 November 2020).

27. 施耐庵, 罗贯中. 水浒传. 北京: 人民文学出版社, 1989. 1394 页.
28. 说文解字 / «线装经典»编委会编. 昆明: 云南教育出版社, 2010. 383 页.

## THE MEANING AND THE SENSE OF LINGUAL SIGN «DRAGON» OF CHINESE LINGUISTIC CULTURE

*Plyaskina E. A.*

This article is devoted to description of notions «meaning» and «sense» toward Chinese lingual sign «dragon». A lingual sign as a generation of the linguistic culture presents extremely interesting phenomenon of a particular culture and a language. In this regard it is actual to trace the correlation and mutual generation of the meaning and the sense of a lingual sign. The subject of the study is the sense and the meaning of the Chinese lingual sign «dragon». The research objective is to determinate the character of relationship between the meaning and the sense of the lingual sign under consideration. The relevance of the study is determined by the absence of this kind of research relating to specific language sign. The article uses general scientific methods of analysis and synthesis, a descriptive method, a method of component analysis, methods of contextual analysis. The article deals with a problem of the relationship among notions «meaning» and «sense» which is one of the controversial in linguistics, psychology, logics. The article describes different interpretations of these terms. It is especially interesting for the study to describe transcendental senses which are not determined by internal properties of the object but represent a result of a particular linguistic culture convention. The study results can contribute to further studying of a problem of correlation between meaning and sense of a language sign overall. It leads to the conclusion about correlation and mutual generation of the meaning and the sense of a lingual sign. A sense of a sign is motivated by its language meaning as a rule (although it is not always obvious). Though frequent use of the sign for transfer the same sense lead to fixation of the latter as a component of the meaning.

**Keywords:** lingual sign, meaning, sense, dragon, Chinese linguistic culture, transcendental, immanent.

УДК 811.22/161

## ОСЕТИНСКИЙ ЯЗЫК В ЯЗЫКОВОМ ЛАНДШАФТЕ СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ ОСЕТИИ: ЦЕННОСТНЫЙ РАКУРС И МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства  
образования и науки Республики Южная Осетия в рамках научного проекта № 20-512-07003*

*Тамерьян Т. Ю.*

**ФГБУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова»,  
Владикавказ, Россия  
E-mail: tamertu@mail.ru**

Мультикультурная ментальность северных и южных осетин, сформировавшаяся в Республике Северная Осетия-Алания, отражает векторы государственной языковой политики Российской Федерации, осуществляемой в условиях этнокультурного разнообразия. Исследование проводится в междисциплинарном русле с опорой на достижения политической лингвистики, теоретические разработки в областях когнитивной и социолингвистики, лингвокультурологии, би- и полилингвизма. Многоплановый осетино- и русскоязычный материал, включающий данные парламентских и правительственных сайтов Северной и Южной Осетии, результаты блиц-опроса населения и тексты жанров официальных поздравлений, информационных сообщений и лозунгов лежит в основе исследования. Статья нацелена на демонстрацию сложившегося концептуального поля этнической общности в рамках мультикультурного коммуникативного пространства в республиках проживания этнических осетин – Северной и Южной Осетиях, сложившейся в результате применения общегуманитарной стратегии сохранения и развития всех языков и культур. Концептуальный анализ высказываний о роли родного языка показал высокий значимостный индекс осетинского языка для сохранения этнической идентичности не только осетин, но и других народов, населяющих данные республики. Текстовые фрагменты свидетельствуют о том, что другие народы воспринимают культурно-языковое своеобразие рассматриваемых регионов как «дух родной земли», при исторически объединяющей роли русского языка и культуры в межэтническом и межкультурном взаимодействии. Анализ показал, что метафорический образ осетинского языка в осетинско-русской картине мира объективируется такими разновидностями когнитивных метафор, как: *астрономическая, базисная, историческая, коннекционная, культурная, психологическая, религиозная, матерналистская, метафора условная, флористическая, ценностностная, юридическая и эволюционная*. Структура концептуальных моделей представления образа осетинского языка варьируется от одиночных конструкций до комбинированных и кластерных, усложняющихся на основе аддикции и уточнения. Особую разновидность составляют компаративные метафорические модели.

**Ключевые слова:** осетинский язык, концептуализация этнической общности, когнитивная метафора, концептуальная модель, полилингвизм, мультикультурализм, межэтническая коммуникация.

### ВВЕДЕНИЕ

Активное развитие нового направления языкознания - политической лингвистики – связано с возросшим интересом к исследованию

социоэтнолингвистических проблем, отражающих особенности развития современных внутри- и внешнеполитических процессов на различных уровнях их проявления, что и объясняет актуальность обращения к материалу политического дискурса общественного опроса в полилингвальном ракурсе.

Полилингвизм стал нормой в современном обществе. Многоаспектность данного явления рассмотрена в целом ряде теоретических направлений и методологических подходов – лингвистическом, психологическом, социологическом, педагогическом (В. А. Аврорин, Л. Блумфилд, У. Вайнрайх, Е. М. Верещагин, Ю. Д. Дешериев, В. В. Кабакчи, А. Е. Карлинский, Э. Хауген, У. Дж. Фишмана, и др.), однако ценностно-значимый, образно-метафорический и когнитивный анализ объективации концепта «осетинский язык» в языковом в полиэтническом сознании населения Северной и Южной Осетий осуществляется впервые.

Функциональная дистрибуция русского и родного языков напрямую зависит от социальной и профессиональной разновидности адресатов и стратегической направленности общения. Несмотря на наличие в республиках координативного типа билингвизм, интерференция в речи носителей осетинско-русского двуязычия является нормой узуса. Такая ситуация сложилась прежде всего под влиянием роли русского языка как источника формирования специальных групп лексики, а также с учетом дифференциации осетинского и русского языков по сферам общения: русский язык в большей степени ориентирован на деловую и педагогическую зоны коммуникации, на реализацию межэтнического общения и установление международных связей, поддерживаемых на русском языке. Что касается осетинского языка, то он в значительной мере служит для бытовой и художественной коммуникации [20; 21].

*Целью* настоящей статьи является комплексное когнитивное исследование особенностей фиксации в осетино-русской языковой картине мире жителей Республик Северная и Южная Осетия метафорического образа этнического языка как значимого фактора, влияющего на формирование полиэтнического аспекта коммуникации.

*Материалы и методы.* Данное исследование проведено на основе блиц-опросов о значении осетинского языка, лозунгов культурно-просветительских мероприятий в День осетинского языка, материалов выступлений в жанре поздравления руководителей парламента Республик Северная Осетия и Южная Осетия с привлечением текстов выступлений и встреч первых лиц государства. Ведущими методами исследования послужили дискурсивный и контекстуальный подходы и метод концептуального анализа.

### ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Метафорическое представление осетинского языка в современном северо- и юго-осетинском дискурсах, представленное в двуязычном воплощении, свидетельствуют о сформировавшихся актуальных идеологемах межкультурного и межэтнического взаимодействия и ценностных приоритетах народов, считающих язык любого этноса общим достоянием и фактором укрепления духовной общности людей.

Анализ контекстов сквозь призму теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [19] служит инструментом выявления аксиологически значимого содержания концепта осетинского языка как языка титульного этноса не только среди носителей осетинско-русского билингвизма, но также у носителей русского языка как родного или языка межэтнического общения [16].

Всемирно известные строки из Коста Хетагурова (Весь мир – мой храм, /любовь – моя святыня,/ Вселенная – отечество мое.... ) и высказывание Вильгельма фон Гумбольдта (Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык) отражают базовые направления концептуализации идеи мультикультурализма, формирования глобального культурно-языкового пространства в аспекте внутригосударственного межэтнического единства и кросскультурной общности, с одной стороны, и сохранение и развитие этнической идентичности, с другой [1].

Глава Республики Северная Осетия Алания Вячеслав Зелимханович Битаров выразил глубинное содержание потребности в поддержании единого пространства

межэтнической и межкультурной коммуникации на праздновании Дня славянской письменности и культуры, последовавшем за Днем осетинского языка и литературы. По мнению руководителя, такая языковая политика свидетельствует «об общности языкового пространства всех народов, проживающих в нашей многонациональной республике»; «Мы всегда вместе, и богатейшие сокровища каждой нации и народности, составляющих понятие «многонациональная семья» Северной Осетии – наше общее достояние». Идея общности и разнообразия заключена в бережном отношении к общенациональному богатству («нам одинаково дороги и русские сказки, и нартский эпос народов Кавказа, и греческие танцы, и грузинские песни, и украинские частушки») и традиционно значимое для осетин «уважение к истории Отечества, к его главным духовным истокам, ставшим *общей* судьбой для всех народов России» [5].

В ознаменование выхода в свет 15 мая 1899 года во Владикавказе сборника стихотворений «Осетинская лира» («Ирон фандыр) основоположника осетинского языка и литературы, поэта, драматурга, публициста и художника Коста (Константина) Левановича Хетагурова День осетинского языка литературы (Указ ирон æвзаг æмæ литературæйы боны тыххæй) утвержден в 2003 году указом Президента РСО–Алания (в тот период А.С. Дзасоховым) в целях повышения общественного внимания к сохранению и развитию осетинского языка как важнейшей составной части национальной культуры. Данный приказ как отражение стратегии республики в области языковой политики был написан на двух языках – русском и осетинском [17].

Коста Хетагуров не одобрял «ревнителей национальной замкнутости», он раздвинул рамки родной культуры, вобрав в нее все богатство других народов, продемонстрировал блестящий образец культурного взаимодействия: творческое наследие было обогащено стихотворениями, пьесами, статьями и заметками, написанными на русском языке [7].

Крылатые строки Коста «Весь мир – мой храм» из стихотворения «Я не пророк» [18, с. 171] предопределили глобальную тенденцию к созданию общегуманитарного пространства коммуникации.

Осетины после распада СССР представляют собой разделенный этнос - северные осетины, проживающие в Республике Северная Осетия-Алания в составе РФ, и южные осетины по другую сторону Кавказского хребта, вышедшие из состава Грузии и провозгласившие о создании независимого государства в 1991 году. Осетинский язык представлен иронским и дигорским диалектами и рядом говоров.

Опираясь на блиц-опрос, проведенный Информационным Агентством «Рес» Республики Южной Осетии под девизом «Будущее осетинского языка – в наших руках», сканируя названия и лозунги мероприятий в честь Дня осетинского языка, а также высказывания политиков, мы выявили метафорические и ценностные доминанты, репрезентирующие концепт «осетинский язык» в языковом сознании осетин-билингвов и коренных жителей республики других национальностей [2].

Психологическая метафора представления языка, впервые озвученная Вильгельмом фон Гумбольдтом, «язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык» [6. с. 70-711; 3] стала наиболее резонансной для данного исследования. Категоризация базовой этнической ценности, осетинского языка, отразила неизменность наличия духовного ядра, источника идентичности, как одного из важнейших атрибутов социальной природы, *мощного фактора формирования этнической группы осетин.*

Экспликация образа родного языка структурно представлена одиночными метафорическими моделями – «осетинский язык – это культура/ традиция/история» – или *метафорическими кластерами*, состоящими из *психологической, исторической, культурной, ценностностной, религиозной* видов когнитивных метафор или их комбинаций, служащих разнонаправленными проекциями из нескольких концептуальных доменов:

*«Осетинский язык – душа осетинского этноса, его культура, его древний быт, его традиции»;*

*«<...> язык – это душа народа»;*

*«Известно, что язык – это элемент культуры и духовности нации»;*

*«Для меня родной язык – это святое, моя история и культура»;*

*«Родной язык у осетин – это самое драгоценное, что может быть, и надо его сохранить»;*

*«Язык – это самая ценная часть нашей культуры, а литература – ее богатство».*

На осетинском языке идея ценности и роли родного языка вербализуется на основе аддитивной метафорической модели, присоединяющей *флористическую*, *базисную* и *коннекционную* метафоры: *«Мадаелон æвзаг у адæймаджы удыхъæды дидинаг, нæ хъаруйы цæджындз, фæлтæрты 'хсæн фидар хид <...>».* – рус. язык - это *цветок* души человека, *основа* нашей силы, *прочный мост* между поколениями <...>» [14].

*«Родной язык для каждого народа – бесценный дар, сохраняющий вековую мудрость прошлого и дающий силы жить и созидать ради благополучия будущих поколений»* [9].

В дискурсах Главы Республики Северная Осетия-Алания Вячеслава Битарова и Президента Республики Южная Осетия Анатолия Бибилова метафорическая концептуализация осетинского языка ярко окрашена идеологически. Так, на выступлении на I Съезде учителей осетинского языка во Владикавказе и во время празднования Дня осетинского языка и литературы в Южной Осетии руководители посредством ценностной метафоры обосновали значимость мероприятий по развитию национального языка:

*«Самое ценное, что оставили нам наши предки – это наш родной язык»* (В. Битаров) [4].

*«Язык по своему значению считается главной историко-культурной ценностью, живой памятью народа и продолжением его истории. Через века наши предки пронесли главное достояние своей нации – родной язык. Он не раз был на грани исчезновения, но родной язык все же удалось сохранить* (А. Бибилов) [11].

Уточняющая метафора *хранилища* аккумулирует рассмотренные выше виды метафор, репрезентируя осетинский язык как сокровищницу этноса:

*«Осетинский язык является хранителем богатейшей духовной культуры»* [2].

Высказывание афинского оратора и публициста Исократ: «Эллинами называются скорее те, кто участвует в нашей культуре, чем те, кто имеет общее с нами происхождение» [15, с.104], – неоднократно интерпретированное С. Б. Струве по отношению к народам России, которых нужно считать русскими, может быть перефразировано по отношению к мультикультурному составу осетинского общества, включающего более 110 национальностей в Северной Осетии и более 16 этносов в Южной Осетии следующим образом: «Все, кто участвует в осетинской культуре – осетины» независимо от национальной принадлежности.

Данный вывод основывается на высказываниях людей различных национальностей, считающих Северную и Южную Осетию своим домом, на патриотических чувствах тех, «кому дорога история нашего народа, кто считает себя частью Осетии» [10], а также тех, «кто родился и вырос на земле Осетии, кто считает ее своей Родиной, кому дорога *многовековая история нашего народа*»; тем, «кому *дорога осетинская культура и осетинская речь, кто все свои силы, знания и опыт вкладывает в ее развитие*» [10].

Глубинные принципы мультикультурализма и языковое разнообразие, которым испокон веков следовали осетины, служат ориентиром политического, экономического, социального, религиозного и других направлений взаимодействия в любых ситуациях межэтнической коммуникации. В этих условиях все жители многонациональной Осетии, независимо от национальности, осознают значение каждого родного языка для духовного и нравственного единства нашего народа.

На примере поздравления Председателя Правительства Республики Северная Осетия Алексея Мачнева, этнического русского, с Днем осетинского языка и литературы продемонстрируем метафорическую модель, концептуальная структура которой представляет собой сочетание объективаторов двух сфер-источников с уточняющими компонентами: « $X \rightarrow Y_1 (Z + Z_1) + Y_2 (Z_2 + Z_3)$ », где X – сфера – мшень (*осетинский язык*),  $Y_1$  – сфера-источник<sub>1</sub>,  $Y_2$  – сфера-источник<sub>2</sub>,  $(Z + Z_1)$  – элементы первого уточнения  $(Z_2 + Z_3)$  – элементы второго уточнения. Посредством актуализации ресурсов двух концептуальных доменов реализуют *юридическая и эволюционная* метафорические модели:

*«Осетинский язык для нашего народа – это не только уникальный источник национальных обычаев и самобытных традиций, передаваемых от поколения к поколению, но и главный залог его идентичности и развития»* [10].

Епископ Владикавказский и Аланский Леонид (Горбачёв), предпринимающий серьезные шаги для введения осетинского языка в повседневную богослужебную практику, посредством культурно-исторической и ценностной метафор ассоциирует себя с осетинским народом и манифестирует долг своего служения для сохранения и развития этнической целостности осетин:

*«<...> наши предки смогли пронести сквозь столетия и сохранить для потомков свое сокровище – древний аланский язык»;*

*«Язык – это живая память народа и продолжение его истории»* [13].

Метафора условия, эксплицируемая на осетинском и русском языках, отражает гипотетически предполагаемые последствия, к которым может привести отказ от бережного сохранения и поддержания языка этноса: *«Нæй æвзаг – нæй адæм»/«Нет языка – нет народа»/«Если не будет языка, то не будет и народа»* [14].

На основе *матерналистской сравнительной* метафорической конструкции осетинский язык уподобляется *родной матери*: *«Он (язык) должен быть нам столь же сладок, как родная мать»*. К когнитивной области материнства примыкает и высказывание одного из респондентов, использовавшего фразеологизм *«впитывать с молоком матери»* - «усваивать с ранних лет»:

*«Он (язык) впитывается с молоком матери»* [2].

Анализ названий-лозунгов мероприятий и книжных выставок, посвящённых Дню осетинского языка и литературы, позволил вывить еще несколько ракурсов метафорической концептуализации осетинского языка – это метафорическая цепочка, эксплицированная *химической* и *люминесцентной* моделями осет. *«Ирон Авзаг! Мæ зынджы хай, ма арт! Æрттив!»* - рус. *«Осетинский язык! Мой огонь, мой костер! Сверкай!»*. Данное высказывание как сложное когнитивное образование начинается с *персонифицированного* обращения к осетинскому языку с заглавной буквы.

Сравнительная астрономическая модель проявляет функциональные признаки люминесцентности: осет. «*(Ирон авзаг) Ёнусты сæртæ нæм стъалыйау æрттивы*» - рус. «*(Осетинский язык) Через века горит (сияет), как звезда*». Таким образом, в осетинской картине мира осетинский язык ассоциируется с источником света, тепла, блеска [20].

### ВЫВОДЫ

Подытоживая проведенное исследование, отметим следующее.

Благодаря политике мультикультурализма и стратегии формирования общих гуманитарных ценностей не только у представителей осетинского этноса, но и других национальностей проявилось ощущение «духа осетинской земли», общей региональной идентичности, выраженной посредством осетинского языка.

В билингвальной картине мира носителей осетинского и русского языков жителей Северной и Южной Осетии образная репрезентация концепта «осетинский язык» по итогам исследования реализуется на основе 15 видов концептуальных метафор: *астрономической, базисной, исторической, коннекционной, культурной, психологической, религиозной, материалистской, метафорой хранилища, метафорой люминесцентности, условной, флористической, ценностностной, юридической и эволюционной.*

Когнитивные модели экспликации образа осетинского языка структурируются на одиночные, комбинированные, кластерные и сравнительные. Семантико-синтаксическая сочетаемость ключевых элементов в комплексных метафорических моделях формируется за счет аддикции, конкретизации или уточнения.

### Список литературы

1. Алпатов, В. М. Языковая политика в современном мире [Текст] / В. М. Алпатов // Научный диалог. – 2013. – № 5(17). – С. 8–28.
2. Будущее осетинского языка – в наших руках. Блиц-опрос // ИА «Рес» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cominf.org/node/1166529916> (дата обращения 15.05.2020).

3. Вайсгербер, Л. Родной язык и формирование духа [Текст] / Л. Вайсгербер. – Москва : Эдиториал УРСС, 2004. – 232 с.
4. Выступление В. Битарова на I Съезде учителей осетинского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://alania.gov.ru/news/5878> (дата обращения 24.05.2018).
5. Вячеслав Битаров. День славянского языка и культуры / В. Битаров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://alaniatv.ru/privetstvie-vyacheslava-bitarova-v-den-slavyanskoj-pismennosti-i-kultury/> (дата обращения 24.05.2020).
6. Гумбольдт В., фон. Язык и философия культуры [Текст]/ В. фон Гумбольдт. – Москва : Прогресс, 1985. – 448 с.
7. Не померкнет слово правды // Горец [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <https://gorets-media.ru/page/kosta-hetagurov> (дата обращения 15.01.2015).
8. Качмазова, А. У., Тамерьян, Т. Ю. Этническое пространство языковой стререотипизации «свои – чужие – свои» [Текст] / А. У. Качмазова, Т. Ю. Тамерьян. – Владикавказ : СОГУ, 2017. – 197 с.
9. Поздравление Председателя Парламента РСО-А Алексея Мачнева // Северная Осетия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sevosetia.ru/Article/Index/358600> (дата обращения 15.05.2020).
10. Поздравление Алексея Мачнева с Днем осетинского языка // Слово. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://gztslovo.ru/news\\_full\\_page/novosti/Pozdravlenie-Alekseya-Machneva-s-Dnem-osetinskogo-yazyka/](http://gztslovo.ru/news_full_page/novosti/Pozdravlenie-Alekseya-Machneva-s-Dnem-osetinskogo-yazyka/) (дата обращения 15.05.2017).
11. Поздравление с Днем осетинского языка // Парламент Республики Южная Осетия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.parliamentorso.org/node/85622> (дата обращения 15.05.2018).
12. Поздравления епископа Владикавказского и Аланского с Днем осетинского языка и литературы // Владикавказская и Аланская епархия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://blagos.ru/content/pozdravlenie-episkopa-vladikavkazskogo-i-alanskogo-leonida-s-dnem-osetinskogo-yazyka-i> (дата обращения 15.05.2017).
13. Поздравление Главы Республики Северная Осетия-Алания Т. Д. Мамсурова с Днем осетинского языка и литературы // Республика Северная Осетия-Алания.

- [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://alania.gov.ru/index.php/news/2123> (дата обращения 15.05.2013).
14. Родной язык – главное достояние осетинского народа // Спутник. Южная Осетия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://sputnik-ossetia.ru/South\\_Ossetia/20200515/10584636/Bibilov-rodnoy-yazyk---glavnoe-dostoyanie-osetinskogo-naroda-.html](https://sputnik-ossetia.ru/South_Ossetia/20200515/10584636/Bibilov-rodnoy-yazyk---glavnoe-dostoyanie-osetinskogo-naroda-.html) (дата обращения 15.05.2020).
15. Струве, П. Б. *Patriotica. Политика, культура, религия, социализм* [Текст] / П. Б. Струве. – Санкт-Петербург, 1911. – 329 с.
16. Тамерьян, Т. Ю. Интердискурсивные метафорические модели [Текст] / Т. Ю. Тамерьян // *Когнитивные исследования языка*. – 2013. – № 14. – С. 236–240.
17. Указ Президента РСО–Алания о Дне осетинского языка и осетинской литературы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nslib.tnweb.ru/karta/language.html> (дата обращения 22.02.2003).
18. Хетагуров, Коста. Стихотворения и поэмы [Текст] / К. Хетагуров. – Ленинград: Советский писатель, 1959. – 350 с.
19. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago; London: University of Chicago press, 1980. 242 p.
20. Tameryan T. Yu., Zheltukhina M. R., Slyshkin G. G., Shevchenko A.V., Katermina V. V., Sausheva Y. V. New country's political discourse: formation of speech technologies. *Modern Journal of Language Teaching Methods*, 2018, vol. 8, pp. 11–18.
21. Tameryan T. Y., Zheltukhina M. R., Slyshkin G. G., Zelenskaya L. L., Ryabko O. P., Bodony M. A. Political Media Communication: Bilingual Strategies in the Pre-Election Campaign Speeches. *Online Journal of Communication and Media Technologies*, 2019, vol. 9, no. 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.29333/ojcm/5869>.
22. 15 май Ирон æвзаг æмæ литературæйы бонь тыххæй (15 мая День осетинского языка и литературы) // Министерство культуры Республики Северная Осетия–Алания. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mk.alania.gov.ru/news/392> (дата обращения 14.05.2018).

References

1. Alpatov V. M. *Yazykovaya Politika v Sovremennom Mire* [Language Policy in the Modern World]. *Nauchnyi Dialog*, 2013, no. 5(17), pp. 8–28.
2. *Budushchee Ssetinskogo Yazyka – v Nashikh Rukah. Blitz–Opros* [The Future of the Ossetian Language Is in Our Hands. The Blitz Survey]. IA Res. Available at: <http://cominf.org/node/1166529916> (accessed 15.05.2020).
3. Weisgerber L. *Rodnoi Yazyk i Formirovanie Dukha* [Native Language and the Formation of the Spirit]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004. 232 p.
4. *Vystuplenie V. Bitarova* [Speech by V. Bitarov]. 1<sup>st</sup> Congress of Teachers of the Ossetian Language. Available at: <http://alania.gov.ru/news/5878> (accessed 05.24.2018).
5. Vyacheslav Bitarov. *Den' Slavyanskogo Yazyka i Kul'tury* [Day of the Slavic Language and Culture]. Available at: <http://alaniatv.ru/privetstvie-vyacheslava-bitarova-v-den-slavyanskoy-pismennosti-i-kul'tury/> (accessed 24.05.2020).
6. Humboldt V. fon. *Yazyk i Filosofiya Kul'tury* [Language and Philosophy of Culture]. Moscow: Progress Publ., 1985, 448 p.
7. *Ne Pomerknit Slovo Pravdy* [The Word of Truth Will Not Fade]. *Gorets*. Available at: <https://gorets-media.ru/page/kosta-hetagurov> (accessed 15.01.2015).
8. Kachmazova A. U., Tameryan T. Yu. *Jetnicheskoye Prostranstvo Yazykovoi Strereotipizatsii Svoi – Chuzhiye – Svoi* [Ethnic Space of Linguistic Stereotyping Ours – Strangers – Ours]. Vladikavkaz: SOGU Publ., 2017. 197 p.
9. *Pozdravlenie Predsedatelya Parlamenta RNO-A Alekseya Machneva* [Greetings from the Chairman of the Parliament of the Republic of North Ossetia–Alaniya Alexei Machnev]. *Severnaya Osetiya*. Available at: <http://sevosetia.ru/Article/Index/358600> (accessed 15.05.2020).
10. *Pozdravlenie Alekseya Machneva s Dnem Osetinskogo Yazyka* [Greetings from Aleksey Machnev on the Ossetian Language Day]. *Slovo*. Available at: [http://gztslovo.ru/news\\_full\\_page/novosti/Pozdravlenie-Alekseya-Machneva-s-Dnem-oseinskogo-yazyka/](http://gztslovo.ru/news_full_page/novosti/Pozdravlenie-Alekseya-Machneva-s-Dnem-oseinskogo-yazyka/) (accessed 15.05.2017).

11. *Pozdravlenie s Dnem Osetinskogo Yazyka* [Congratulations on the Ossetian Language Day]. *Parlament Respubliki Yuzhnaya Osetiya*. Available at: <http://www.parliamenttrso.org/node/85622> (accessed 15.05.2018).
12. *Pozdravleniya Episkopa Vladikavkazskogo i Alanskogo s Dnem Osetinskogo Yazyka i Literaturny* [Greetings from the Bishop of Vladikavkaz and Alan on the Ossetian Language and Literature Day]. *Vladikavkazskaya i Alanskaya Yeparkhiya*. Available at: <https://blagos.ru/content/pozdravlenie-episkopa-vladikavkazskogo-i-alanskogo-leonida-s-dnem-osetinskogo-yazyka-i> (accessed 15.05.2017).
13. *Pozdravlenie Glavy Respubliki Severnaya Osetiya–Alaniya T.D. Mamsurova s Dnem Osetinskogo Yazyka I Literaturny* [Greetings from the Head of the Republic of North Ossetia-Alania T. D. Mamsurov on the Ossetian Language and Literature Day]. *Respublika Severnaya Osetiya–Alaniya*. Available at: <http://alania.gov.ru/index.php/news/2123> (accessed 15.05 2013).
14. *Rodnoi Yazyk – Glavnoe Dostoyanie Osetinskogo Naroda* [Native Language Is the Main Heritage of the Ossetian People]. *Sputnik. Yuzhnaya Osetiya*. Available at: [https://sputnik-ossetia.ru/South\\_Ossetia/20200515/10584636/Bibilov-rodnoy-yazyk---glavnoe-dostoyanie-osetinskogo-naroda-.html](https://sputnik-ossetia.ru/South_Ossetia/20200515/10584636/Bibilov-rodnoy-yazyk---glavnoe-dostoyanie-osetinskogo-naroda-.html) (accessed 15.05.2020).
15. Struve. P. B. *Patriotica. Politika, Kul'tura, Religiya, Socializm*. [*Patriotica*. Politics, Culture, Religion, Socialism]. St. Petersburg, 1911. 329 p.
16. Tameryan, T.Yu. Interdiskursivnyye Metaforicheskiye Modeli [Interdiscursive Metaphorical Models]. *Cognitive Language Studies*, 2013. no. 14, pp. 236–240.
17. Ukaz Prezidenta RSO–Alaniya o Dne Osetinskogo Yazyka i Osetinskoi Literaturny [Decree of the President of the Republic of North Ossetia–Alania about the Ossetian Language and Literature Day]. Available at: <http://nslib.tmweb.ru/karta/language.html> (accessed 22 02.2003).
18. Khetagurov Costa. *Stikhotvoreniya i Poemy* [Poetry and Poemes]. Leningrad: Sovetskii Pisatel Publ., 1959. 350 p.
19. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago; London: University of Chicago press, 1980. 242 p.

20. Tameryan T. Yu., Zheltukhina M. R., Slyshkin G. G., Shevchenko A.V., Katermina V. V., Sausheva Y. V. New country's political discourse: formation of speech technologies. *Modern Journal of Language Teaching Methods*, 2018, vol. 8, pp. 11–18.
21. Tameryan T. Y., Zheltukhina M. R., Slyshkin G. G., Zelenskaya L. L., Ryabko O. P., Bodony M. A. Political Media Communication: Bilingual Strategies in the Pre-Election Campaign Speeches. *Online Journal of Communication and Media Technologies*, 2019, vol, 9, no. 4. Available at: <https://doi.org/10.29333/ojcm/5869>.
22. 15 май Ирон æвзаг æмæ литературæйы боны тыххæй (15 мая День осетинского языка и литературы) // Министерство культуры Республики Северная Осетия-Алания. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mk.alania.gov.ru/news/392> (дата обращения 14.05.2018).

**OSSETIC IN THE LANGUAGE LANDSCAPE OF THE NORTH AND SOUTH  
OSSETIAS: A VALUE PERSPECTIVE AND METAPHORICAL  
REPRESENTATION**

*Tameryan T.Yu.*

*RFBR and MES RSO funded the reported study according to the research project*

*№ 20-512-07003*

The multicultural mentality of the North and South Ossetians reflects the vectors of the Russian Federation and the young Republic of South Ossetia language policy, carried out in conditions of ethnocultural diversity. The research is carried out in an interdisciplinary way, relying on the achievements of political linguistics, theoretical developments in the fields of cognitive and sociolinguistics, cultural linguistics, bi- and polylingualism. A multifaceted Ossetian and Russian-language material, including data from parliamentary and government websites of North and South Ossetia, the results of a blitz survey of the population, the texts of official greetings, information reports and slogans, forms the basis of the study. The article demonstrates the existing conceptual field of ethnic community within the multicultural communicative space in the republics of ethnic Ossetians – North and South Ossetia, formed as a result of the application of a general humanitarian strategy for the preservation and development of all languages and cultures. Conceptual analysis of statements about the role of the native language showed a high significant index of the Ossetian language for the preservation of ethnic identity not only of Ossetians, but also of other peoples inhabiting these republics. The text fragments indicate that other peoples perceive the cultural and linguistic originality of the regions under consideration as the spirit of their native land, with the historically uniting role of the Russian language and culture in interethnic and intercultural interaction. The research focuses on the Ossetian language metaphorical image in the Ossetian–Russian picture of the world that are objectified by the following varieties of cognitive metaphors: *astronomical, basic, historical, connective, cultural, psychological, religious, materialistic, metaphor of the receptacle, metaphor of luminescence, conventional, floristic, otherness, evolutionary*. The conceptual models structure for representing the Ossetian language image varies from single constructions to combined cluster constructions, which are complicated based on addition and refinement. Comparative metaphorical models constitutes a special type.

**Keywords:** Ossetian language, conceptualization of ethnic unity, cognitive metaphor, conceptual model, polylingualism, multiculturalism, interethnic unity.

### 3. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 070: 316.775

#### СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЕЩАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ТЕЛЕКОМПАНИИ

*Егорова Л. Г.<sup>1</sup>, Колесникова О. А.<sup>2</sup>*

<sup>1</sup> ГБОУВО РК КИПУ имени Февзи Якубова, Симферополь, Россия

<sup>2</sup> Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,  
Симферополь, Россия

E-mail: legora@list.ru, ksyshik@mail.ru

В статье особое внимание уделяется особенностям функционирования муниципальных телекомпаний страны, рассмотрено информационное вещание в региональных центрах и малых городах России. При анализе деятельности муниципальных компаний подчёркивается, что сложности и проблемы, с которыми они сталкиваются, во многом схожи и обусловлены экономическими и социальными факторами. Доказывается, что эффективность информационного вещания можно повысить благодаря развитию мультимедийных составляющих и выхода на новые инфоплощадки, а также за счет увеличения количества прямых эфиров, проведения масштабных телемарафонов, освещения важных городских событий и праздников. В качестве примера приводится трансформация государственного канала «Севастопольское телевидение» (СТВ/ИКС ТВ), где одна из авторов в период с 2018 по 2020 год работала старшим редактором информационных программ. За это время в компании произошел «мультимедийный прорыв», благодаря такой трансформации отмечен рост популярности регионального телеканала, что подтверждается данными телеметрии, индексом цитируемости и внутренними исследованиями руководства компании.

**Ключевые слова:** муниципальная компания, региональное ТВ, мультимедиа, повышение рейтинга, телеметрия, севастопольское телевидение.

#### ВВЕДЕНИЕ

В последнее время традиционные информационные ресурсы: газеты, радио, телевидение – активно внедряют онлайн-технологии, что объясняется процессами конвергенции, определяемой как взаимопроникновение между различными типами медиа в онлайн-среде. Данное явление оказало значительное влияние на изменение моделей медиапотребления у целевой аудитории медиа, в том числе региональных, охватывающих территорию городов и муниципалитетов. Вместе с развитием мультимедийных технологий претерпевает изменения и характер подачи

информации, что особенно заметно на примере компаний, производящих аудиовизуальный контент. Полагаем, что весьма востребованным на современном этапе развития медиа становится многокомпонентное исследование трансформации региональных компаний в мультимедийной среде. Не являются исключением и муниципальные телекомпании, которые имеют ограниченный ареал распространения собственного контента. Поэтому они стараются получить дополнительную аудиторию рекламодателей и спонсоров в онлайн-среде. В данной статье представлено описание особенностей становления муниципального вещания в России, проанализирована мультимедийная трансформация государственного канала «Севастопольское телевидение» (СТВ/ ИКС ТВ), доказано, что она приводит к увеличению эффективности регионального информационного вещания, а значит, повышению рейтингов канала.

#### **ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ**

Регионализация телевизионного вещания стала одной из важных характеристик в развитии российских масс-медиа на рубеже XX–XXI веков. Бум развития телевидения в регионах пришелся на начало 90-х годов – период распада СССР [1; 2]. Именно региональное телевидение нацелено на интересы и проблемы местного населения. Благодаря федеральному ТВ зрители трактуют государственную политику страны, тогда как от местных СМИ ждут сопричастности своим проблемам. Ключевыми вопросами развития регионального телевидения на сегодняшний день по-прежнему остаются: отношения с региональными властями и учредителями; процесс подготовки и переподготовки телевизионных кадров; сетевое взаимодействие с федеральными партнерами, включая закупку и производство собственного контента; изменение технологии работы с учетом развития мультимедиа. В данной связи появляется необходимость инкорпорировать современные продуктивные элементы освещения региональных событий в ежедневное информационное вещание. Особенно важно это для муниципальных телекомпаний, основу доходной части которых составляет дотация из федерального и региональных бюджетов. Иногда этот факт разрушает мотивацию работающих в

них журналистов: необоснованно большие штаты, перерасход зарплаты и другие реалии бюджетной сферы становятся отличительными чертами именно муниципальных телекомпаний в малых и средних городах Российской Федерации. Но следует отметить и другие традиции управления при наличии у местной власти прочной правовой и финансовой базы, а также желания руководства телекомпании и региона работать в едином ключе. В этом случае муниципальный телеканал можно рассматривать как средство оказания государственных услуг в формате «электронного правительства», и он становится информационно-справочным ресурсом по информированию жителей муниципалитета о текущих событиях. В начале XXI века наиболее успешные муниципальные телекомпании существовали в Сальске Ростовской области, Урюпинске Волгоградской области, Ноябрьске Ямало-Ненецкого автономного округа, Борисоглебске Воронежской области. Проблема муниципального телевидения и муниципальной собственности заключается также в том, что местное самоуправление представлено в законодательстве Российской Федерации весьма условно. Федеральный закон 2003 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» положил начало муниципальной реформе, которая должна была завершиться к 2009 году, но этого не произошло [3]. Из-за того, что муниципальные органы по-разному встраиваются в систему государственной власти, местная пресса, радио и телевидение испытывают определенные трудности. Муниципальные газеты и телестудии, с одной стороны, отделены от государственных СМИ, с другой стороны, практически выполняют их функции на местах. На территории Крыма функцию муниципального вещателя выполняло СТВ (Севастополь) и частично – телерадиокомпания «Крым». Шесть других региональных телекомпаний полуострова были частными, составляя треть от общего числа украинских вещателей [7]. Ситуация резко изменилась после вхождения Крыма в состав Российской Федерации: в Севастополе СТВ / ИКС ТВ стал полностью муниципальным вещателем. Наряду с этим в городе функционировал частный канал НТС, который принадлежал бизнесмену и депутату Законодательного собрания Алексею Чалому и был рупором его политических идей. В Республике Крым функции муниципального ТВ взяли на себя ГТРК «Крым» и телеканал

«Миллет». Существуют инициативы создания региональных телеканалов на базе ГТРК. Продолжаются дискуссии о судьбе так называемой «21-й кнопки» в мультиплексах. Эти дискуссии происходят несмотря на то что в большинстве муниципальных образований владельцы 21-й кнопки уже определены.

Укажем, что у регионального телевидения есть много вариантов дальнейшего развития. В качестве основных направлений О. Ю. Попова отмечает интернет-вещание и усиление роли собственного контента [8]. Уже сегодня в ответ на потребности аудитории появляется много интернет-проектов. Показательными считаем результаты опроса ВЦИОМ, проведенного в 2017 г., согласно которым интернет-ресурсы превзошли региональное телевидение по частоте обращений, при этом среди респондентов в возрасте от 18 до 24 лет интернет-ресурсам отдают предпочтение 82%, а в возрасте от 25 до 34 – 59% опрошенных [9]. Таким образом, подача новостного контента, фото- и видеоматериалов на городских интернет-порталах представляет бóльшую ценность и интерес для людей, чем контент локальных телеканалов. Более того, именно в интернете идет интерактивное общение пользователей, что значительно реже можно встретить на региональном телевидении. Это заставляет руководство муниципальных структур искать новые формы работы со зрителями. А. М. Шестерина отмечает значительное влияние сетевого видео на традиционное телевидение и существенные изменения, происходящие в связи с этим [10]. Региональным телеканалам необходимо менять информационную стратегию, например создавая каналы популярным региональным журналистам. Этот контент не будет обременен официозом, из плюсов для зрителей следует отметить отсутствие цензуры, благодаря чему сможет формироваться своя интернет-аудитория. Авторы данной статьи считают, что у регионального ТВ большой потенциал. Но ориентироваться прежде всего следует на более молодую аудиторию, говорить на ее языке, пользоваться её инструментами и платформами, активно присутствовать в социальных сетях и обучать сотрудников работать в новой среде, создавая конвергентные редакции. Эту задачу начали выполнять редакции Республики Крым и города Севастополь после вхождения в состав Российской Федерации, используя метод сегментации целевой аудитории.

В статье представлены исследовательские данные деятельности государственной телекомпании «Севастопольское телевидение» в 2019 году, после запуска целого ряда мультимедийных проектов. В это время в компании наблюдается «мультимедийный прорыв», развитие информационного вещания, создание мультимедийных спецпроектов, возвращение бренда СТВ. Всё это произошло благодаря деятельности заместителя директора по творческой работе, этот пост с октября 2018 по сентябрь 2019 года занимал Пётр Гуленко. Фактически медиаменеджер взял на себя руководство новостной и тематической редакциями, курировал работу двух круглосуточных каналов, радио, сайта и информационного агентства. Перед новым руководителем стояло две задачи: увеличить аудиторию каналов и изменить содержимое контента, проработать его с точки зрения идеологии. В то время в городе сложились непростые отношения между исполнительной и законодательной ветвями власти. Противостояние Губернатора и депутатов Заксобрания переросло в открытый конфликт. Медиахолдинг ИКС ТВ, как государственное СМИ, представлял интересы Правительства Севастополя. По мнению Петра Гуленко, нужно было принимать решения, которые обратили бы внимание аудитории на каналы ИКС ТВ и ИКС 24. Важным моментом было сегментирование этих каналов по разным возрастным аудиториям: ИКС ТВ – для более молодых зрителей, ИКС 24 – для аудитории постарше. В этом случае каналы не должны были конкурировать между собой за аудиторию, увеличился бы и суммарный рейтинг каналов медиахолдинга.

В эфире вновь меняется сетка вещания и принципы формирования контента. Новости начинают выходить в прямом эфире с 9:00 с полуторачасовым шагом по очереди на двух каналах – ИКС ТВ и ИКС24. Почти в каждом выпуске прямые включения с места событий. Идёт разделение на дневную и вечернюю редакции новостей. О. А. Колесникова, один из авторов статьи, в период с августа 2018 по январь 2020 года работала старшим редактором новостей ИКС ТВ (впоследствии – СТВ). В частности, отвечала за вечерний прайм-тайм, руководила подготовкой вечерних информационных выпусков в 19:30 и 21:00, которые должны были содержать разную информацию, несмотря на небольшой временной интервал между

ними, была ведущей выпусков, которые выходили в прямом эфире. Оформление, стиль и подача вечернего эфира стали отличаться от дневного: другие заставки, позиция ведущей выпуска не сидя за столом, а стоя у плазмы, свободное перемещение по студии к другим локациям, общение с гостями, которыми зачастую выступали журналисты телекомпании, присутствовавшие на месте событий. Помимо этого, в эфир выходят короткие интервью по скайпу с экспертами регионального и федерального уровней. Это придало вечерним новостям одновременно больше динамики и авторитетности. Для увеличения аудитории вечернего выпуска за полчаса до него в 19:00 в эфир выходил трёхминутный анонс программы. Ведущая в студии приветствовала зрителей, рассказывала о главных темах и передавала слово автору следующей программы, подчеркивая, что все работают в прямом эфире. Спустя полчаса ведущая вечерних эфиров возвращалась в студию.

В тот период главной особенностью новостей ИКС ТВ стали прямые включения с места событий. Операторы и корреспонденты начинают активно работать с рюкзаками «Life U» для передачи цифрового сигнала – оборудованием, закупленным в 2017 году (до этого периода его почти не использовали). При планировании выпусков новостей приоритет отдавался темам, с помощью которых можно было сделать интересное прямое включение. Журналисты холдинга быстро освоились в новом эфирном пространстве. Зрители ИКС ТВ и ИКС 24 первыми слышали заявления Губернатора Севастополя, узнавали, какие законы приняли депутаты Законодательного собрания, первыми видели премьеры спектаклей и концерты в рамках международных фестивалей (канал вёл прямую трансляцию фестиваля «Опера в Херсонесе»). Прямые включения в новости проводились с визитов президента Владимира Путина и членов Правительства страны на полуостров. Журналисты в прямом эфире показывали, как идут проверки качества новых дорог, что обсуждают на публичных слушаниях по проекту планировок территорий Севастополя, и рассказывали, есть ли пробки на дорогах после снегопада. Следующим способом увеличения аудитории, по плану Гуленко, был запуск еженедельной передачи «Говорит Севастополь», которая вызвала в городе большой общественный резонанс. Журналисты рассказывали о событиях в городе и о жизни

депутатов Законодательного собрания. Рейтинги программы были очень высоки. За три месяца программа вошла в число лидеров телевидения в городе. Еженедельные выпуски выходили в эфир до середины июля 2019 года. После смены руководителя региона в этом временном промежутке в эфир стала выходить программа «Севастополь. Итоги недели». Ее готовила главный редактор канала ИКС ТВ Ольга Суржикова. Хронометраж «Итогов» обычно превышал один час. Ведущая и корреспонденты предлагали севастопольцам аналитический взгляд на самые важные события в городе. В этот период были чрезвычайно востребованы журналистские расследования и специальные репортажи, актуальные интервью. Активно шло и развитие тематической редакции. В эфир выходят новые проекты и программы. Одна из них – «Открытый город». Программа задумывалась как открытый и честный разговор о насущных проблемах Севастополя с представителями власти. Проект в декабре 2018-го запускала О. А. Колесникова. С понедельника по пятницу в студию ИКС ТВ приходили вице-губернаторы Севастополя. Разговор продолжался полчаса в прямом эфире. Программы размещались на канале YouTube и на официальном сайте телекомпании. Начала работу и утренняя редакция, готовившая ежедневное шоу в прямом эфире. Шли трансляции всех домашних футбольных матчей «Крымского футбольного союза», снималось ток-шоу «Кастинг. Стань звездой». Большой интерес аудитории вызвало новое ежедневное интерактивное ток-шоу в прямом эфире «Севастополь решает», в котором обсуждались самые актуальные и злободневные темы, волнующие жителей города, оно выходило по будням в 20:00, сразу после выпуска Вечерних новостей. Чтобы увеличить аудиторию ток-шоу, в каждом новостном выпуске примерно в середине программы (в 19:45) ведущая выходила на прямую связь со студией на мысе Хрустальный и вместе с ведущими шоу сообщала тему предстоящей программы, а также имена гостей в студии. Это гарантировало плавное перетекание аудитории от выпуска новостей к вечернему шоу: зрители, как правило, не переключали каналы. У программы «Севастополь решает» были и другие, мультимедийные способы удержания аудитории: так, в разделе программы на сайте телекомпании постоянно публиковались результаты опросов в формате инфографики. Это обеспечивало увеличение количества заходов

зрителей на сайт: заинтересованные темой программы могли не только голосовать на сайте, но и ознакомиться с последними новостями из жизни города и региона.

Отметим, что основная трудность при формировании доказательной базы настоящего исследования заключалась в отсутствии медиаметрических данных, которые собирались бы на многолетней основе. В регионе не велись медиаизмерения Mediascope (бывшая TNS Gallup Media), что затрудняло анализ информационной и рекламной активности в Севастополе [11]. По этой причине был проведен анализ нескольких групп данных, которые помогли определить результаты информационной активности канала в 2019 году. Ими являются: данные по цитируемости ведущих изданий Крыма и Севастополя, собранных компанией «Медиалогия» в 2014–2019 годах; медиаметрические показатели, собранные компанией MediaHills по заказу редакции СТВ/ИКС ТВ, а также правительства Севастополя; авторское исследование взаимосвязи изменений в верстке эфирного и онлайн-контента на медиаметрические показатели канала в 2019 году. Укажем, что с развитием мультимедиа при анализе СМИ особую популярность приобрел такой социологический показатель, как «Индекс цитируемости» (далее – ИЦ). Он определяет уровень распространения контента СМИ, его важность для местной и федеральной аудитории. ИЦ обычно подсчитывает все ссылки на оригинальный источник информации в других СМИ. Это подчеркивает как важность источника, опубликовавшего ссылку, так и социальное влияние СМИ (в данном случае – СТВ / ИКС ТВ). Анализ данных по цитированию СТВ / Информационного канала Севастополя позволяет говорить о том, что информационная привлекательность рассматриваемого СМИ особенно четко наблюдалась в 2015 и 2019 годах. Так, в 2015 году телеканал занимал 6 место в рейтинге с индексом цитирования 81,81 [4]. Такое высокий результат объясняется повышенным интересом к жизни на полуострове в период возвращения в Россию и во время энергетической блокады со стороны Украины, оттого значимость местной информации о жизни во время блэкаута усиливалась с каждым днем. Впоследствии по фактору цитируемости телеканал стал терять привлекательность, ввиду того что пришедшее в 2017 году руководство канала отдало приоритет авторским развлекательным программам. В результате с 2017 года

канал перестал занимать ведущие места в рейтингах цитирования компании «Медиалогия», опустившись на 18 позицию [5]. Такой рейтинг, по нашему мнению, показывает всю сложность реализации задачи по возрождению значимости информационного вещания, с которой столкнулась команда Петра Гуленко, пришедшая на канал осенью 2018 года. Как показывает индекс цитируемости «Медиалогия», СТВ / ИКС ТВ совершили резкий информационный прорыв. Севастопольская телекомпания снова оказалась в первой десятке рейтинга самых цитируемых СМИ Республики Крым и города Севастополя компании «Медиалогия»: так, в первом квартале 2019 г. Информационный канал Севастополя занимал 9 место с показателем индекса цитируемости 28,22. При этом в сегменте телеканалов более высокий индекс цитирования был только у телеканала «Крым 24» (47,35) [6].

Отметим тот факт, что оказаться в первой десятке индекса цитирования региональным СМИ с каждым годом становится всё сложнее. В первую очередь это происходит из-за роста количества онлайн-СМИ, а также увеличения числа пресс-служб органов государственной и региональной власти, которые публикуют важные заявления в онлайн-среде. Приведенные данные позволяют предположить, что улучшение позиций в рейтинге свидетельствует о зрительской востребованности рассмотренной ранее концепции мультимедийного информационного вещания. С целью поиска более детальной информации мы обратились к медиаметрическим данным компании Mediahills, которая вела измерения на СТВ / ИКС ТВ в 2019 году. За основу исследования были взяты рейтинги телеканала СТВ / ИКС ТВ, которые предоставлялись компанией Mediahills руководству канала на ежедневной основе. При их анализе во внимание принималась стратегия руководства канала по увеличению охвата аудитории, которая учитывала сложившиеся на телевизионном рынке неблагоприятные обстоятельства. Среди них: популярность в Севастополе телеканала НТС, который, в отличие от ИКС ТВ, до 2019 года не сокращал, а наращивал информационное вещание; сокращение рейтинга и доли телесмотрения ИКС ТВ в 2017 и 2018 гг. Исходя из этого, руководство приняло решение сделать более частотным новостной блок, что могло гарантировать высокий суммарный рейтинг информационного контента за счет увеличения количества выпусков

новостей в сутки. Кроме этого, в выходные шли повторы рейтинговых программ. Это позволило сократить расхождения в популярности контента с телеканалом НТС – лидером муниципального рынка: в ноябре 2018 года оно составляло примерно 1,5 пункта рейтинга – значительный отрыв применительно к севастопольскому телевизионному рынку. Учет суммарного рейтинга и увеличение количества информационных программ позволили сократить отрыв более чем в два раза. Эти выводы можно сделать на основании рисунка 1.

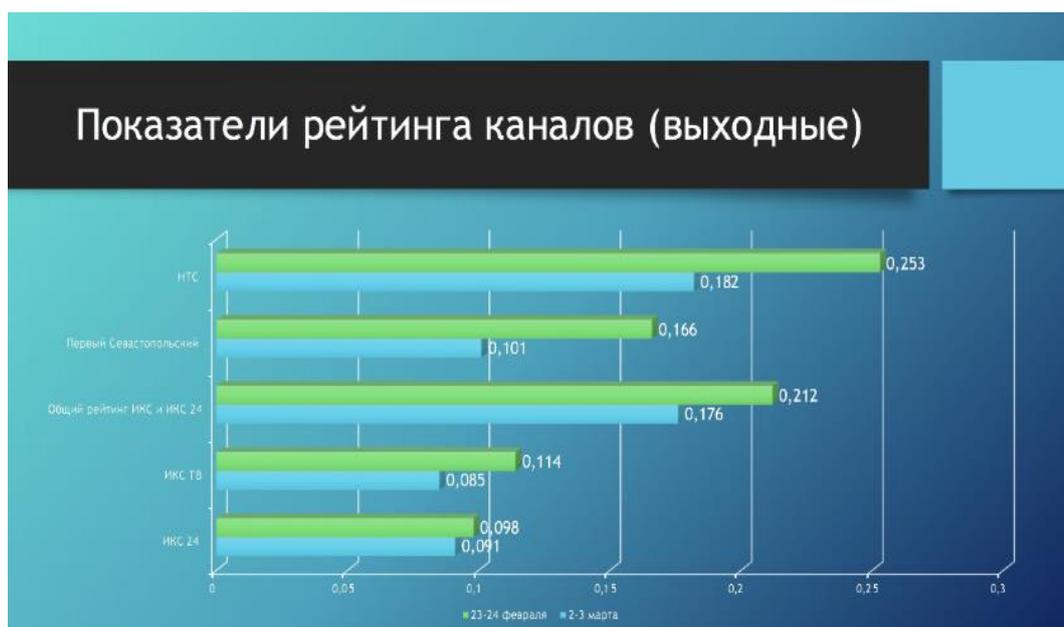


Рисунок 1. Рейтинги телеканала ИКС ТВ в период с 24 февраля по 3 марта 2019 г. (Источник: внутренняя информация руководства СТВ)

Отставание СТВ в части доли телевизионной аудитории было еще меньшим, что свидетельствует об усилении значимости программ ИКС ТВ в тот период, так как именно доля аудитории является показателем роста качества телевизионного контента. Сокращение отставания от НТС в 0,3 пункта продемонстрировано на рисунке 2.



Рисунок 2. Доля телеканала ИКС ТВ в период с 24 февраля по 3 марта 2019 г. (Источник: внутренняя информация руководства СТВ)

Кроме всех вышеперечисленных шагов, руководство телеканала сделало упор на создание информационно-аналитических программ, материалы которых размещались в прямом эфире, а также на сайте [www.ikstv.ru](http://www.ikstv.ru) и платформе YouTube. Собранные данные свидетельствуют об улучшении качества контента на телеканале ИКС ТВ в период интенсификации мультимедийных стратегий в производстве телевизионных программ, а также онлайн-контента. Как уже упоминалось, специальные события, новости, информационные программы, программы в жанре интервью после эфира размещались на хостинге YouTube. Это дало возможность проанализировать количество максимальных просмотров программ в зависимости от их типа, времени выхода и влияние концепции программы на ее популярность как среди телевизионной аудитории, так и среди аудитории онлайн-ресурсов.

Стратегия канала по улучшению качества контента и освещению спецсобытий имела успех не только в эфире, но и мультимедийных ресурсах. В таблице 1 приведены программы СТВ с наибольшим количеством просмотров на видеохостинге YouTube (по состоянию на июнь 2020 года). Заметим: при оценке представленных данных необходимо принимать во внимание, что средний

показатель для информационных выпусков СТВ на YouTube – 200–300 просмотров. Поэтому таблица подтверждает высказанное предположение о том, что программы, посвященные специальным событиям и важным городским проблемам, привлекают повышенное внимание аудитории на разных платформах – в телеэфире, на страницах сайта, а также в социальных сетях.

Таблица 1. Количество просмотров специальных программ канала СТВ на хостинге YouTube

Название программы	Дата эфира	Количество просмотров
Прямой эфир Военно-морского парада в День ВМФ	28.07 2019	11053
Репортаж выпуска новостей о праздновании Дня ВМФ	28.07 2019	1375
Репортаж о праздновании Дня города	15.06.2019	2845
«Севастополь решает» о проблемах садовых товариществ	20.09.2019	1000
«Севастополь решает» о реконструкции Большой Морской	30.04.2020	2500
«Говорит Севастополь»	23.02.2019	988

### ВЫВОДЫ

Превращение традиционных СМИ в мультимедийные на базе сети интернет существенно изменило традиционные редакционные процессы. Если до этого интернет-редакция представляла собой обособленный от остальных СМИ-подразделений отдел, который занимался размещением контента в онлайн-доступ, то теперь сам контент изменяется с учетом принципов мультимедиа. В настоящее время

любая редакция должна понимать, какой элемент материала автор считает важным для размещения в интернете с учетом специфики онлайн-аудитории. Это, в свою очередь, требует от журналистов и редакторов включения новых компетенций. В результате мы имеем дело с развитием такого явления, как мультимедийная редакция, в которой содержание по видам платформ распределяется централизованно. При внедрении мультимедийной стратегии телеканалам необходимо привлекать молодую аудиторию, которая может сохранять лояльность к избранному региональному источнику информации на протяжении всей своей жизни. Зритель сам для себя выбирает контент, интересный ему. Отметим: при внедрении современных элементов вещания чрезвычайно важным компонентом оказывается развитие мультимедийного мышления у всех сотрудников редакции, что предполагает высокую степень подготовленности к работе с разными форматами, особенно с мультимедийным текстом, аудио- и видеоматериалами. Наибольшей продуктивностью, по нашему мнению, отличаются видеоматериалы, в которых рассказчик является ключевой фигурой мультимедийной истории.

При анализе деятельности телеканала СТВ (г. Севастополь) были выделены следующие наиболее продуктивные мультимедийные формы работы:

- многокомпонентное мультимедийное освещение городских праздников;
- широкое использование видеотрансляций при освещении общегородских событий и матчей первенства Крымского Футбольного Союза;
- репортажи о важных городских событиях, которые после прохождения в эфире аккумулируются на платформе YouTube, а их текстовая версия – на сайте телекомпании;
- производство единственного в городе мультимедийного ток-шоу;
- агрегация контента на сайте компании с целью предоставления пользователям и ньюсмейкерам отложенного просмотра актуальных материалов из жизни города федерального значения.

Путем анализа медиаметрических показателей было доказано, что представленные способы работы и новшества в процессе создания контента

повышают внимание зрителей, что увеличивает количественные показатели просмотра информационного контента как в эфире, так и на онлайн-ресурсах.

### Список литературы

1. Данилов, А. А. Становление и развитие телевидения в регионах России во второй половине XX – начале XXI вв.: автореф. дисс. ... доктора истор. наук [Текст] / А. А. Данилов. – Казань, 2010. – 24 с.
2. Егоров, В. В. Телевидение: страницы истории [Текст] / В. В. Егоров. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 202 с.
3. Заседание Совета по развитию местного самоуправления [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62701> (дата обращения: 07.12.2020)
4. Крымская республика и город Севастополь: рейтинг СМИ за 2015 год [Электронный ресурс] // Медиалогия – URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/4027/> (дата обращения: 07.12.2020)
5. Крымская республика и город Севастополь: рейтинг СМИ за 2017 год [Электронный ресурс] // Медиалогия – URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/5813/> (дата обращения: 07.12.2020)
6. Крымская республика и город Севастополь: рейтинг СМИ за I квартал 2019 года [Электронный ресурс] // Медиалогия – URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/6700/> (дата обращения: 07.12.2020)
7. Лепина, Л. С. Изменения телевизионного пространства Республики Крым после вхождения в состав Российской Федерации [Текст] / Л. С. Лепина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2017. – Том 3 (69). №1. – С. 13–26.
8. Попова, О. Ю. Этапы развития регионального телевидения: к вопросу о периодизации [Текст] / О. Ю. Попова // Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика. – 2015. – № 4. – С. 141-146.
9. Телевидение VS интернет: спор поколений [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: оф. сайт. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/televidenie-vs-internet-spor-pokolenij> (дата обращения: 07.12.2020).

10. Шестерина, А. М. Проблемы формирования регионального интернет-телевидения [Текст] / А. М. Шестерина // Вестник Воронежского университета. Серия : Филология. Журналистика. – Воронеж, 2014. – Вып. 1. – С. 234-237.
11. Щепилова, Г. Г. СМИ Крымского полуострова: проблемы интеграции в российское медиапространство [Электронный ресурс] / Г. Г. Щепилова // Медиаскоп. – 2017. – Вып. 1. – URL: [http://www.mediascope.ru/2269\\_](http://www.mediascope.ru/2269_) (дата обращения: 07.12.2020).

#### References

1. Danilov A. A. *Stanovlenie i razvitie televidenija v regionah Rossii vo vtoroi polovine XX – nachale XXI vv.: avtoref. diss. ... doktora istor. nauk* [Formation and Development of Television in the Regions of Russia Second Half of XX - early XXI Centuries. Abstract of Thesis]. Kazan, 2010.
2. Egorov V. *Televidenie: stranitsy istorii* [Television: Pages of History]. Moscow, 2004. 202 p.
3. *Zasedanie Soveta po razvitiju mestnogo samoupravlenija* [Meeting of the Council for the Development of Local Government]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/62701> (Accessed 07.12.2020).
4. *Krymskaja respublika i gorod Sevastopol': rejting SMI za 2015 god* [The Republic of Crimea and Sebastopol: Mass Media Rating in 2015]. Available at: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/4027/> (Accessed 07.12.2020).
5. *Krymskaja respublika i gorod Sevastopol': rejting SMI za 2017 god* [The Republic of Crimea and Sebastopol: Mass Media Rating in 2017]. Available at: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/5813/> (Accessed 07.12.2020).
6. *Krymskaja respublika i gorod Sevastopol': rejting SMI za I kvartal 2019 goda* [The Republic of Crimea and Sebastopol: Mass Media Rating in I quarter of 2019]. Available at: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/5813/> (Accessed 07.12.2020).
7. Lepina L. *Izmeneniya televisionnogo prosstranstva Respubliki Krym posle vhozhdeniya v sostav Rossiskoi Federatsii* [Changes in the Television Space of the Republic of Crimea after Joining the Russian Federation]. *Uchenye zapiski Krymskogo Federal'nogo*

8. Popova O.Y. «Tambovism television: historical aspect// Regional Journalism: from History to the Present». – Tambov, 2013
9. *Televidenie VS internet: spor pokolenij* [Television VS Internet: a Discussion of Generations]. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/televidenie-vs-internet-spor-pokolenij> (Accessed 07.12.2020).
10. Shesterina A. *Problemy formirovaniya regional'nogo televideniya* [Problems of Russian Regional TV Forming] *Vestnik Voronezhskogo Universiteta. Seriya: Philologiya. Zhurnalistika*, 2014. Vol.1, pp.234-237.
11. Schepilova G. *SMI Krymskogo poluostrova: problem integratsii v rossiiskoe mediaprostranstvo* [Media of the Crimean Peninsula: Problems of Integration into Russian Media Landscape] *Mediascope*, 2017, Vol.1. Available at: <http://www.mediascope.ru/2269> (Accessed 07.12.2020).

#### WAYS FOR THE INCREASING OF THE MUNICIPAL REGIONAL TV STATION NEWS BROADCASTING EFFICIENCY

*Egorova L. G., Kolesnikova O. A.*

This article is an attempt to trace the development of the regional TV stations in the Russian Federation. The authors marked key issues that hindered the growth of these media outlets. Special attention is paid to the activity and the operational mode of the municipal broadcasters of the Russian Federation – both in regional centres and in small towns. The research underscores the difficulties that have to be tackled by the municipal stations for their future development in the upcoming years. It also highlights the complexities in the development of the local media. They are predetermined by such factors as the business sustainability and social consistency in the development of the country. The solution to the issue is the increase in the audience loyalty that leads to the boost of the ratings and viewing shares. The author proves that the key tool in this process is the development of multimedia platforms that tend to be popular among the segments of the target audience. Another crucial factor is the increase of live broadcasts and special programmes that cover key events in the life of the cities. The article contains a case study of STV/IKSTV, a municipal broadcaster in the city of Sevastopol where one of the authors worked as a senior news editor from 2018 till 2020. That is the period of a “multimedia breakthrough” that increased the broadcast quality as well as the popularity of the station. This is proven by the media measurements, citation indexes and corporate research that was carried out by the management of the station.

**Keywords:** municipal TV stations, regional TV, multimedia, rating, share, increase, Sevastopol.

УДК 316.77

## КОММУНИКАЦИЯ БРЕНДОВ ИЗДАТЕЛЬСТВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ «ВКОНТАКТЕ» И «ИНСТАГРАМ»: РАЗБОР МОДЕЛИ

*Шаповалова Е. В.*

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения»  
Ростов-на-Дону, Россия  
E-mail: kate-sapr@ya.ru

В статье на основе линейной модели коммуникации Г. Д. Лассуэла описана схема коммуникации бренда в социальных сетях с аудиторией. Исследование фокусируется на изучении социальных сетей как двустороннего коммуникационного процесса, в котором клиенты играют значительную роль. В основной части статьи представлены результаты исследования коммуникации российских издательств «Эксмо» и «МИФ» в популярных в России социальных сетях, таких как «ВКонтакте» и «Инстаграм».

Автором были выделены методы коммуникации данных издательств и основные характеристики коммуникаторов. Выявлена специфика сообщения (рассмотрены структура, тип, внедрение пользовательского контента, а также сообщения, направленные на стимулирование потребительского спроса). Определены особенности использования издательствами каналов коммуникации (разные каналы для специфической целевой аудитории, перенаправление заинтересованных читателей на внешние ресурсы). Выделены основные характеристики реципиента (возраст, лояльность, активность), определены инструменты по усилению эффекта (увеличения интереса аудитории). Оценено стремление к получению обратной связи редакторами страниц издательств в социальных сетях. В статье описано, как социальные медиа могут быть использованы для увеличения интереса аудитории к книгам и создания постоянного спроса на продукцию издательств.

**Ключевые слова:** коммуникация, социальные сети, модель коммуникации, издательское дело, аудитория.

### ВВЕДЕНИЕ

Развитие и популярность среди аудитории социальных медиа изменили коммуникацию между отдельными людьми, компаниями и сообществами.

В настоящее время специфика коммуникации в социальных медиа изучается с различных сторон. Выделяются социально-философское [11], социально-психологическое [10], коммуникативное и утилитарное [2; 3; 4; 5; 7] направления исследования, лингвистический подход [12]. Социальные сети могут рассматриваться как инструмент повышения медиаграмотности [8] или как инструмент продвижения коммерческих товаров и услуг [3; 4; 5; 7].

Настоящее исследование предполагает рассмотрение социальных сетей с точки зрения коммуникативного подхода, то есть опору на специфические признаки, такие как виртуальность, интерактивность, повышение скорости обмена информацией [1], направленность на конкретного потребителя одновременно с массовостью сообщения, контента, создаваемого пользователями. Учитывая, что от содержания сообщения зависит процесс коммуникации, анализ текстов сообщений не остался за рамками внимания.

*Целью* данной статьи является разбор коммуникации издательств с аудиторией в социальных медиа с точки зрения линейной модели коммуникации. Данная цель предполагает решение задач: проанализировать принцип коммуникации в социальных сетях в целом и выявить специфику взаимодействия с аудиторией именно издательств, с использованием модели коммуникации Г. Д. Лассуэла.

#### **ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ**

В результате исследования была изучена специфика коммуникации по схеме Г. Д. Лассуэла, называемой российскими специалистами классической [10], в которой выделяется коммуникатор, сообщение, канал, реципиент, эффект.

На коммуникации бренда с аудиторией в социальных сетях существенно влияют характеристики *коммуникатора*.

Исследователи выделяют такие определяющие характеристики коммуникатора, влияющие на эффективность: достоверность информации, привлекательность, надежность, опыт [2].

В коммуникации бренда с аудиторией коммуникатором может выступать как сам бренд, так и потребители продукта (так называемые «адвокаты бренда» и просто пользователи продукта, который производит бренд). Сообщения такого типа называют пользовательским контентом (UGC).

Характеристики *сообщения* влияют на уровень доверия к информации, на способность сообщения убедить аудиторию, повлиять на ее выбор. Специфика сообщения брендов социальных сетей рассматривается исследователями в различных аспектах (эмоциональность, убедительность, влияние) [1; 8; 11].

При этом ряд авторов подчеркивает, что содержание коммуникации бренда в социальных сетях редко отличается от контента простых пользователей [8; 11]. Бренды предпочитают использовать нативные рекламные форматы в социальных сетях и пишут традиционные журналистские тексты (т.е. занимаются бренд-журналистикой, когда от имени бренда публикуются информационные, развлекательные тексты, не отличимые от журналистских материалов).

*Сообщения* в социальных сетях имеют специфические лексические особенности, они ориентированы на конкретных читателей [5]. Бренд в сообщениях подстраивается под интересы и вкусы пользователей. Если у бренда несколько групп целевой аудитории, подготавливаются и публикуются разные сообщения, распространяемые в одном или в нескольких каналах – на разных страницах бренда в одной социальной сети или в разных социальных сетях.

Перейдем к следующей важной составляющей, характеристике *канала*. Социальные сети в трудах исследователей представляются одним из типов медиа, наряду с телевидением, радио, печатными СМИ. При этом сами платформы отличаются – по типу доступа к контенту, по долговечности публикации. Они создают среду для общения и стирают границы между брендом и аудиторией.

*Реципиентом* выступают как подписчики канала бренда, так и случайные пользователи, которые увидят сообщение в соответствии с алгоритмом соцсети. Аудитория бренда может контролировать то, как создается и передается информация. Это делается с помощью обратной связи в виде комментариев, лайков (отметка «мне нравится») и возможности тиражирования сообщений.

Исследователи выделяют различные представления о целях аудитории, желающей получать информацию о бренде. В частности, это может быть потребность быть ближе к ценностям бренда, самопрезентация себя через бренд, желание развлечений, получения дополнительной информации и т.д.

Также следует выделить важную проблему взаимодействия с *реципиентами*, связанную с характеристиками самих каналов социальных медиа. Специфика платформ предполагает ожидание аудитории определенного типа взаимодействия – посредством визуальной среды или же текстов определенной длины,

развлекательного или, наоборот, образовательного контента. При этом реципиент, являющийся лояльным потребителем бренда или же просто симпатизирующий ему, может быть подписан на новости бренда в разных социальных медиа. То есть при коммуникации социальные медиа не используются как самостоятельные каналы, предполагается, что на аудиторию воздействуют сообщения бренда с разных площадок.

*Эффект* коммуникации в социальных сетях рассчитывается брендами с помощью показателей вовлеченности, роста аудитории, количества пользователей, которые делятся сообщениями бренда со своими подписчиками.

Таким образом, модель Лассуэла выявляет концептуальные проблемы коммуникации бренда в социальных сетях. Данную модель можно применить при описании взаимодействия брендов издательств с читателями.

Далее представляется необходимым рассмотреть специфику взаимодействия брендов в социальных сетях с аудиторией с точки зрения утилитарного подхода – своеобразия принципов, используемых для коммуникации бренда в определенной сфере. В настоящем исследовании предметом выступили страницы в социальных сетях «ВКонтакте» и Instagram двух издательств – «Эксмо» и «МИФ».

Работы, опубликованные ранее, показали, что издательства используют социальные сети как инструмент продвижения и стимулирования продаж [3], средство увеличения интереса потенциальных читателей к определенной теме книг [4], воспитания аудитории (поддержки чтения) [7].

Настоящее исследование сообщений (с 1 июля по 20 августа 2020 года) в аккаунтах издательств «Эксмо» и «МИФ» выявило определенные черты бренд-коммуникации издательств в социальных сетях.

Специфика коммуникации зависит от характеристик самого *коммуникатора* – бренда. В данном случае речь о крупнейших российских издательствах, которые предлагают аудитории свой товар – книги разных жанров, тетради с заданиями для детей и др. Подписчики и читатели страниц издательств понимают, что будут получать достоверную и качественную информацию, связанную с книгами, литературой.

Анализ позволил выявить определенные особенности *сообщения*:

1. Используется контент постов разного типа: информационный (выход новинок, цитаты, обзор), развлекательный (тесты, конкурсы, розыгрыши, опросы), чисто стимулирующий продажи (информация о распродаже без дополнительного образовательного контента). Однако в 50-60% случаев (в зависимости от аккаунта) информационный и развлекательный контент имеет стимулирующую функцию (информация о цене или скидке).

2. Структура таких стимулирующих сообщений выглядит таким образом: «Предложение, привлекающее внимание – основная часть информационного (развлекательного) сообщения – призыв к действию».

3. Пользовательский контент, в основном, строится на отзывах покупателей о книгах. Механику UGC используют оба издательства в полной мере.

4. На страницах в социальной сети «ВКонтакте» издательства «МИФ» публикуются отрывки (главы) книг, которые издательство использует как инструмент стимулирования аудитории к покупке (те читатели, которые заинтересовались, что будет дальше, с большей вероятностью купят книгу, чем заинтересованная аудитория).

Издательства используют внутри одной социальной сети несколько *каналов* коммуникации для связи с разными целевыми аудиториями:

1. У каждого издательства внутри социальной сети есть отдельные аккаунты для определенной аудитории. Например, четко сегментируется контент для взрослых книг и книг для детей и подростков (отдельные аккаунты «МИФ детство» и «Эксмо детство»). При этом может использоваться кросс-коммуникация, когда в сообщении аккаунты одного издательства ссылаются друг на друга.

2. Один и тот же аккаунт (страница) может использоваться для разных целей. Так, сообщение, нацеленное на стимулирование продаж (например, положительная рецензия на книгу и предложение купить ее сегодня по ссылке за определенную цену) может соседствовать с образовательным контентом (перечень цитат из произведений Г. Лавкрафта к юбилею писателя без предложения приобрести книгу) и с

информационным постом, перенаправляющим заинтересованную аудиторию на сайт издательства.

3. Оба издательства используют социальную сеть «ВКонтакте» для увеличения взаимодействия читателей с материалами на сайте. В частности, в группах в данной социальной сети не публикуются длинные статьи (лонгриды), пишется лид и несколько первых абзацев, затем аудитория перенаправляется на сайт издательства. Таким образом, социальные сети расширяют каналы коммуникации аудитории с издательством (по ссылке читатели заходят на сайт).

Представим особенности *реципиента*:

1. Анализ комментариев и аккаунтов подписчиков показал, что основная аудитория – женщины 20-40 лет либо мужчины 30-40 лет (средний возраст определялся по социальной сети «ВКонтакте»), выделяющие чтение как одно из хобби. Люди могут быть одновременно подписчиками аккаунтов конкурирующих издательств, то есть не являются клиентами только одного из них.

2. Аудитория гораздо активнее комментирует информационные или развлекательные сообщения, при этом описание книги, стимулирующее продажи, может в принципе не собрать комментариев.

3. Читатели сообщений обоих издательств настроены, в основном, лояльно к деятельности брендов. Это подтверждает большое количество комментариев под некоторыми сообщениями брендов и нацеленность аудитории на диалог. Комментарии, в целом, положительные и не содержат прямой критики деятельности издательств (читатели могут критиковать книги, но критика бренда в комментариях за период исследования не была выявлена).

Специфика получения *эффекта* коммуникации:

1. Для увеличения интереса аудитории к новинкам или для эффективной распродажи используются конкурсы и розыгрыши. В основном, механика конкурсов проста. Например, «ответь правильно на вопрос», либо «сделай выбор и поделись в комментариях», «пройди тест, поделись итогом в комментарии и выиграй». От пользователей не требуется писать длинные рецензии, снимать видео. То есть делать то, что требует усилий и времени.

2. Инструментом взаимодействия с аудиторией могут быть и сообщения с вопросом. Данным методом коммуникации пользуется «Эксмо» в Instagram в выходные дни. Например, «Какую книгу вы читаете в это субботнее утро?», «Лучшая книга для выходного дня?» и т.д. Несмотря на однотипность вопросов, подобные посты набирают, в среднем, 50-60 комментариев с ответами, то есть являются эффективными.

В начале исследования предполагалось, что каждое сообщение издательств в социальной сети Instagram нацелено на получение обратной связи (например, если поднимается спорная тема или задаются прямые вопросы аудитории). Однако данная гипотеза не подтвердилась. Фактически около 30-40% сообщений в ленте издательств не требует комментариев. При этом читатели могут задать вопрос издательству не по теме самого поста. В социальной сети Instagram неуместные вопросы могут оставаться без ответов.

В рамках исследования был рассчитан показатель вовлеченности сообщений в главных сообществах издательств ([vk.com/eksmo](https://vk.com/eksmo) и [vk.com/mifbooks](https://vk.com/mifbooks)) в социальной сети «ВКонтакте» за указанный период. Так, у «Эксмо» он оказался равен 2,7%, у «МИФ» - 3,2%. Среднее количество просмотров каждой записи – около 3000, однако «МИФ» повышает показатель вовлеченности подписчиков путем розыгрышей книг-новинок за репост, и подобные сообщения набирает до 30 000 просмотров. Данный факт подчеркивает, что розыгрыши и конкурсы в среде книголюбов продолжают оставаться эффективным инструментом получения эффекта от коммуникации.

## **ВЫВОДЫ**

Специфические черты выявляются при описании каждого элемента коммуникации издательств в социальных сетях. Линейную модель коммуникации можно успешно использовать при описании коммуникации брендов в социальных сетях, в частности, на практике - при описании работы конкурентов с аудиториями.

Анализ показал, что оба издательства используют свой бренд для развития собственных страниц в социальных сетях. Вокруг их каналов сложились группы

лояльных читателей (книголюбов). В комментариях подписчики делятся мнениями о прочитанных книгах и общаются между собой, без участия бренда.

Издательства используют стандартные приемы получения должного эффекта от коммуникации – вопросы, конкурсы и розыгрыши книг за репост. Последние увеличивают вовлеченность читателей. При этом около 30-40% сообщений брендов, например, стимулирующих покупки или перенаправляющих на сайт, не предполагают получение обратной связи.

### Список литературы

1. Богданович, Г. Ю. Новые медиа и медиаконвергенция как современная платформа восприятия медиапродукта [Текст] / Г. Ю. Богданович, А. Ю. Федорова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – Том 6 (72). – №1. – С. 199–210.
2. Кадырова, Г. Х. Механизмы эффективного продвижения публикаций социальной направленности в социальных медиа [Текст] / Г. Х. Кадырова // Знак : проблемное поле медиаобразования. – 2017. – №2 (24). – С. 65–70.
3. Лаврова, А. Н. Использование возможностей интернета для продвижения книжных издательств [Текст] / А. Н. Лаврова // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2015. – №2. – С. 40–48.
4. Луговая, Н. В. Популярные форматы видео (Мукбанг и ASMR) на Youtube как эффективный инструмент нативного продвижения [Текст] / Н. В. Луговая / В сборнике: Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации. Материалы Седьмой Международной научно-практической конференции. В 2 ч. – Ростов-на-Дону, 2019. – С. 209–214.
5. Михайличенко, Е. С. Социальные сети как особый вид интернет-коммуникации: лексический аспект [Текст] / Е. С. Михайличенко, // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – Том 2 (68). – № 1. – С. 166–171.

6. Онисенко, Т. С. Интернет-маркетинг как фактор инновационного развития современного издательства [Текст] / Т. С. Онисенко // Экономика и управление в XXI веке : тенденции развития. 2013. – №13. – С. 104–108.
7. Рубанова, Т. Д. Поддержка чтения в пространстве книжных социальных сетей [Текст] / Т. Д. Рубанова // Вестник ЧГАКИ. 2018. – №3 (55). – С. 45–53.
8. Сапрыкина, Н. В. Тенденции развития и особенности использования социальных сетей интернета как средства коммуникации с потребителями [Текст] / Н. В. Сапрыкина, Е. В. Шаповалова // Вестник Донского государственного аграрного университета. – 2015. – № 3. – С. 4–11.
9. Смеюха, В. В. Изучение социальных сетей как основа эффективной деятельности сотрудников сферы рекламы и PR [Текст] / В. В. Смеюха // Вестник ЧелГУ. – 2016. – №7 (389). – С. 153–161.
- 10.Хорольский, В. В. Теория массовой коммуникации и теория журналистики : нераздельное и неслиянное [Текст] / В. В. Хорольский // Вестник ВГУ. Серия : Филология, журналистика. – 2007. – № 2. – С. 228-239.
- 11.Чумакова, В. А. Психологические особенности интернет-коммуникации в социальных сетях [Текст] / В. А. Чумакова // Молодой ученый. – 2013. – №3. – С. 451–453.
- 12.Шапиро, О. А. Массовая коммуникация в on-line измерении: смена парадигмы [Текст] / О.А. Шапиро // Вісник Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». Серія : Філософія, філософія права, політологія, соціологія. 2013. – №2 (16). – С. 57–65.
- 13.Юрина, И. А. Исследование социальных сетей в контексте лингвистики новых медиа [Текст] / И. А. Юрина, Н. Ю. Бородулина, М. Н. Макеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – №11-2 (77). – 178-181.

#### References

1. Bogdanovich G. Yu., Fedorova A. Yu. *Novye Media i Mediakonvergenziya kak Sovremennaya Platforma Vospriyatiya Mediaprodukta* [New Media as Modern Platform the Platform of Media Product Perception]. *Uchenye Zapiski Krymskogo*

*Federalnogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki. Nauchnyi Zhurnal*, Vol. 6 (72), no 1, pp. 199–210.

2. Kadyrova G. Kh. *Mekhanizmy Jeffektivnogo Prodvizheniya Publikatsii Sotsialnoi Napravlenosti v Sotsial'nykh Media* [Mechanisms For Effective Promotion of Social-Oriented Publications in Social Media]. *Znak: Problemnoe Pole Mediaobrazovaniya*, Vol.2 (24), 2017, pp. 65–70.
3. Lavrova A. N. *Ispolzovanie Vozmozhnostei Interneta Dlya Prodvizheniya Knizhnykh Izdatelstv* [Using the Internet to Promote Book Publishers]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, Vol. 2, 2015, pp. 40–48.
4. Lugovaya N. V. *Populyarnye Formaty Video (Mukbang i Asmr) na Youtube kak Effektivnyi Instrument Nativnogo Prodvizheniya* [Popular Video Formats (Mukbang and Asmr) on Youtube as an Effective Tool for Sponsor Promotion] *Reklama i Svyazi s Obshchestvennostyu: Traditsii I Innovatsii. Materialy Sedmoi Mezhdunarodnoi Nauchno-Prakticheskoi Konferentsii*. In 2 Pts. Rostov-na-Donu, 2019, pp. 209–214.
5. Mikhailichenko Ye. S. *Sotsialnye Seti kak Osobyi Vid Internet-Kommunikatsii: Leksicheskii Aspekt* [Social Networks as Special Type of Internet Communication] *Uchenye Zapiski Krymskogo Federalnogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki. Nauchnyi Zhurnal*, Vol 2 (68), no 1, pp. 166–171.
6. Onisenko T. S. *Internet-Marketing kak Faktor Innovatsionnogo Razvitiya Sovremennogo Izdatelstva* [Internet Marketing as a Factor of Innovative Development of Modern Publishing Houses]. *Ekonomika i Upravlenie v XXI Veke: Tendentsii Razvitiya*, Vol. 13, 2013, pp. 104–108.
7. Rubanova T. D. *Podderzhka Chteniya v Prostranstve Knizhnykh Sotsialnykh Setei* [Internet Marketing as a Factor of Innovative Development of Modern Publishing Houses]. *Vestnik CHGAKI*, Vol. 3, 2018, pp. 45–53.
8. Saprykina N. V., Shapovalova Ye. V. *Tendentsii Razvitiya i Osobennosti Ispolzovaniya Socialnykh Setei Interneta kak Sredstva Kommunikatsii s Potrebiteleyami* [Trends in the Development and Peculiarities of the Usage of Social Networks of the Internet as an Instrument of Communication with Consumers]. *Vestnik Donskogo Gosudarstvennogo Agrarnogo Universiteta*, Vol. 3, 2015, pp. 4–11.

9. Smeyukha V. V. *Izuchenie Sotsialnykh Setei kak Osnova Jefferektivnoi Deyatelnosti Sotrudnikov Sfery Reklamy i PR* [Study of Social Networks as the Basis for Effective Activities of Advertising and PR Employees]. *Vestnik CHelGU*, Vol. 7, 2016, pp. 153–161.
10. Khorolskii V. V. *Teoriya Massovoi Kommunikatsii i Teoriya Zhurnalistiki: Nerazdel'noe i Nesliyannoe* [Mass Communication Theory and Journalism Theory: Undivided and Undivided]. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, Vol. 2, 2007, pp. 228–239.
11. Chumakova V. A. *Psikhologicheskie Osobennosti Internet-Kommunikatsii v Sotsia'nykh Setyakh* [Psychological Features of Internet Communication in Social Networks]. *Molodoi Uchenyi*, Vol. 3, 2013, pp. 451–453.
12. Shapiro O. A. *Massovaya Kommunikaciya v On-Line Izmerenii: Smena Paradigmy* [Mass Communication in the On-Line Dimension. Paradigm Shift]. *Visnyk Natsiona'nogo Universitetu Yurydychna Akademiya Ukrainy Imeni Yaroslava Mudrogo. Seriya: Filosofiya, Filosofiya Prava, Politologiya, Sotsiologiya*, Vol. 2, 2013, pp. 57–65.
13. Yurina I. A., Borodulina N. Yu., Makeeva M. N. *Issledovanie Sotsialnykh Setei v Kontekste Lingvistiki Novykh Media* [Study of Social Networks in the Context of New Media Linguistics]. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*, Vol. 11-2 (77), 2017, pp. 178–181.

**ANALYSIS OF THE MODEL OF COMMUNICATION OF PUBLISHING  
BRANDS IN SOCIAL NETWORKS VKONTAKTE AND INSTAGRAM**

*Shapovalova Ye. V.*

The article describes brand communication in social networks with the audience based on the linear communication model of G. D. Lasswell. The research focuses on the study of social networks as a two-way communication process in which customers play a significant role. The main part of the article presents the results of a study of communication between Russian publishers Eksmo and MYTH in popular social networks in Russia, such as Vkontakte and Instagram.

The author highlights the methods of communication of these publishers and the main characteristics of communicators. The specifics of the message are revealed (the structure, type, implementation of the user content, as well as messages aimed at stimulating consumer demand are considered). The features of communication channels are defined (different channels for a specific target audience, redirecting interested readers to external resources). The main characteristics of the recipient (such as age, loyalty, activity) are highlighted, and tools for enhancing the effect are defined. The authors evaluated the desire to receive feedback from editors of publishing houses' pages in social networks. The article describes how social media may be used to increase audience interest in books and create a constant demand for publishing products.

**Keywords:** communication, social networks, communication model, publishing, audience.

УДК 070

## ЖАНР ИНТЕРВЬЮ НА ПЛАТФОРМЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО СЕГМЕНТА YOUTUBE: ТРАНСФОРМАЦИИ И МЕДИАТЕХНОЛОГИИ

*Яблоновская Н. В., Езык А. В.*

Таврическая академия (структурное подразделение)  
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского  
Симферополь, Россия  
E-mail: yablon@rambler.ru  
E-mail: cinemarclee@gmail.com

*Мустафаева Н. Д.*

Крымский инженерно-педагогический университет  
Симферополь, Россия  
E-mail: mustafaeva-1998@list.ru

В статье изучается трансформация жанра интервью на платформе видеохостинга YouTube. Авторы обращают внимание на то, что YouTube-интервью отличает новый тип взаимоотношений между интервьюером и собеседником, большая свобода в выборе тем и формата общения, ориентация на эмоциональный отклик, неофициальность, человекоориентированность, наличие целого ряда технологических инноваций, направленных на установление обратной связи с аудиторией.

**Ключевые слова:** YouTube, интервью, видеоблог, трансформация, медиатехнологии.

### ВВЕДЕНИЕ

Жанр интервью является одним из наиболее популярных в отечественной журналистике и соответственно одним из наиболее исследованных. Изучению особенностей жанра интервью посвящены работы таких авторов, как В. И. Антонова, С. А. Белановский, В. С. Виноградский, Е. И. Голанова, Д. П. Губин, С. Н. Ильченко, М. Н. Ким, А. В. Колесниченко, Н. В. Куницына, М. М. Лукина, А. В. Мажура, Л. Плешаков, Я. С. Савинова, Е. Б. Сахнова, Е. Д. Тимофеева, В. Т. Третьяков и др.

Однако, как и вся медиасистема России, в настоящее время данный жанр подвергается значительным трансформациям, связанным с развитием новых каналов передачи информации, ведущее место среди которых занимает крупнейший видеохостинг YouTube.

Очевидно, что интервью на YouTube-каналах значительно отличаются и по форме проведения, и по содержанию от своих телевизионных аналогов. Это обусловило цель нашей статьи – обобщить трансформации жанра интервью в русскоязычном сегменте YouTube.

Задачи статьи:

- изучить специфику использования жанра интервью на YouTube платформе;
- дать описание новых медиатехнологий, используемых при проведении YouTube-интервью;
- проанализировать трансформации, произошедшие с жанром интервью на популярных русскоязычных каналах видеохостинга YouTube.

#### **ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА**

Согласно данным компании «Делойт», в России сохраняется тенденция сокращения доли россиян, пользующихся телевидением: в 2020 г. только 88 % респондентов смотрели телевизор в последние две недели, что является самым низким показателем за последние 5 лет (в 2015 году – 94 %) [6]. В то же время во время ограничительных мер значительно увеличился средний индекс медиаактивности, причем наибольший рост характерен для использования интернета [6]. Наиболее популярным онлайн-видеосервисом в 2020 г. в России является YouTube, которым пользуется 92 % респондентов (для сравнения: Вконтакте – 33 % респондентов, Яндекс – 25 %, Инстаграм – 15 %, Одноклассники – 14 %, при этом большинство респондентов пользуется двумя и более онлайн-видеосервисами) [6].

Одной из тенденций последних лет является массовый приход на YouTube профессиональных журналистов, деятельность которых ранее проходила в рамках традиционных СМИ: Ю. Дудя, Л. Парфенова, К. Собчак, А. Пивоварова и др. Журналистов популярный видеохостинг привлекает отсутствием редакционных ограничений (в том числе скрытой цензуры), жестких временных рамок и свободой самовыражения.

Помимо творческих, у отмеченной тенденции есть и экономические причины. Так, исследователи Д. Гавра и В. Декалов дают ей объяснение в рамках концепции

коммуникативного капитализма: «Журналист, обладающий специфическими навыками и компетенциями, с развитием интернет-технологий получил возможность диверсификации собственной профессиональной практики не только между отдельными изданиями, но также и реализуя себя как игрока сетевого пространства. Для этого журналист вкладывает накопленный медийный ресурс узнаваемости и репутации в собственный участок Сети и вступает в конкуренцию за внимание аудитории. Цели такого брендинга участка могут быть различные, например реализация собственного проекта или более свободное от редакционной политики и формата издания высказывание мнения. Захватывая внимание аудитории и завоевывая ее доверие, журналисты могут стать частью сетевой элиты. Конвертируя это внимание в деньги, журналисты могут накапливать коммуникативный капитал, автономный от медийного капитала» [3, с.77].

Жанр интервью стал первым форматом, завоевавшим русскоязычный сегмент YouTube. Новые возможности жанра раскрыл бывший спортивный журналист Юрий Дудь (бывший главный редактор, а в настоящее время – заместитель генерального директора ресурса «Sports.ru») на канале «вДудь» (8,42 млн. подписчиков на 06.12.2020). По его мнению, интервью «это обилие эмоций, фактов»: «Раньше аудитория YouTube думала, что это максимально дежурный, ритуальный жанр. Поэтому для местных зрителей это как минимум необычно» [2]. Девиз канала: «Здесь задают вопросы».

В настоящее время жанр интервью реализуется на таких популярных каналах, «ещёнепознер» с Николаем Солодниковым, «А поговорить?» с Ириной Шихман, «Осторожно, Собчак!» с Ксенией Собчак, «ЖЗЛ» с Дмитрием Быковым, «Вписка» с Василием Труновым и Николаем Редькиным, «Esquire Russia» с Сергеем Минаевым, «ЛСД» и «ЧСВ» с Ильей Варламовым, «ЛАВ» с Антоном Беляевым и др. Также с выпусков в жанре интервью начиналось становление популярных YouTube-каналов «Редакция» с Алексеем Пивоваровым и «Нежный редактор» с Татьяной Мингалимовой.

Вместе с профессиональными ведущими на YouTube приходят и профессиональные команды: операторы, монтажеры, стилисты и т.д., нацеленные на

изготовление качественного контента. Некоторые видеоблоги (например, «А поговорить?» с Ириной Шихман) являются проектами официальных телеканалов («Москва-24»). Профессионалы старых медиа часто приносят на YouTube такую их классифицирующую черту, как периодичность выхода, которая, как считалось раньше, отличала СМИ от СМК.

В YouTube-интервью вместо приветственного слова, которое должно заменить газетный лид и вызвать интерес аудитории, чаще всего используют короткую нарезку интересных, но не связанных между собой вопросов и ответов, смысл которых будет раскрыт во время передачи.

Удерживать внимание аудитории на протяжении длительного времени (а в большинстве своем интервью на YouTube длятся дольше своих телевизионных аналогов, поскольку ничто не ограничивает собеседников) помогает и частая смена кадров и локаций. Например, интервью Ю. Дудя проходят и в его студии, и в «родных» для его гостей интерьерах и ландшафтах (с В. Познером – у него дома, с Дм. Глуховским – в центре Москвы, рядом с «французской» школой, в которой учился писатель, в лодке на реке, и т.д.), а смена локаций во время программы происходит неоднократно. На канале И. Шихман тоже активно используется данный прием. Например, в интервью с М. Галкиным («А поговорить?», выпуск от 24.12.19 г.) мы видим героя программы в аэропорте, в самолете, в салоне автомобиля и, наконец, в домашней обстановке, беседа перебивается нарезками из выступлений Галкина на сцене, видеоопросами зрителей и отрывком из видео канала «вДудь» (Максим Галкин ссылается на это видео во время своей речи).

Важным атрибутом интервью на YouTube является взаимодействие команды каналов с аудиторией (лайки, дизлайки, комментарии) и наличие таймлайна беседы в виде закрепленного комментария для удобства просмотра. Эта особенность YouTube-интервью особенно важна, когда речь идет о просмотре видео длиной в несколько часов.

Популярным на социальных платформах способом поддержания активности аудитории являются и всевозможные конкурсы с розыгрышем призов от гостей выпуска. Такие конкурсы часто проходят на каналах «вДудь», «ещёнепознер» и др.

Некоторые блогеры (например, Ю. Дудь) уже сопровождают выпуски субтитрами на английском языке, пытаясь расширить свою аудиторию за счет иностранцев, которым интересна Россия и все в ней происходящее. Так, в настоящее время англоязычные субтитры есть у таких выпусков «вДудя», как «Ивлеева», «Нагиев», «Михалков», «Гуриев», «Балагов», «Иванов», «Айсултан», «Ходорковский», «Серебряков», «Хабенский», «Толоконникова», «Колокольников», «Таир Мамедов», «Идов», «Гордон», а также «Колыма», «Беслан» (+ испаноязычные субтитры), «Человек после войны», «Русский Вудсток», «Русский Голливуд», «Русская Замбия» и др.

Исследователи отмечают, что само название видеоролика на YouTube обращает внимание читателя на главные темы выпуска: «Уже в заголовке выделяются те аспекты разговора, которые будут прежде всего интересны зрителю, называются топы, связанные с фактами беседы, которые всегда неоднозначны, а следовательно, особенно важны как актуальные новые сведения для участников интервью и зрителей» [1, с. 187].

Отдельного внимания заслуживает система подбора гостей для YouTube-каналов. С одной стороны, здесь можно отметить полную свободу блогеров от стоп-листов и других ограничений, которые мешают работе журналистов в официальных СМИ. Гостями популярных видеоблогов становятся опальные политики, оппозиционно мыслящие ученые и деятели культуры и т.д. С другой стороны, очевидно, что гости программы часто подбираются по формальным показателям, и в первую очередь, по их популярности у аудитории. Все гости Дудя, например, без исключений – известные медийные лица. Редактор канала «вДудь» Татьяна Мингалимова, открывшая собственный канал «Нежный редактор», подтверждает этот факт и пытается использовать иной подход к подбору гостей: «К Юре приходят либо статусные гости, либо хайповые, либо супермегаинтересные, однако существуют не менее интересные персонажи, но просто не такие знаменитые. И здесь, кстати, нельзя не вспомнить про женщин, которые к нему не приходят. Мне было интересно пообщаться с ними, послушать их, поэтому я решила создать

«Нежного редактора» и звать туда людей, к которым у меня со мной есть куча вопросов» [7].

Однако если Ю. Дудя можно обвинить в конъюнктурности в подборе гостей, то другие блогеры ориентируются на определенную целевую аудиторию. Так, шоу «Вписка» определила для себя медийных личностей только на профессиональном поприще молодых музыкантов. Василий Трунов и Николай Редькин два раза в месяц путешествуют по городам России, демонстрируя подписчикам и фанатам родные края популярных современных музыкантов. Шоу «ещёнепознер» приглашает на интервью далеко не самых известных, но выдающихся личностей. А влог «Без души» Данилы Поперечного ограничивается гостями, интересными самому ведущему.

Одним из главных отличий YouTube-интервью является новая роль журналиста в материале. Журналист на YouTube уже не просто интервьюер, а владелец канала, имеющий собственную аудиторию, которой интересно услышать мнение самого ведущего. Журналист может дополнять ответы, уточнять их, комментировать и входить в полноценную дискуссию.

Интервьюер на платформе YouTube расширяет границы дозволенного, тем самым создавая более интересные для зрителя ситуации и раскрывая гостя как личность. Для этого часто используются:

- развивающие вопросы: «Давай для начала, чтобы восстановить, попробуй вспомнить, что было год назад? Кем ты был и что делал?» («вДудь», выпуск от 03.03.2020 г.);

- уточняющие вопросы: «У Питера есть репутация, как у супер-наркоманского города. Когда ты сюда переехала, тебя это коснулось? – Конечно коснулось. Я вообще не представляю, как можно переехать в Питер и чтобы тебя это не коснулось. Это, наверное, нужно жить в какой-то полной изоляции. У меня так не было, я общалась со всеми, просто пыталась как-то узнать этот мир. – Каким образом именно тебя это коснулось?» («Вписка», 6 декабря 2019 г.);

- подсказывающие реплики: «Если мы условно будем говорить о Лондоне, самые ценные работы могут защитить стеклом. – В Лондоне стеклом защитили

порядком пяти работ Бэнкси, которые там каким-то чудом остались» («varlamov», «ЛСД» от 13.05.18 г.);

- неудобные, провокационные вопросы – например, любимый вопрос Ю. Дудя: «Сколько ты зарабатываешь?».

В выпуске «ещёнепознера» Николай Солонников порой даже отвечает на вопросы самого интервьюируемого: «Москва не город? Почему? – Это место без какого-то осмысленного настоящего, это какое-то лого большое», хотя и отмечает, что обычно его роль в передаче более традиционная, и он не позволяет так открыто дискутировать с собеседником («ещёнепознер», 21.03.2019 г.).

Ирина Шихман в интервью с солистом группы «Нервы» Женей Мильковским берет в руки гитару со словами «Я умею играть “В траве сидел кузнечик”» (20.03.2020 г.): с одной стороны, данная информация никоим образом не интересна аудитории музыканта, а с другой – действия ведущего настраивают интервьюируемого на свободный диалог и показывают его отношение к происходящему, тем самым раскрывая личность и характер.

Говоря о «феномене Ю. Дудя», журналист А. Максимов отмечает: «Во-первых, он слышит собеседника. Во-вторых, если его гость говорит нечто непонятное, он всегда доводит это до понимания. <.> феномен Дудя прежде всего в том, что он понял, что интересно его аудитории, и не стесняется об этом говорить» [9]. Заметно, что Ю. Дудь пристально следит за тем, чтобы содержание беседы было для аудитории интересным и доступным. Отсюда его многочисленные вопросы в стиле «Правильно ли я вас понял?», в ответ на которые собеседник вынужден уточнить или развернуть свою мысль, отсюда же – активное использование поясняющих титров в выпусках.

Для YouTube-интервью характерна подчеркнутая неформальность, доверительность общения. Например, ведущие общаются с гостями на «ты». Этот прием, как объяснила Ирина Шихман, помогает установить контакт с героем: «Очень часто после записи гости даже тянутся ко мне обниматься и целоваться на прощание, будто мы старые друзья – даже если мы не были с ними до этого знакомы» [11].

«Дружеский» характер интервью могут также подчеркивать внешний вид журналиста, его поза, мимика, жесты, особенности лексики. Так Ю. Дудь одевается

в молодежном стиле, подчеркнута буднично (любимая вещь в гардеробе – клетчатая рубашка), иногда – с налетом экстравагантности (яркие конверсы со звездами, футболки с эпатажными надписями и т.д.), и это настраивает гостя на неофициальность разговора. Во время беседы журналист сидит в расслабленной позе, «нога на ногу», активно жестикулирует, поддерживая гостя. Этот прием также помогает герою интервью расслабиться и без настороженности отнестись к задаваемым вопросам.

Как справедливо отмечает Н. Н. Подосокорский: «Юрий Дудь виртуозно овладел инструментарием т.н. «журналистики эмоций», чрезвычайно популярной среди аудитории соцсетей. Ее задача не столько объяснить явление или раскрыть человека, сколько изоощренно играть на эмоциональных раздражителях, приковывающих внимание зрителей за счет обсуждения «горячих» тем, описания табуированных ситуаций и употребления «запретных» слов» [8, с. 160–161].

Действительно, Ю. Дудь часто использует молодежный сленг: «весь жир», «900 кусков», «фоточки», «мутить бизнес», «погнались», «котаны», «фишка», «гнать», «зашкварный», «попса галимая», «камон», «замутить» и т.п., а иногда и обсценную лексику (при этом в интервью с гостями, для которых она является неприемлемой, он от нее отказывается). Само название блога, обыгрывающее фамилию ведущего, и его музыкальная заставка носят провокативный характер, намекая на сленговое слово с сексуальным подтекстом. С помощью сленга и нецензурной лексики он создает имидж «своего парня» не столько для гостя, сколько для молодежной аудитории, на которую рассчитан его канал.

Последний радикальный прием создания имиджа «своего парня» используют далеко не все владельцы популярных интервью-шоу на YouTube-каналах, что говорит как о стандартах поведения самих ведущих, так и о том, что их каналы рассчитаны на более зрелую аудиторию, но «журналистика эмоций» в той или иной степени присутствует во всех популярных YouTube-интервью.

Например, Ирина Шихман избегает бранных слов и сленговых выражений, ее одежда, макияж и прическа тщательно подобраны стилистом, часто – в официальном стиле. Несмотря на это и на канале «А поговорить?» культивируется дружеская,

доверительная манера общения на «ты» с интервьюируемым. Например, в популярном интервью с Максимом Галкиным, Шихман сидит в расслабленной позе, подперев голову рукой, иногда даже облокотившись на широкий подлокотник дивана, как будто бы беседуя тет-а-тет со своим старым другом.

На канале журналиста Николая Солодникова «еще не познер», известного как ««вДудь» для интеллектуалов», тоже поддерживается неформальная, дружеская атмосфера общения с гостями. Одежда ведущего обычно релевантна стилю поведения и общения гостя. «Мы приглашаем в программу тех людей, которых бы мы с радостью пригласили к себе домой. Или сами бы пришли к ним в гости, если бы они нас позвали. Ход и темп разговора – всегда разный. Максимально удобный, комфортный для собеседника, соответствующий ему. Неприкрытое уважение, любовь к герою, как минимум интерес к нему – обязательные для нас условия», – делится своим кредо Солодников [10].

Поскольку «ещёнепознер» рассчитан на образованную аудиторию, на нем присутствует минимум «хайпа» и кричащих заголовков (у этого правила есть отступления – например, недавний выпуск «Братва: история бандитского Петербурга»): ведущий образован, начитан, корректен, доброжелателен. Однако принципиальное для видеохостинга YouTube отсутствие рамок и ограничений влияет и на этот канал – например, в интервью с адвокатом Ильей Новиковым Н. Солодников делает ремарку: «Должен тебя предупредить, что может попасться ненормативная лексика. Если это не противоречит твоим убеждениям, то ютюбу это точно не противоречит» («ещеневечер», выпуск 19.09.19 г.).

Журналист беседует с политиками, журналистами, общественными деятелями и т.п. Его интервью обычно делится на две части: в первой звучат вопросы о личной жизни героя, во второй – о профессиональной деятельности и политике. Несмотря на наличие общественно значимых вопросов, о собеседнике канала как о личности можно узнать гораздо больше, нежели о его политических взглядах и общественной активности.

В целом ведущие YouTube-интервью заметно ориентированы не только на добывание новых фактов, но и на раскрытие личности гостя. В беседах часто

используются вопросы о личной жизни, тех ее сторонах, которые ранее считались табуированными: здоровье, внешность, финансы, браки, разводы и т.д. Однако сегодня эти темы весьма популярны в интервью на видеохостинге, а корректность их подачи полностью зависит от профессионализма интервьюера.

### **ВЫВОДЫ**

Таким образом, в настоящее время в русскоязычном сегменте платформы YouTube происходит активная трансформация жанра интервью, которое принимает новые формы, непривычные для традиционного телевизионного, радиого и газетного форматов. Интервью на YouTube – это не просто традиционный жанр в новой среде, это продукт специфической среды, культуры и формы коммуникации. Его отличает новый тип взаимоотношений между интервьюером и собеседником, большая свобода в выборе тем и формата общения, ориентация на эмоциональный отклик, неофициальность, человекоориентированность, наличие целого ряда технологических инноваций, направленных на установление обратной связи с аудиторией.

### **Список литературы**

1. Антонова, Л. Г., Башловкина, Ю. А. Коммуникативный инструментальный современный формы интервью на платформе YouTube / Л. Г. Антонова, Ю. А. Башловкина // Социальные и гуманитарные знания. – 2018. – Т. 4. – №. 3. – С. 35–43.
2. Березина, Н. Как Юрий Дудь создал один из самых сильных персональных брендов в медиа [Электронный ресурс] / Н. Березина // РБК: сайт. – URL: <https://www.rbc.ru/magazine/2017/06/592555cc9a7947d4c8585415>. – (Дата обращения: 06.12.2020).
3. Гавра, Д., Декалов, В. Заменят ли блогеры журналистов? Институциональные и неинституциональные игроки на пересечении медиа и сетевого пространств // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – Т. 10. – № 3–2. – С. 75–82.

4. Зубанова, Л. Б., Зыховская, Н. Л. Сетевые проекты: потенциал воздействия на аудиторию (на примере проекта «Вдудь») // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2018. – № 4 (30). – С. 119–127.
5. Лопаева, С. «Новый телевизор»: как журналисты захватывают русскоязычный YouTube [Электронный ресурс] // International Center for Journalists: официальный сайт. – Режим доступа: <https://ijnet.org/ru/story/новый-телевизор-как-журналисты-захватывают-русскоязычный-youtube> (Дата обращения: 06.12.2020).
6. Медиапотребление в России в 2020 г. [Электронный ресурс] // Deloitte: официальный сайт. – Режим доступа: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/media-consumption-in-russia.html#> (Дата обращения: 06.12.2020).
7. «Нежный» редактор «Вдудь»: «Сталкиваюсь с тем, что девочки не хотят отвечать за свои слова» [Электронный ресурс] // Реальное время. – Режим доступа: <https://realnoevremya.ru/articles/79603-intervyu-nezhnogo-redaktora-vdud-tatyany-mingalimovoy> (Дата обращения: 06.12.2020).
8. Подосокорский, Н. Н. «Лицо с экрана». В чем секрет популярности ток-шоу «Вдудь»? // Наука телевидения. – 2018. – №14.3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/litso-s-ekrana-v-chem-sekret-populyarnosti-tok-shou-vdud> (Дата обращения: 06.12.2020).
9. Рюрикова, С. Ю. Поймать пересмешника [Электронный ресурс] // STORI. – 2018. – № 3 (110). – С. 54–60. – Режим доступа: <https://story.ru/istorii-znamenitostej/intervyu/roumat-peresmeshnika/> (Дата обращения: 06.12.2020).
10. Солодников, Н. Ещепознер [Электронный ресурс] // Ещепознер: сайт. – Режим доступа: <https://eshenepozner.ru/>. – (Дата обращения: 06.12.2020).
11. Сулим, С. Иди конкурируй с Дудем. Как Ирине Шихман удалось создать востребованное политическое шоу на ютьюб-канале правительства Москвы [Электронный ресурс] // Медуза. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2019/10/07/idi-konkuriruy-s-dudem> (Дата обращения: 06.12.2020).

### References

1. Antonova L. G., Bashlovkina Ju. A. *Kommunikativnyj instrumentarij sovremennoj formy interv'ju na platforme YouTube* [Communicative Tools of the Modern Form of Interviews on the YouTube platform]. *Social'nye i gumanitarnye znanija*, 2018, vol. 4, no 3, pp. 35–43.
2. Berezina N. *Kak Jurij Dud' sozdal odin iz samyh sil'nyh personal'nyh brendov v media* [How Yuri Dud Created One of the Strongest Personal Brands in the Media]. Available at: <https://www.rbc.ru/magazine/2017/06/592555cc9a7947d4c8585415> (accessed 06 December 2020).
3. Gavra D., Dekalov V. *Zamenjat li blogery zhurnalistov? Institucional'nye i neinstitucional'nye igroki na peresechenii media i setevogo prostranstv* [Will Bloggers Replace Journalists? Institutional and Non-institutional Players at the Intersection of Media and Network Spaces]. *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'*, 2018, vol. 10, no 3–2, pp. 75–82.
4. Zubanova L. B., Zyhovskaja N. L. *Setevye proekty: potencial vozdeystvija na auditoriju (na primere proekta «Vdud'»)* [Network Projects: the Potential for Influencing the Audience (on the Example of the Project "Vdud")]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija*, 2018, no № 4 (30), pp. 119–127.
5. Lopaeva S. *«Novyj televizor»: kak zhurnalisty zahvatyvajut ruskoyazychnyj YouTube* ["New TV": How Journalists Take over Russian-language YouTube]. Available at: <https://ijnet.org/ru/story/novyj-televizor-kak-zhurnalisty-zahvatyvajut-ruskoyazychnyj-youtube> (accessed 06 December 2020).
6. *Mediapotreblenie v Rossii v 2020 g.* [Media Consumption in Russia in 2020]. Available at: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/media-consumption-in-russia.html#> (accessed 06 December 2020).
7. *«Nezhnyj» redaktor «vDud'»: «Stalkivajus' s tem, chto devochki ne hotjat otvechat' za svoi slova»* ["Gentle" editor "vDud": "I am Faced with the Fact that Girls Do not Want to be Responsible for their Words"]. Available at: [realnoevremya.ru/articles/79603-](http://realnoevremya.ru/articles/79603-)

- intervyu-nezhnogo-redaktora-vdud-tatyany-mingalimovoy (accessed 06 December 2020).
8. Podosokorskij N. N. *«Lico s jekrana». V chem sekret populjarnosti tok-shou «Vdud'»?* ["The Face from the Screen." What is the Secret of the Popularity of the Talk Show "Vdud"?]. Available at: [cyberleninka.ru/article/n/litso-s-ekrana-v-chem-sekret-populyarnosti-tok-shou-vdud](http://cyberleninka.ru/article/n/litso-s-ekrana-v-chem-sekret-populyarnosti-tok-shou-vdud) (accessed 06 December 2020).
  9. Rjurikova S. Ju. *Pojmat' peresmeshnika* [To Catch a Mockingbird]. Available at: <https://story.ru/istorii-znamenitostej/intervyu/pojmat-peresmeshnika/> (accessed 06 December 2020).
  10. Solodnikov N. *Eshhenepozner*. Available at: <https://eshenepozner.ru/> (accessed 06 December 2020).
  11. Sulim S. *Idi konkuriruj s Dudem. Kak Irine Shihman udalos' sozdat' vostrebovanoe politicheskoe shou na jut'jub-kanale pravitel'stva Moskvyy* [Go to Compete with Dud. How Irina Shikhman Managed to Create a Popular Political Show on the YouTube Channel of the Moscow Government]. Available at: <https://meduza.io/feature/2019/10/07/idi-konkuriruy-s-dudem> (accessed 06 December 2020).

**THE GENRE OF INTERVIEW ON THE PLATFORM OF THE RUSSIAN-  
LANGUAGE SEGMENT OF YOUTUBE: TRANSFORMATION AND  
MEDIATECHNOLOGY**

*Yablonovskaya N. V., Mustafaeva N. D., Ezyk A. V.*

This article deals with the transformation of the interview genre on the YouTube videohosting platform. The authors draw attention to the fact that YouTube interviews are distinguished by a new type of relationship between the interviewer and the interlocutor, greater freedom in the choice of topics and format of communication, focus on emotional response, informality, human orientation, the presence of a number of technological innovations aimed at establishing feedback with the audience.

**Keywords:** YouTube, interviews, videoblog, transformation, media technologies

### СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

**Борисова Людмила Михайловна** – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

**Гуменюк Ольга Николаевна** – доктор филологических наук, профессор кафедры украинской филологии ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

**Дроздова Стелла Александровна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

**Егорова Людмила Геннадьевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской литературы и журналистики ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

**Езык Алексей Васильевич** – бакалавр кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

**Жуков Анатолий Евгеньевич** – аспирант Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

**Колесникова Оксана Анатольевна** – магистр кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики

Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

**Мустафаева Нурие Диляверовна** – бакалавр кафедры крымскотатарской литературы и журналистики ГБОУВО РУ «Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова, г. Симферополь, Россия

**Николаев Николай Ипполитович** – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и русского языка ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», г. Архангельск, Россия

**Орехов Владимир Викторович** – доктор филологических наук, доцент, декан факультета славянской филологии и журналистики, профессор кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

**Орехова Людмила Александровна** – доктор филологических наук, профессор кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

**Первых Диана Константиновна** – кандидат культурологии, доцент кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

**Петров Александр Владимирович** – доктор филологических наук, профессор кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

## АВТОРЫ

**Пляскина Екатерина Андреевна** – аспирант ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия

**Тамерьян Татьяна Юльевна** – доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный деятель науки Республики Северная Осетия-Алания, член-корреспондент Российской Академии Естествознания, Член Российской ассоциации лингвистов-когнитологов, ФГБУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова», г. Владикавказ, Россия

**Шаповалова Екатерина Владимировна** – кандидат экономических наук, доцент кафедры МКиПЛ Ростовского государственного университета путей сообщения, г. Ростов-на-Дону, Россия

**Швецова Татьяна Васильевна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы и русского языка ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», г. Архангельск, Россия

**Шестакова Елена Юрьевна** – кандидат филологических наук, Центральная библиотека имени Н. В. Гоголя, г. Северодвинск, Россия

**Шульженко Юлия Андреевна** – магистр кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

**Яблоновская Наталья Всеволодовна** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры рекламы и издательского дела факультета информационно-полиграфических технологий Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

**1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС**

***Борисова Л. М., Шульженко Ю. А.***

ГЕРОЙ И ЕГО ПРОТОТИПЫ: ПРОБЛЕМА ПОКОЛЕНЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ  
В РОМАНЕ М. ГОРЬКОГО «ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА».....3

***Гуменюк О. М.***

СТАНОВЛЕННЯ ДУХОВНОГО СВІТУ ЛЕСІ УКРАЇНКИ В КОНТЕКСТІ  
ПРОВІДНИХ ІНТЕЛЕКТУАЛЬНИХ ТЕЧІЙ КІНЦЯ ХІХ – ПОЧАТКУ ХХ СТ.....16

***Николаев Н. И., Швецова Т. В.***

И. С. ТУРГЕНЕВ В «ПЕТЕРБУРСКОМ СБОРНИКЕ» (ПУБЛИКАЦИИ  
ПИСАТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСКАНИЙ ЭПОХИ).....34

***Орехов В. В.***

СЕВЕРО-ВОСТОК: РОССИЯ НА «ИМАГОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ»  
ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....45

***Орехова Л. А., Первых Д. К.***

ПИСЬМО П. П. СВИНЬИНА В «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ» КАК МАТЕРИАЛ  
ДЛЯ КОММЕНТАРИЯ К «ПУТЕВЫМ ЗАМЕТКАМ» А. С. ГРИБОЕДОВА.....70

***Первых Д. К.***

ВОЕННЫЙ ЛУБОК КАК ЖАНР ЖУРНАЛИСТИКИ.....92

***Шестакова Е. Ю.***

ФЕНОМЕН ДЕТСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. С. ШМЕЛЕВА 1910–1914 ГГ.....106

**2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ  
ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА**

***Дроздова С. А.***

ИЗУЧЕНИЕ ЭМОТИВНОСТИ В АСПЕКТЕ РКИ .....125

**Жуков А. Е.**

ПОНЯТИЯ «ДВОЙНИК» И «БЛИЗНЕЦ»  
(НА ПРИМЕРЕ УРБАНОНИМИКОНА Г. ДОНЕЦКА).....138

**Петров А. В., Сова Ю. А.**

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА  
ОККАЗИОНАЛИЗМОВ, НАЗЫВАЮЩИХ ЧАСТИ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА  
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А. БЕЛОГО «МОСКВА»).....150

**Пляскина Е. А.**

ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА «ДРАКОН»  
КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ.....165

**Тамерьян Т. Ю.**

ОСЕТИНСКИЙ ЯЗЫК В ЯЗЫКОВОМ ЛАНДШАФТЕ СЕВЕРНОЙ  
И ЮЖНОЙ ОСЕТИИ: ЦЕННОСТНЫЙ РАКУРС  
И МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ.....182

### 3. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

**Егорова Л. Г., Колесникова О. А.**

СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО  
ВЕЩАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ТЕЛЕКОМПАНИИ.....197

**Шаповалова Е. В.**

КОММУНИКАЦИЯ БРЕНДОВ ИЗДАТЕЛЬСТВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ  
«ВКОНТАКТЕ» И «ИНСТАГРАМ»: РАЗБОР МОДЕЛИ.....213

**Яблоновская Н. В., Мустафаева Н. Д., Езык А. В.**

ЖАНР ИНТЕРВЬЮ НА ПЛАТФОРМЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО СЕГМЕНТА  
YOUTUBE: ТРАНСФОРМАЦИИ И МЕДИАТЕХНОЛОГИИ.....225

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....239**